

ISSN 2500-039X

Вестник 2021

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия

Филология, педагогика,
психология

№ 1

ISSN 2500-039X

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2021

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Бондарева Л. М., Захарова Д. В.</i> Грифонимы как объект лингвистического исследования.....	5
<i>Ваулина С. С., Серганова Д. А.</i> Модальность как способ раскрытия личности автора памятника древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха».....	12
<i>Ломакина О. В., Овчинникова Г. В.</i> Фразеобразующий потенциал соматизма <i>сердце / cœur / Herz</i> в русском, французском и немецком языках.....	19
<i>Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А.</i> Функционально-семантическая характеристика перцептивной и эмотивной лексики в жизнеописании Николая Японского	29
<i>Барков И. С.</i> Гендерный компонент в просодии речевых актов требования	40
<i>Родина Н. А.</i> Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего.....	51
<i>Урусова Н. А.</i> Художественный образ как когнитивный феномен	61
<i>Холманских Ю. С.</i> Художественный образ языка в поэзии Пауля Целана	73
<i>Еремينا Е. А.</i> «Очей очарованье» глазами иностранцев: восприятие иностранными студентами словесного образа в составе крылатого выражения	83

Педагогика и психология

<i>Шаповал И. А.</i> Учебно-профессиональный дискурс высшей школы в аспектах концепта грамотности	95
<i>Колотова О. В.</i> Эскапизм: неконструктивные пути личностного самоопределения подростков.....	106

CONTENTS

Philology

<i>Bondareva L.M., Zakharova D.V.</i> Griphonyms as a subject of linguistic research	5
<i>Vaulina S.S., Serganova D.A.</i> Modality as a way to decode the author's personality in an ancient Russian masterpiece "The Testament of Vladimir Monomakh"	12
<i>Lomakina O.V., Ovchinnikova G.V.</i> Phraseological potential of the somatism <i>cepдye / cœur / Herz</i> in the Russian, French and German languages	19
<i>Dmitrieva E.G., Safonova I.A.</i> Functional and semantic characteristics of emotive and perceptual vocabulary in hagiography of Nikolay Yaponskiy	29
<i>Barkov I.S.</i> Gender and prosody: speech acts of demand.....	40
<i>Rodina N.A.</i> Onomastic component of a linguistic identity of a Russian military officer.....	51
<i>Urusova N.A.</i> A literary image as a cognitive phenomenon	61
<i>Kholmanskikh Yu.S.</i> Artistic individual image of the language in P.Celan's poetry	73
<i>Eremina E.A.</i> "Enchantment for the eyes" through the eyes of foreigners: how foreign students perceive Russian verbal image in catch phrases.....	83

Pedagogy and psychology

<i>Shapoval I.A.</i> Academic and professional discourse in higher professional education and the literacy concept	95
<i>Kolotova O.V.</i> Escapism: non-constructive ways of teenage personal self-determination	106

Л. М. Бондарева, Д. В. Захарова

**ГРИФОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследуются функционирующие в текстах англоязычных компьютерных игр жанра фэнтези специфические языковые единицы, для обозначения которых вводится термин «грифонимы». Под этим термином подразумеваются номинации персонажей, созданных воображением разработчиков игр и не имеющих аналогов в реальной действительности. Выявляются обязательные и факультативные черты носителей грифонимов, осуществляется их классификация. Проводится структурно-семантический анализ грифонимов, устанавливается зависимость формирования номинаций игровых персонажей от темпорального фактора.

The article examines specific lexical units called grifonyms which are functioning in the texts of fantasy video games. A new term 'grifonyms' refers to nominations of characters created by the imagination of game developers and having no analogues in reality. Obligatory and optional features of grifonyms are revealed, their systematization and classification are carried out. The authors highlight the semantic features and analyze the structural components of grifonyms. The dependence of the formation of nominations of game characters on the temporal factor is established.

Ключевые слова: компьютерные игры жанра фэнтези, игровые персонажи, грифонимы, семантика, темпоральный фактор

Keywords: fantasy video games, game characters, grifonyms, semantics, temporal factor

Имена собственные, особую группу которых составляют антропонимы, играют важную роль в процессе взаимодействия человека и социума. Невозможно представить себе мир, лишенный названий и имен: согласно данным А. Г. Лыкова и Т. А. Чабанец, имен собственных существует даже больше, чем нарицательных [4, с. 14]. Имена собственные являются не просто частью номинативного пространства, соотносящегося с реальной действительностью, — они формируют позицию человека в этой действительности, доказательством чего служит большое количество научных исследований, посвященных взаимосвязи между личностью и ее именем или названием объекта и отношением индивидуума к этому объекту [1; 4; 5].

Хотя мы оперируем именами собственными в нашей повседневной жизни, невозможно игнорировать тот факт, что, например, в сфере игровой компьютерной индустрии не меньшей релевантностью обладают имена собственные, которые присущи обитателям виртуальных игровых вселенных. Известно, что в число первостепенных задач разработчиков компьютерных игр входит создание эффекта присутствия, увеличивающего время пребывания пользователей в игре. Чтобы добиться максимального эффекта присутствия, специалисты должны принимать во внимание не только код, внешний вид игры и ее героев, но и языковой аспект, который подразумевает, помимо прочего, создание и использование ярких и необычных номинаций игровых персонажей, что вызывает дополнительный интерес у целевой аудитории.

Данная мысль подтверждается результатами анкетирования, проведенного нами в 2019 г. на текстовом материале компьютерных игр жанра фэнтези (далее – КИЖФ). Было установлено, что большее влияние на коммерческую успешность этих игр оказывает не глубина их локализации, а характер функционирующих в текстах игр языковых средств. Так, в частности, в ходе анализа ответов русскоязычных респондентов трех возрастных категорий (6+, 12+, 18+) на вопросы о наиболее предпочтительных вариантах перевода «говорящих» наименований персонажей из вселенной серии игр Adventure Time оказалось, что трансформации, производимые переводчиками при работе с номинациями героев игр, самым существенным образом формируют реакцию конечного потребителя (как положительную, так и отрицательную). Соответствующие статистические данные были получены в результате подсчета количества скачиваний компьютерных игр и анализа уровня глубины их локализации [2, с. 216].

Поскольку в виртуальных вселенных КИЖФ присутствуют необычные создания, не имеющие аналогов в реальном мире, нам представилось целесообразным в процессе исследования рассматривать все названия таких существ, используя общий видовой термин «грифонимы» (от греч. γρίφος – загадка, нечто непонятное и -ὄνομα – имя). Таким образом, под грифонимами подразумеваются номинации вымышленных персонажей КИЖФ, обладающие одно- или многокомпонентным структурным составом и референциально соотносящиеся с внешностью, характером, функцией, социальной ролью, расой или происхождением героев игры. При этом отдельные носители грифонимов могут сочетать в себе как антропоморфные качества (сознание, речь), так и чисто фэнтезийные (необычная внешность, наличие магических способностей).

В процессе исследования текстов, видео- и аудиоматериалов КИЖФ Pokemon, Zanzarah, Fran Bow, Adventure Time Card Wars были выявлены следующие специфические черты представителей игровых вселенных:

Черты	Комментарий
<i>Облигаторные</i>	
Отсутствие аналога в реальном мире	Персонажи не дублируют реальные объекты
Специфическая внешность	Уникальный внешний образ
Магические способности	Персонажи обладают различными магическими способностями
<i>Факультативные</i>	
Сознание	Персонажи могут принимать собственные решения в рамках игрового сюжета
Наличие собственного языка	Язык персонажей может состоять из одного слова (как это происходит, например, в играх серии Pokemon) или носить системный характер
Речь	Речь персонажей в играх серии Pokemon представляет собой интонационные вариации одного слова – имени этого покемона. В технически более сложных играх персонажи обладают речью, которая представлена в виде текстовых и аудиокментариев, а также кат-сцен (кинематографических вставок, внутриигровых фильмов)

Все установленные персонажи классифицированы нами по следующим группам: человекоподобные создания, фэнтезийные создания из мира фауны, фэнтезийные создания из предметного мира, фэнтезийные создания из мира флоры, а также их модификации, представляющие собой синтез отдельных групп (смешанный тип). При этом номинации представителей этих групп, то есть сами грифонимы, чаще всего указывают на необычную внешность их носителей. Так, например, *Baldferatu* из игры *Adventure Time Card Wars* является зеленым лысым человекоподобным существом с острыми клыками, умеющим летать. Вполне очевидно, что данный грифоним образован при помощи сложения двух корней по типу паронимической аттракции: *bald* («лысый») и *-feratu* как части существительного *nosferatu*, впервые использованного Бремом Стокером в качестве синонима к лексеме «вампир» в романе «Дракула». В этой связи следует отметить, что в 1922 г. немецкий кинорежиссер Ф.В. Мурнау выпустил фильм под названием «Носферату. Симфония ужаса», в котором Орлок, главный герой, известный как Носферату, обладал специфическим цветом кожного покрова. Таким образом, происхождение номинации *nosferatu* может быть связано с греческим словом *νοσοφόρος* – «переносящий болезнь» [9, с. 349].

Ниже приведены примеры номинаций пяти групп персонажей из исследованных нами игр, их перевод на русский язык, а также дано описание внешности этих персонажей:

Таблица 2

Грифоним	Перевод	Внешний вид персонажа
<i>Человекоподобные создания</i>		
Reaper	Жнец (перевод наш)	Полностью багровое создание в шляпе с косой
Baldferatu	Лысферату (перевод наш)	Зеленое лысое существо с острыми клыками, которое умеет летать
Itward	Итворд	Скелет в смокинге
<i>Фэнтезийные создания из мира фауны</i>		
Golduck	Голдак	Синяя утка-динозавр
Mewtwo	Мьюту	Смесь кошки и кенгуру
Chimchar	Чимчар	Обезьяна с огненным хвостом
<i>Фэнтезийные создания из предметного мира</i>		
Grimer	Граймер	Покемон-грязь
Cottonpult	Хлопкопульта (перевод наш)	Катапульта, стреляющая хлопком и мечами
Sack O' Pain	Мешок боли (перевод наш)	Подушка с бейсбольной битой
<i>Фэнтезийные создания из мира флоры</i>		
Green Cactaball	Шаровидный кактус (перевод наш)	Круглый кактус-колобок с пятью ответвлениями-колобками
Legion of Earlings	Легион початков (перевод наш)	Несколько желтых созданий, на руках, ногах и головах которых расположены початки кукурузы
Cogwind	Когвинд	Короткий пухлый корень с большим количеством отростков по всему телу
<i>Смешанный тип</i>		
Princess Bubblegum	Принцесса Бубльгум	Человекоподобное создание из жвачки
Lumpy Space Princess	Принцесса Пупырка	Человекоподобное создание, состоящее из пупырок (бугров)
Flame Princess	Огненная Принцесса	Создание оранжевого цвета, представляющее собой конгломерат человека и огненной стихии

Совершенно очевидно, что семантика приводимых в данной таблице грифонимов отличается существенным многообразием, особенно ярко проявляющимся в рамках смешанной группы. В качестве примера можно рассмотреть номинацию персонажа из игры Adventure Time Card Wars – *Lumpy Space Princess* (Принцесса Пупырка), который сочетает в себе одновременно антропоморфные и предметно-конкретные качества. Значение этого грифонима складывается из его компонентов *Lumpy* (англ. *lump* – бугор) и *Princess* (англ. *princess* – принцесса): речь идет о принцессе Пупырчатого королевства, представляющей собой

ожившее человекообразное существо из фиолетовых пупырок-бугров. Происхождение принцессы отражается в компоненте *Space*, обозначающем «космос, космическое пространство» и указывающем на место рождения и среду обитания персонажа.

Сложносоставной характер грифонима *Lumpy Space Princess* способствует появлению разнообразных вариантов его перевода на русский язык. Согласно карточке персонажа в сети Интернет [3], данное имя собственное может передаваться пятью способами: Принцесса Пупырчатого Королевства, Принцесса Бугристого Пространства, Принцесса Пупырка, ППК и просто Пупырка.

В ходе исследования семантики грифонимов, принадлежащих к фэнтезийным играм разных лет, было установлено, что существует прямая зависимость между характером номинирования игровых персонажей и темпоральным фактором: наращивание семантического потенциала грифонимов в последние годы произошло во многом благодаря техническому прогрессу и усилению интереса пользователей ПК к компьютерным играм. Если на начальном этапе развития КИЖФ создатели грифонимов делали акцент главным образом на внешности персонажей, то в более поздний период в номинациях появляются компоненты, указывающие на характер, социальную роль, происхождение героев и др.:

Грифоним	Перевод	Значение
<i>Pokemon (1996 – 1998)</i>		
Ivysaur	Ивизавр	Внешность
Caterpie	Катерпи	Внешность
Butterfree	Баттерфри	Внешность
Ninetales	Наинтейлс	Внешность
Magmar	Магмар	Внешность
<i>Zanzarah (2002)</i>		
Gremrock	Гремрок	Внешность
Luria	Лурия	Внешность
Skelbo	Скелбо	Внешность
Blumella	Блумелла	Внешность
Violectra	Виолектра	Внешность, функция
<i>Fran Bow (2015)</i>		
Beetlepig	Жукоswин	Внешность
Deadleeworms	Смерто-черви	Внешность, функция
Luciferns	Люциферны	Внешность, происхождение, функция
The Queen of Meat	Королева мяса	Внешность, социальная роль
Remor	Ремор	Функция
<i>Adventure Time Card Wars (2017)</i>		
Fisher Fish	Рыба-рыбак (перевод наш)	Внешность, функция
Rainbow Barfer	Радужный Тошнотик (перевод наш)	Внешность, функция
Banshe Queen	Королева Банши	Раса, социальная роль
Fummy	Слабомумия	Внешность, характер
Sandwitch	Песчаная ведьма	Внешность, раса, происхождение

Согласно приведенным данным, наименования большинства персонажей КИЖФ 1990-х гг. совершенно однозначно отражают их внешний вид. Так, грифоним *Ivysaur* (Ивизавр), встречающийся в тексте игры *Pokemon* и образованный при помощи сложения корней двух существительных по типу паронимической аттракции (*ivy* «плющ» и *-saur* как вторая часть существительного *dinosaur* «динозавр»), принадлежит существу, которое напоминает синего динозавра с растущими из его спины цветком и листьями

В первые десятилетия XXI в. значения и структура наименований персонажей становятся более разнообразными, что можно проиллюстрировать на примере грифонима *Fimtu* (Слабомумия). Данная номинация основана на игре слов: прилагательное *fimtu*, которое, согласно *Urban Dictionary*, переводится и как «нерадостный», и как «глупый» [8], созвучно существительному *mummy* («мумия»), что дает возможность изобразить носителя этого грифонима в виде вялого коричневого существа в бинтах, напоминающего мумию, которая состоит из песка и потому может рассыпаться.

Грифоним *Sandwitch*, функционирующий в тексте игры *Adventure Time Card Wars*, также содержит в себе два значения: компонент *sand* («песок») указывает как на происхождение персонажа (*Sandwitch* является обитателем *Sandy Lands*, то есть Песчаных земель), так и на его внешность (состоит из песка). Второй компонент – существительное *witch* («ведьма») – соотносится с расой персонажа, то есть принадлежностью к конкретному типу героев КИЖФ, определяемому их рождением. Поскольку в данном случае имеется в виду раса *ведьма*, это существо обладает классическими внешними ведьмовскими атрибутами: носит остроконечную шляпу и длинные растрепанные волосы. Кроме того, грифоним *Sandwitch* представляет собой омофон существительного *Sandwich* («бутерброд, сэндвич»), что также находит отражение в облике ведьмы, которая держит в руках сэндвичи.

Несмотря на указанную выше эволюцию грифонимов в семантическом плане, обусловленную темпоральным фактором, очевидным является то обстоятельство, что до текущего момента превалирующей при выборе номинации игрового персонажа продолжает оставаться сема «внешность», встречающаяся в наименовании практически каждого персонажа из рассмотренных нами игр.

Таким образом, на основе осуществленного исследования можно сделать вывод о том, что персонажи КИЖФ, номинации которых предлагается обозначать термином «грифонимы», представляют собой вымышленные существа в виде человекоподобных созданий, фэнтезийных созданий из мира фауны, флоры, предметного мира и смешанного типа. Все носители грифонимов имеют схожие облигаторные черты (отсутствие аналога в реальном мире, специфическая внешность, магические способности) и факультативные черты (сознание, речь, наличие собственного языка). Грифонимы необходимо рассматривать как отдельную группу онимов, которые могут референциально соотноситься не только с внешностью персонажа, но и с его характером, функцией в игровой вселенной, социальной ролью, расой, происхождением и об-

ладать одно- или многокомпонентным структурным составом. Оказиональный характер данных номинаций способствует вариативности их перевода на русский язык и служит средством усиления эффекта присутствия пользователей КИЖФ в виртуальном игровом пространстве.

Список литературы

1. *Аблова Н.А.* Семантика имен собственных. Денотация и коннотация. Обзор исследований // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6, №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-imen-sobstvennyh-denotatsiya-i-konnotatsiya-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 16.11.2020).
2. *Захарова Д.В.* Коммерческая успешность компьютерных игр в зависимости от глубины локализации и перспективы ее развития в России (на материале компьютерных игр Pokemon, Zanzarah, Fran Bow, Adventure Time Card Wars) // Фундаментальная и прикладная наука : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск, 2020. С. 210–217.
3. *Карточка персонажа «Принцесса Пупырчатого королевства».* URL: https://adventuretime.fandom.com/ru/wiki/Принцесса_Пупырчатого_Королевства (дата обращения: 07.03.2020).
4. *Лыков А.Г., Чабанец Т.А.* Русское личное имя собственное // Филологические науки. 1999. №1. С. 13–21.
5. *Рылов Ю.А.* Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации. М., 2006.
6. *Рюкова А.Р., Филимонова Е.А.* Перевод имен собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevod-imen-sobstvennyh-pri-lokalizatsii-multiplatformennyh-kompyuternyh-igr> (дата обращения: 07.03.2020).
7. *Греческо-русский*, русско-греческий онлайн-словарь. URL: <http://greeklang.ru/?s=%D0%B7%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0&lookword=1> (дата обращения: 07.03.2020).
8. *Urban Dictionary* : [онлайн-словарь]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=fummy> (дата обращения: 07.03.2020).
9. *Stoker B.* Dracula (Literary Touchstone Edition) / P. Moliken (ed.). Prestwick House, 2006.

Об авторах

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Россия.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Дина Вадимовна Захарова — асп., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Россия.
E-mail: dina.zakharova13@gmail.com

The authors

Dr. Liudmila M. Bondareva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Dina V. Zakharova, PhD Student, Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: dina.zakharova13@gmail.com

С. С. Ваулина, Д. А. Серганова

**МОДАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ
АВТОРА ПАМЯТНИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
«ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА»**

12

Рассматривается модальная организация «Поучения Владимира Мономаха» с точки зрения жанровой принадлежности и целевой установки данного памятника. Выявляются план содержания авторской модальности и средства ее выражения в тексте произведения. Устанавливается роль авторской модальности в создании портретной характеристики Владимира Мономаха как человека и государственной личности.

The article deals with the modal organization of the Old Russian literary work "The Testament of Vladimir Monomakh", its genre and purpose. The article identifies the plane of content of author's modality and the means of its representation in the text of the manuscript. The authors establish the role of the author's modality in the creation of Vladimir Monomakh's portrait characteristic, which describes him as a person and a statesperson.

Ключевые слова: модальность, авторская модальность, значения побудительной модальности, жанровая специфика древнерусских текстов, поучение

Keywords: modality, author's modality, the meanings of incentive modality, genre specific of the Old Russian texts, testament

Языковая модальность как одна из ключевых семантических категорий, устанавливающих непосредственную связь высказывания с внеязыковой действительностью, за достаточно длительный срок ее активного изучения (более 70 лет) получила солидную разработку как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (см. об этом подробнее: [3]), а «продолжающиеся исследования в этой области носят практический или уточняющий характер и не разрушают основных положений концепции модальности, суммарно намеченных применительно к русскому языку еще академиком В. В. Виноградовым» [4, с. 8–9]. При этом накопленные научные сведения о данной категории создали условия для ее расширенного анализа, основанного на вынесении модальности за пределы предложения-высказывания в текст (см. об этом подробнее: [12]), в результате которого акцент делается на прагматическом аспекте данной категории и на передний план выдвигается рассмотрение самого акта коммуникации, где важную роль выполняют взаимоотношения автора текста и читателя и где, как справедливо отмечает И. Ю. Кукса, «выражается эмоционально-волевое отношение говорящего, направленное на выполнение определенной программы действий участников речевого акта» [9, с. 44].

В контексте вышесказанного при исследовании модальной организации текста в настоящее время весьма актуальным является анализ комплекса проблем, связанных с понятием авторской модальности и спецификой ее реализации в разножанровых текстах не только в синхронном, но и в диахроническом аспекте, в частности в древнерусских текстах, представленных, как известно, достаточно большим жанровым разнообразием (житие, поучение, слово, военная повесть, летопись, хронограф, четьи-минеи, патерик, апокриф, послание). Обращаясь к анализу текстов древнерусской письменности, важно учитывать особенности их жанровой принадлежности, поскольку, как считает И. П. Еремин, «в средневековой литературе отдельные жанры еще не успели приобрести чисто “литературного” характера; помимо литературного, они имели еще и практическое, “деловое” назначение (жития были тесно связаны с культом святых; летопись служила важным историко-политическим документом...). Очень возможно, что эта дополнительная, “деловая” функция жанров средневековой литературы и явилась причиной известной их обособленности. Каждый жанр средневековой литературы был относительно крепко скован определенными правилами, соответствующими “деловой” сфере его применения» [7, с. 241]. При этом, по мнению Д. С. Лихачева, «жанровые разграничения в древнерусской литературе были настолько велики, что опыт одного жанра не скоро мог быть перенесен в другой» [11, с. 7]. Здесь речь идет прежде всего о том, что «в литературе Древней Руси гораздо большую роль, чем авторское начало, играл жанровый признак» [11, с. 56].

Вышеприведенные наблюдения исследователей позволяют предположить, что в каждом из жанров древнерусской письменности авторская модальность выражалась в разной степени и на первых этапах существования древнерусских памятников целенаправленность соответствующих текстов не пересекалась.

Вполне очевидно, что наиболее ярко авторские интенции в памятниках древнерусской письменности, созданных на этапе зарождения и становления древнерусского языка как языка книжности, проявлялись в жанре поучения, поскольку в нем преследовалась цель побудить адресата к действию, достигаемая именно при выражении личностного начала в тексте, в отличие от произведений, относящихся к жанрам, целью которых было описание исторических событий или жизни святых, что, разумеется, сводило роль автора в тексте к минимуму.

Почтение как жанр, укрепившийся на территории Руси в связи с распространением христианства [10, с. 64], носит нравственно-дидактический характер. Цель авторов данного жанра — дать нравственные ориентиры, показать примеры, убедить адресатов следовать установленным заповедям. Отчетливо выделяются два вида поучений: торжественные поучения (изложение проблем государственного и/или общественного порядка, рассчитанное на грамотную, элитарную аудиторию) и дидактические поучения (изложение преимущественно нравственных истин, рассчитанное на самую широкую аудиторию). Важной особенностью построения поучений является наличие в них конкрет-

ного адресата — часто используются обращения (*дети мои, чадо, братья, княже* и т. п.) Так, по наблюдениям исследователей, достаточно часто встречаются поучения отца к сыну или детям (см., напр., [2]). Как отмечает И. П. Еремин, «поучения обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались или произносились на общедоступном, живом, разговорном древнерусском языке» [6, с. 65].

«Касаясь преимущественно вопросов государственно-политических или моральных, — отмечает В. В. Кусков, — писатель верит в силу слова, в силу убеждения. Он обращается не только к своим современникам, но и к далеким потомкам с призывом заботиться о том, чтобы славные деяния предков сохранились в памяти поколений и чтобы потомки не повторяли горестных ошибок своих дедов и прадедов» [10, с. 8]. При этом сама личность автора поучения отражалась в тональности его речи: например, речь великого князя имела более ультимативный характер по отношению к адресатам (родным детям, духовенству, князьям, простым подданным) в сравнении с речью лиц, находящихся по статусному положению ниже. Конечно, на выбор языковых средств при написании текста влияла и личность адресата — поучения к князьям писались в торжественно-пафосной манере, к простым людям — более доступным языком и носили дидактический характер. Такую стилистическую специфику отчетливо демонстрирует памятник периода истории русского литературного языка, который исследователями обозначается как донациональный, киевский период (X — начало XII в.), — «Поучение Владимира Мономаха», написанное между 1099 и 1118 гг.

Следует заметить, что вопрос о жанровой принадлежности «Поучения Владимира Мономаха» в современной научной литературе является дискуссионным. Так, например, Т. Н. Копреева отмечает, что в данном памятнике присутствуют черты автобиографической прозы (см. об этом: [8]), а Л. Г. Дорофеева предлагает для обозначения жанра памятника определение «исповедь-самоотчет»¹, поскольку, как отмечает исследователь, способ создания текста «определяется смиренным типом отношения к жизни его автора, который, конечно, пишет не собственно поучение и не собственно автобиографию и не является собственно героем своего творения» [5, с. 97], а когда «звучит собственное слово автора, оно представляет собой внутренний непрерывный диалог, работу души» [5, с. 101]. Не подвергая сомнению правомерность высказываний о том, что в произведении Владимира Мономаха, которое автор писал, по его выражению, «съя на санех» [13, с. 392], то есть в конце своего жизненного пути, присутствуют черты и автобиографии, и исповеди, все же считаем, что исследователями не вполне учитывается целевая установка данного произведения, состоящая для автора не только в том, чтобы рассказать о своей жизни и исповедаться, но и в том, чтобы на личном примере убедить читателей жить в согласии с мирскими законами и христианскими заповедями. В контексте вышесказанного уместным представляется замечание Е. И. Сарина: «особенностью авто-

¹ В данном случае Л. Г. Дорофеева использует незначительно варьированный термин М. М. Бахтина «самоотчет-исповедь» [1, с. 121].

биографического дискурса проповеднического типа в Поучении Владимира Мономаха является то, что автор свой жизненный опыт расценивает в качестве образцового, достойного подражания» [15, с. 275]. Таким образом, можно считать, что «Поучение Владимира Мономаха» представляет собой классический образец жанра поучения, и символично с этой точки зрения второе название произведения – «Поучение к детям». Мономах обращается не только к своим родным детям, но и ко всем своим подданным: «Да дѣти мои, или инъ кто» [13, с. 392].

Содержательную основу модальной организации «Поучения Владимира Мономаха» в соответствии с его жанровой направленностью составляет побудительная модальность, реализующаяся в частных модальных значениях совета / рекомендации (22 случая реализации), просьбы (8), мольбы (4).

Преобладающим средством выражения данных значений в тексте является повелительное наклонение, которое представлено в «Поучении» морфологически, то есть посредством использования глаголов в форме повелительного наклонения, обладающих семантикой побуждения (*не посмѣйтеся, потѣснися, уклонися, створи, взищи* и др.). Данные экспликативы, будучи ядерным средством выражения побудительной модальности, выступают в составе как простых, так и сложных предложений. При этом наибольшая частотность их функционирования в рассматриваемом произведении зафиксирована в простом предложении при реализации следующих частных значений побудительной модальности:

– совета / рекомендации: «Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣквѣка» [13, с. 394]; «Научися, вѣрный человекче, быти благочестию дѣлатель» [13, с. 396]; «Лжѣ блюдиися и пьянства и блуда» [13, с. 396]; «Епископы, и попы и игумены... с любовью взимаите от них благословенье, и не устраняйтеся от них, и по силѣлюбите и набдите, даприимете от них молитву... от бога» [13, с. 398]; «Старыячти яко отца, а молодыя яко братью» [13, с. 400]; «Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣите выше всего» [13, с. 400];

– просьбы: «Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочеть, не хвалю бося ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго с елико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя бытъ створилъ, худаго, на вся дѣла человекъская потребна» (408); «Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его» [13, с. 408];

– мольбы²: «Измий мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящихъ безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». <...> Покры мя от соньма лукаваго и от множества дѣлающихъ неправду» [13, с. 394]; «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буеть» [13, с. 396]; «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявсья, оправдивъ животъ» [13, с. 400].

² Отметим, что частное значение просьбы используется автором при обращении к реальным людям, его современникам, а мольба, в отличие от просьбы, направлена к божественным силам.

Также в модальной функции побуждения достаточно часто выступают глаголы в форме повелительного наклонения в условных сложноподчиненных предложениях, в которых реализуется «взаимная связь ситуаций предопределяющей и предопределенной, то есть ситуации-следствия» [14, с. 562–563]. Применительно к рассматриваемому нами тексту модель данных синтаксических конструкций можно схематично обозначить формулой «Аще... то...» / «Аще не... то...», где в придаточной части предложения содержится указание на условие, сформулированное адресантом, при выполнении (или невыполнении) которого должно осуществиться (или не осуществиться) действие адресата, названное в главной части. Таким образом, в рамках сложноподчиненных предложений указанного типа у автора «Поучения» появляется возможность более развернутого выражения своих модальных интенций, усиливается пафосность его речи. Ср.: «Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братъи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ» [13, с. 398].

В предложениях подобного типа реализуются те же частные значения побудительной модальности, которые зафиксированы нами и в простых предложениях, а именно совета / рекомендации: «Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды» [13, с. 398]; «Послушайте мене: аще не всего примете, то половину» [13, с. 398]; «Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бе-сорома, и вамъ будетъ добро» [13, с. 400].

Иногда рекомендации автора «Поучения» имеют категоричный характер, приближающийся к значению угрозы, что раскрывается в содержании контекста. Ср.: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повинень смерти, а душа *не погубляйте* никакая же хрестьяны» [13, с. 398]. Однако примеры подобного типа единичны, поскольку в целом не свойственны модальной тональности речи князя Владимира. Если обратить внимание на количественное соотношение частных модальных значений в тексте, то станет очевидно, что личности автора соответствует наставляющий, а не угрожающий тон, однако в случаях, связанных с религиозными установками Древней Руси и религиозным сознанием древнерусского человека, их употребление оправданно, поскольку в таких моментах автор стремится подчеркнуть важность послушания человека перед божественными силами и жизни в согласии с христианскими заповедями.

Следует также отметить немногочисленные случаи употребления в речи автора «Поучения» вводных слов и словосочетаний с модально-оценочным значением уверенности (*поистинѣ, Бога дѣля; всего же паче*), способствующих усилению побудительной тональности рассматриваемого текста: «Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ» [13, с. 396]; «А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ улучити милость Божью» [13, с. 396]; «Всего же паче

убогых не забывайте, но елико могуще по силъ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити челоуѣка» [13, с. 398].

Таким образом, анализ средств выражения модальных значений, образующих смысловую основу древнерусского памятника «Поучение Владимира Мономаха» и реализующихся в частных значениях побудительной модальности, позволяет раскрыть многоаспектный портрет личности его автора — князя Владимира — в совокупности его морально-нравственных взглядов, устремлений и интенций, составляющих сущность авторской модальности в тексте рассматриваемого памятника. Как справедливо указывает Т. Н. Копреева, в «Поучении» Мономах предстает как «государственный и политический деятель, который выступает на фоне психологических переживаний простого смертного — отца, брата; идеал дохристианского воина-героя переплетается в нем с идеалом христианского государя» [8, с. 100].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бугославский С. А., Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы : в 10 т. Т. 1. М. ; Л., 1941. С. 289–297.
3. Ваулина С. С. Традиционное и дискуссионное в научных подходах к модальности // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка : монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст [и др.] ; под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018. С. 7–42.
4. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. 2010. С. 8–13.
5. Дорофеева Л. Г. Поучение Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8: Сер. Филологические науки. С. 97–101
6. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
7. Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. ; Л., 1966.
8. Копреева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27.
9. Кукса И. Ю. Специфика реализации коммуникативного потенциала модальности на исторических этапах функционирования русского языка // Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка: монография / С. С. Ваулина, И. Ю. Кукса, Н. А. Пробст [и др.] ; под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018. С. 43–105.
10. Кусков В. В. История древнерусской литературы : учебник. М., 1998.
11. Лихачев Д. С. Избр. тр. по русской и мировой культуре. СПб., 2006.
12. Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. 2001. №4. С. 99–105.
13. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 392–413.
14. Русская грамматика : в 2 т. М., 1980. Т. 2.
15. Сарин Е. И. Специфика автобиографического дискурса в Поучении Владимира Мономаха // Вестник Брянского государственного университета. 2014. №2. С. 274–279.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: svaulina@mail.ru

Дарья Александровна Серганова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: serganova-dasha@mail.ru

The authors

Prof. Svetlana S. Vaulina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: svaulina@mail.ru

Daria A. Serganova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: serganova-dasha@mail.ru

О. В. Ломакина, Г. В. Овчинникова

**ФРАЗЕООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОМАТИЗМА
СЕРДЦЕ / CŒUR / HERZ В РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ
И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Впервые проводится семный анализ фразеологических единиц с компонентом сердце / cŒur / Herz на примере русского, французского и немецкого языков. В результате выявляется не только сходство семантической аттракции в идиомах языков неродственных семей, но и факторы, обуславливающие различие семантической заряженности как ядерных, так и дифференциальных сем. Предложенный корпус иллюстративного материала позволяет решить ряд проблем национально-культурного плана фразеологических единиц русского, французского и немецкого языков, определить универсальные и национально-специфические черты фразеологии этих языков, выявить особенности миропонимания и миропонимания русских, французов и немцев. Анализ соматизма сердце / cŒur / Herz способствует описанию эмотивного компонента как одного из ведущих в семантической структуре сопоставляемых фразеологических единиц и выявлению факторов, обуславливающих употребления фразеологизмов в речи. Комплекс методов сопоставительного анализа семантики фразеологизмов русского, французского и немецкого языков дает возможность выявить семантические универсалии и специфические национальные особенности фразеологических единиц, а также проанализировать лингвистические и экстралингвистические причины сходств и различий фразеологизмов в исследуемых языках. Компонентный анализ изученных фразеологизмов позволил получить картину реализации потенциальных сем компонента-соматизма сердце / cŒur / Herz в неродственных языках.

19

The article offers a comparative analysis of phraseological units with the component сердце / cŒur / Herz in the Russian, French and German languages. As a result, not only the similarity of semantic attraction in the idioms of the languages of unrelated families is revealed, but also the factors that determine the difference in the semantic charge of both nuclear and differential semes. The proposed corpus of illustrative material allows us to solve a number of problems of the national-cultural field of phraseological units of the Russian, French and German languages, to determine the universal and national-specific features of the phraseology of these languages, to reveal the peculiarities of the worldview and worldview of Russians, French and Germans. The choice of somaticisms сердце / cŒur / Herz contributes to the most accurate description of the emotive component as one of the leading in the semantic structure of the compared phraseological units and to the identification of factors that determine the use of phraseological units in speech. A methodological set for semantic comparative analysis of phraseological units in Russian, French and German makes it possible to identify semantic universals and specific national features of phraseological units, as well as to analyze the

linguistic and extralinguistic reasons for the similarities and differences of phraseological units in the studied languages. Component analysis of the studied phraseological units gave a clear picture of the commonality of potential semes "сердце, cœur, Herz" in unrelated languages.

Ключевые слова: фразеология, сопоставительная фразеология, лингвокультура, фразеологическая единица, соматизм, *сердце / cœur / Herz*

Keywords: phraseology, comparative phraseology, linguoculture, phraseological unit, somatism, *сердце / cœur / Herz*

Введение

Осознавая мир и определяя свое место в нем, человек «посредством органов чувств... создает свою систему представлений о мире» [13, с. 392]. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) в рамках лингвокультурологической теории воспринимаются как индикаторы этнокультурной специфики языка. Положение о том, «что в языковых знаках хранится и транслируется культурная информация – объясняющая прошлое и прогнозирующая будущее», является одним из основных при проведении лингвокультурологического анализа ФЕ [4, с. 14]. Состав фразеологии того или иного языка «включает в себя явления, относящиеся к культурным паттернам, менталитету, традициям, фольклору, системе ценностей и структуре социальной и политической жизни, характерной для языкового сообщества, – так называемую социокультурную идиоматику» [3, с. 202].

Соматизмы, наряду с анимализмами, колоративами, онимами, представляют собой одну из самых продуктивных групп для фразеобразования в различных языках, образуя, согласно теории Ст. Скорупки, пласт натуральной фразеологии. ФЕ, отнесенные к натуральной фразеологии, «являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу» [24, с. 104]. Опозиция *натуральное – конвенциональное*, выделенная Ст. Скорупкой, соответствует более принятой, в том числе во фразеологии и паремиологии, опозиции *универсальное – индивидуальное*. Проблема фразеологической интернационализации, обозначенная еще на этапе становления фразеологии как науки, обрела конкретное воплощение в словарных трудах, цель которых – представление общего с учетом всех нюансов конкретного языка, демонстрация преемственности и общих корней культуры (см., напр., [9; 24; 25]). Кроме того, посредством анализа так называемой натуральной фразеологии, в том числе с компонентом-соматизмом, можно выявить функциональный потенциал, уточнить возможности стилистического регистра конкретной ФЕ.

Соматическая фразеология (*resp.* соматический код культуры) выступает одним из средств отражения наивного сознания носителей языка относительно тела, его частей и органов [5, с. 55], поскольку «тело и отдельные его части являются первичной основой концептуализации внешнего и внутреннего мира человека, а также мерой всех вещей»

[8, с. 5]. Синтагматические связи в языке и способность к метафоризации лексем, обозначающих части тела, в разноструктурных языках обладают разной степенью продуктивности [12, с. 663].

Сегодня внимание лингвистов, по верному замечанию Е.Н. Сычёвой, «направлено на исследование не только употребления соматизмов в прямой номинации... но также на их функционирование во фразеологическом контексте» [15, с. 289]. Изучение соматической фразеологии ведется в самых различных аспектах (обзор работ см.: [11; 12]). Объектом исследования в данной статье станет соматизм 'сердце' — безусловно, один из центральных в своей семантической группе, поскольку сердце — не только важнейший орган живых существ, но и «символ средоточия чувств во многих языках» [20, с. 85].

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей лексико-семантических вариантов *сердце*, *cœur* и *Herz* в разноструктурных языках и сопоставлении ФЕ, включающих вышеуказанные соматизмы, для обнаружения особенностей реализации ядерных, дифференциальных и потенциальных сем в зависимости от фразеоконтекста в русском, французском и немецком языках.

Материалом исследования послужила авторская картотека, состоящая из 400 ФЕ, извлеченных приемом сплошной выборки из словарей.

Для получения наиболее достоверных результатов исследования была применена комплексная методика, включающая сравнительно-сопоставительный метод, метод лексикографического описания, методы словарных дефиниций, компьютерной обработки частотности, семного анализа, а также прием сплошной выборки.

Характеристика фразеобразующего потенциала соматизма *сердце* / *cœur* / *Herz* в русском, французском и немецком языках

Точность семантической характеристики сопоставляемых русских, французских и немецких ФЕ определяется словарными дефинициями ядерных (стержневых) компонентов ФЕ. Представим лексико-семантические варианты соматизма *сердце*, зафиксированные в толковых словарях рассматриваемых языков.

Сердце. 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. 3. перен. Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. 4. перен. разг. Гнев, раздражение. 5. перен.; чего. Центр, главная часть чего-л. [16, с. 80].

Cœur. 1. A. 1) Organe centrale de l'appareil circulatoire. Chez l'homme, viscère musculaire situé entre les deux poumons et dont la forme est à peu près celle d'une pyramide triangulaire à sommet dirigé vers le bas, en avant et à gauche. 2) Poitrine. 3) Estomac. B. (Par anal.) 1) Ce qui a la forme où rappelle la forme du cœur (y compris *aux cartes* — une des quatre couleurs, dont les points sont figurés par des cœurs). 2) La partie centrale de qqch. (centre, milieu, trognon). 3) Fig. Le point essentiel, culminant, capital.

2. 1) (par métaphore) le siège des sensations et émotions. 2) (Loc.) siège du désir, de l'humeur (plaisir, volontier; enthousiasme, entrain, goût, intérêt, zèle). 3) le siège de l'affectivité (sentiments, passions). Les sentiments que le cœur éprouve (sensibilité, affection, attachement, inclination, passion, tendresse, amour). 4) bonté, sentiments altruistes (bienveillance, compassion, charité, délicatesse, dévouement, générosité, pitié, sensibilité); la personne, concidérée dans ses sentiments, ses affections; dans l'apostrophe à une personne aimée. 5) (Litter.) le cœur – source des qualités de caractère siège de la conscience. 6) La vie intérieure, la pensée intime, secrète. 7) Par cœur, de mémoire. Apprendre, connaître, savoir, réciter par cœur. – (Par ext.) Connaître qn par cœur = connaître parfaitement son caractère, sa vie. – Fam. Vieilli. Dîner par cœur = se passer de dîner [23, p. 331].

Herz. 1) a) Organ, das den Blutkreislauf durch regelmäßige Zusammenziehung und Dehnung antreibt und in Gang hält: ein gesundes, kräftiges, gutes, schwaches H.; das H. schlägt, pocht, klopft, hämmert, flattert; b) als Speise dienendes Herz (1a) bestimmten Schlachttiere; 2) (meist geh.) in der Vorstellung dem Herzen (1a) zugeordnetes, in ihm lokalisiert gedachtes Zentrum der Empfindungen, des Gefühls, auch des Mutes und der Entschlossenheit; 3) geliebte Person, Liebling (meist in der Anrede); 4) a) zentraler, innerster Teil von höheren Pflanzen; b) innerster Bereich von etw.; Zentrum, Mittelpunkt; 5) Figur, Gegenstand in Herzform; 6) a) (ohne Art, ohne Plural) [dritthöchste'gd] Farbe im Kartenspiel; Cœur; b) (Plural Herz) Spiel mit Karten bei dem Herz (6a) Trumpf ist; c) (Plural Herz) Spielkarte mit Herz (6a) als Farbe [21, S. 700–701].

Согласно представленным словарным описаниям, в трех языках лексема многозначна, в основе – образования непрямых значений. Анализ соматизма *сердце* обнаруживает наличие идентичных значений данных слов в рассматриваемых языках: а) орган, поддерживающий процесс кровообращения; б) нечто, имеющее форму сердца; в) средняя часть, центр, середина чего-либо; г)местилище чувств, ощущений, эмоций, желаний, черт характера человека; д) вариант обращения к любимому человеку; е) червонная масть в картах. В немецком языке слово *Herz* имеет следующие специфические значения: а) блюдо, продукт питания; б) средняя часть (сердцевина) растений. Специфические значения слова *cœur* во французском языке: а) грудь; б) желудок; в) основная часть, высшая, главная точка чего-либо; г) память. В русском языке выделяется значение, отождествляющее сердце с душой, это значение выделено как главное для русской лингвокультуры в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: «Сердце – средоточие эмоционально-чувственной жизни человека,местилище любви, тоски, веры, страха» [1, с. 258].

Поскольку русская, французская и немецкая лингвокультуры в основе своей христианские, важным является представление сердца в тексте Библии. По наблюдениям Г.Н. Складневской, «сердце в Священном Писании – это некий центр, сокровенная глубина человеческой личности, определяющая весь психический и психологический склад человека целиком, его мыслительные способности, чувства, намерения, желания, волю, совесть» [14, с. 304].

На основе этих данных следует перейти к определению областей бытия, к которым можно отнести имеющиеся ФЕ. В результате распределения ФЕ с компонентами *сердце*, *cœur* и *Herz* выделены две группы ФЕ: 1) ФЕ, связанные с физическими проявлениями бытия человека; 2) ФЕ, связанные с духовными, душевными, чувственными, эмоциональными проявлениями бытия человека.

Данные группы объединили в себе следующие подгруппы:

1.1. Сердце и связанные с ним физические ощущения и действия. В приводимых ниже примерах рассматриваемый компонент-соматизм употребляется в значении 'орган кровообращения':

– рус.: *вонзать / вонзить (острый) нож в сердце* – причинять острую боль, глубокое страдание кому-л. [17, т. 1, с. 95];

– фр. *enfoncer un poignard à qn dans le cœur* – вонзить нож в сердце [19, с. 655]; *côté du cœur* – левая сторона (туловища, сторона, где расположено сердце) [19, с. 271]; *comprimer le cœur à deux mains* – схватиться за сердце (букв.: сжать сердце двумя руками) [19, с. 631]; *avoir le cœur mort* – испытывать сильную слабость (букв.: иметь мертвое сердце) [19, с. 240]; *se percer le cœur* (букв.: пронзить себе сердце – наложить на себя руки) [19, с. 242];

– нем.: *j-m tat das Herz (im Leibe) weh* – нанести удар в самое сердце (букв.: сделать больно); *ein Kind unter dem Herzen tragen* (носить ребенка под сердцем); *j-m schlägt das Herz bis zum Hals* – сердце сильно бьется (букв.: выпрыгивает до горла); *es friert j-m das Herz im Leibe* – душа замирает (букв.: сердце замирает); *kommt von Herzen* – от души [22, S. 571].

1.2. Грудь. Как французские, так и немецкие ФЕ обнаружили редкие употребления компонента с таким значением: фр. *serrer qn contre son cœur* – прижать к груди (букв.: прижать кого-то к сердцу); нем. *j-n ans Herz drücken* – прижать кого-то к сердцу [22, S. 572]

Следующие подгруппы были выделены только в одном языке.

1.3. Желудок и связанные с ним физические ощущения. К данной группе относятся следующие французские ФЕ: *ne pas être malade de cœur* – не испытывать тошноту (букв.: болезнь сердца); *avoir le cœur poué* – выпить много жидкости (букв.: иметь утонувшее сердце) [19, с. 241]; *avoir le cœur à l'envers* – испытывать тошноту (сердце наизнанку) [19, с. 241]; *avoir le cœur délicat* – страдать заболеванием желудка (букв.: иметь деликатное сердце) [19, с. 241]; *avoir le cœur au bord des lèvres* – испытывать тошноту (букв.: сердце у края губ) [19, с. 149]; *avoir le cœur bon* – сохранять хороший аппетит (о больном) (букв.: иметь хорошее сердце) [19, с. 241]; *affadir le cœur* – вызывать тошноту (букв.: на сердце безвкусно); *à cœur jeun* – быть весь день голодным (букв.: с сердцем натошак) [19, с. 239].

1.4. Характеристику внешности содержат следующие французские ФЕ: *bouche en cœur* – губы бантиком (букв.: рот бантиком) [19, с. 153]; *beau comme un cœur* – красавчик (дословно: красивый как сердце); *noir comme le cœur de la cheminée* – черный-пречерный [19, с. 243] (букв.: черный, как сердце (= внутренняя сердцевина) дымохода).

1.5. Характеристика физического состояния находит отражение в русской устаревшей ФЕ *до сердец* — насквозь, очень сильно (промерзнуть и т. п.) [17, т. 2, с. 235].

Вторая группа ФЕ является более разнообразной и многочисленной, чем первая. Она представлена следующими подгруппами:

2.1. Чувства и эмоции (ощущаемые и внушаемые). В количественном отношении ФЕ этой группы преобладают в трех языках:

— рус. *без сердца, от <всего> искреннего сердца, от всего сердца, от сердца* [17, т. 2, с. 230], *от сердца к сердцу, от чистого сердца, сердце берет / взяло* [17, т. 2, с. 231] и др.;

— фр. *donner le cœur au ventre à qn* — быть смелым, отважным (букв.: отдать сердце животу кого-либо); *chauffer le cœur à qn* — поднять чей-либо дух (букв.: подогреть сердце); *crucifier son cœur* — терзать свое сердце (положить сердце на распятие); *serrement de cœur* — душа сжимается (букв.: сжатие сердца); *blessure au cœur* — удар в сердце (букв.: рана в сердце); *faire gros cœur* — печалить, огорчать (букв.: делать толстое сердце); *retourner le cœur* — растрогать, умиливать (букв.: перевернуть сердце); *porter dans son cœur* — носить в своем сердце (= питать нежные чувства); *écouter son cœur* — слушать свое сердце [19, с. 241–243];

— нем. *das Herz hüpf* *j-m vor Freude* — радоваться (букв.: сердце подпрыгивает от радости); *das Herz fällt j-m in die Hosen* — сильно бояться (букв.: сердце падает в брюки); *mit allen Fasern seines Herzens (an j-m, etw) hängen* — быть привязанным (букв.: зависеть всеми волокнами своего сердца); *j-m ans Herz rühren* — взывать к сердцу; *es schneidet j-m ins Herz* — режет по сердцу; *etw gibt ein Schtich ins Herz* — нанести удар (получить удар в сердце) [22, S. 572].

2.2. Любовные чувства и переживания, страсть. В анализируемых языках выделено разное количество ФЕ, связанных именно с этими чувствами.

Французские ФЕ этой семантической группы преобладают в количественном отношении: *affaire de cœur* — сердечные дела (во фр. — ед. ч.); *amant de cœur* — возлюбленный (переносное значение — сутенер); *casseur des cœurs* — сердцеед (букв.: разрушитель сердец); *coup de cœur* — удача (сердечный удар); *faiblesse du cœur* — слабинка (слабость сердца); *avoir le cœur pris* — сердце занято [19, с. 238]. Это количественное преобладание Ж. В. Кургузенкова объясняет тем фактом, что «в вопросах отношений между полами французы более откровенны, чем русские» [7, с. 9].

Немецких и русских ФЕ этой группы значительно меньше: нем. *j-s Herz gewinnen* — завоевать сердце; *kein Herz haben für j-n* — быть бессердечным (не иметь сердца); *j-m sein Herz schencken* — отдать свое сердце (подарить свое сердце); *sein Herz an j-n verloren haben* — раствориться в другом человеке (потерять свое сердце); *j-m in Herzen tragen* — носить в своем сердце [22, S. 571]; рус. *дама сердца* [24, с. 60], *отдавать сердце* [17, т. 2, с. 64].

2.3. Душевные качества, черты характера, умственные способности. Это одна из наиболее многочисленных подгрупп ФЕ в анализируемых языках. Приведем французские ФЕ: *mettre son cœur dans sa tête* — уметь подчинять свои чувства разуму (положить сердце в голову); *le cœur lui manque* — бессердечный (у него нет сердца); *c'est un cœur d'or* — золотое сердце; *avoir le cœur sec* — черствый человек (букв.: иметь сухое сердце); *avoir le cœur sur la main* — быть великодушным (иметь сердце на руке); *avoir le cœur fermé* — быть решительным (иметь закрытое сердце); *avoir le cœur combustible* — обладать пылким темпераментом (букв.: иметь воспламеняющееся сердце); *avoir le cœur de tigre* — быть жестоким человеком (иметь сердце тигра) [19, с. 237].

В немецком языке преобладают глагольные ФЕ: *j-d hat ein hartes Herz* — иметь твердое сердце; *j-d hat ein warmes Herz* — быть душевным (букв.: иметь теплое сердце); *ein Herz wie Butter* — быть сострадательным, добродушным (букв.: иметь сердце как масло); *j-d hat einfach nicht das Herz* — быть бессердечным; *die Herzen an sich ziehen* — притягивать к себе сердца; *nach seinem Herzen handeln* — действовать по зову сердца, как сердце подскажет [22, S. 570–571].

В русском языке эту группу представляют номинативные ФЕ: *большого сердца* — добрый, отзывчивый человек [17, т. 2, с. 230], *большое сердце* — кто-либо отзывчив, добр, способен горячо чувствовать [17, т. 2, с. 231], *горячее сердце* — о том, кто способен к сильным чувствам, переживаниям; пылкий, страстный [17, т. 2, с. 231], *золотое сердце*: 1. О добром, отзывчивом человеке. 2. Отзывчивый, добрый человек [17, т. 2, с. 231], *каменное сердце*: 1. О бесчувственном, бессердечном, жестоким человеке. 2. Бесчувственный, бессердечный, жестокий человек [17, т. 2, с. 231].

Для сравнительно-сопоставительных исследований важное значение имеет наличие семантических эквивалентов в анализируемых языках. «Подбор фразеологических / паремиологических эквивалентов способствует выявлению системы национального мировидения» [2, с. 272]. Поиск эквивалентов, как правило, проводится в лексикографических источниках. Наряду со словарным способом получения информации можно использовать дискурсивный метод (подробнее см.: [6]). Текст в данном случае выступает как фиксатор ФЕ, употребляемых в определенный временной отрезок и необходимых автору текста для выражения коммуникативного намерения. Например, ФЕ *толстенькое сердце*, не зафиксированное в русской лексикографии, употребляется Н.С. Лесковым в повести «Воительница»: «Как это, я думал, все пробралось в одно и то же **толстенькое сердце** и уживается в нем с таким изумительным согласием, что сейчас одно чувство толкает руку отпустить плачущей Леканиде Петровне десять пощечин, а другое поднимает ноги принести ей песочного пирожного; то же сердце сжимается при сновидении, как мать чистенько водила эту Леканиду Петровну, и оно же спокойно бьется, приглашая какого-то толстого борова поспешить как можно скорее запачкать эту Леканиду Петровну, которой теперь нечем и запереть своего тела!» (Национальный корпус русского языка).

2.4. Желание, настрой на что-либо и их степень содержат как французские ФЕ (*dans la plénitude du cœur* — со всей широтой души (при полноте сердца); *de gaieté de cœur* — с легким сердцем (с веселым сердцем); *le cœur serré* — с тяжелым сердцем (букв.: со сжатым сердцем); *le cœur gros* — с тяжелым сердцем; *de bon cœur* — добровольно (от доброго сердца) [19, с. 239]), так и немецкие (*aus Herzensgrund* — от всего сердца; *aus eigenem Herzenstrieb* — по велению сердца (букв.: по притяжению сердца); *nach Herzenslust* — по душе; *von Herzen gern* — охотно, со всей душой; *etw nicht über das Herz bringen* — приносить со всей душой [22, S. 570–571]).

2.5. Внутренний мир, скрытые мысли человека отражены в следующих французских ФЕ: *se soulager le cœur* — облегчить сердце; *sonder les cœurs* — прозондировать почву (букв. — сердца); *rentrer en son cœur* (войти в свою колею); *montrer le fond de son cœur* — показать глубину души (сердца); *ouverture de cœur* — открытость души [19, с. 239]. В немецком языке к этой подгруппе относятся ФЕ: *sich alles vom Herzen herunterreden* — говорить от чистой души (букв. — от сердца); *reden, wie es einem ums Herz ist* — льстить, говорить, обволакивая сердце; *j-m ins Herz sehen* — заглянуть в душу (букв.: посмотреть в сердце); *etw in seinem Herzen begraben* — спрятать в своем сердце (букв.: захоронить в сердце) [22, S. 570–571].

Остальные ФЕ, принадлежащие к данной группе, распределяются по подгруппам, характерным только для одного из сопоставляемых языков. Среди французских ФЕ выделена небольшая группа, состоящая из двух единиц, которые соотносятся с понятием *память*: *par cœur* — наизусть; *dîner (souper, goûter) par cœur* — остаться без обеда, ужина, полдника [19, с. 239]. Немецкие ФЕ объединены в группу, соотносимую с понятием *разум*: *j-m, etw ans Herz legen* — проверить, что на душе; *eine Prüfung auf Herz und Nerven* — проверка по всем фронтам (букв. от сердца до нервов); *die Erinnerung an j-n aus dem Herzen reißen* — вырвать воспоминания из сердца [22, S. 570–571].

Выводы

Таким образом, сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом *сердце* в русском, французском и немецком языках позволил установить сходства и различия как в структурном, так и в семантическом плане фразеосистем названных языков. Совпадение ядерных сем вышеуказанных компонентов позволяет отнести ФЕ с компонентами *сердце / cœur / Herz* к фразеологической микросистеме «характер человека и поведение человека», что, с одной стороны, подтверждает положение о системном характере и универсальности элементов фразеологии, а с другой — доказывает ее антропоцентрический характер. Безэквивалентные ФЕ в трех разноструктурных языках составляют очень незначительную часть общего состава ФЕ, подвергнутых анализу, что обусловлено особенностями конкретной лингвокультуры.

Список литературы

1. Агапкина Т.А., Кабакова Г.И., Топорков А.Л. Сердце // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2014. Т. 5. С. 258 – 262.
2. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, №2. С. 265–284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
3. Ваулина С.С., Голубенко О.М. Фразеологическая картина мира как производная менталитета человека (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 198–202. doi: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.42>.
4. Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М., 2019.
5. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. №6. С. 54 – 66.
6. Комова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. №3 (103). Ч. 1. С. 78 – 86.
7. Кургузенкова Ж.В. Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
8. Лаврищева Е.В. Номинативно-метафорическое поле концепта «соматическое пространство» в русской и немецкой языковой картине мира. Елец, 2014.
9. Лента библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под общ. ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилев, 2019.
10. Ломакина О.В. Роль фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в формировании концепта «Человек» (на материале народных драм Л.Н. Толстого) // Слово в слове и дискурсе : сб. науч. тр. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 431 – 435.
11. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo, 2018. (Slavic Eurasian studies ; № 34). С. 103 – 128.
12. Овчинникова Г.В. Особенности интерпретации фразеологизмов во французской и русской лингвокультурах // Древняя и Новая Романия. СПб., 2015. С. 659 – 663.
13. Овчинникова Г.В. Этнокультурная специфика французских и русских фразеологизмов с компонентом «части тела» // Устойчивые фразы в парадигмах науки : матер. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. Тула, 2015. С. 392 – 395.
14. Склярёвская Г.Н. Сердце как орган познавательной и мыслительной способности человека: к вопросу о семантической структуре слова *сердце* в Священном Писании // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2014. Вып. 50. С. 303 – 312.
15. Сычёва Е.Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. №2 (1). С. 289 – 293.

16. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4.
17. *Фразеологический словарь русского литературного языка* : в 2 т. / сост. А.И. Федоров. М., 1997.
18. *Фразеологический словарь русского языка* / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М., 2003.
19. *Французско-русский фразеологический словарь* / под ред. Я.И. Рецкера. М., 1963.
20. *Хайруллина Р. Х.* Картина мира в русской фразеологии. М., 1996.
21. *Duden 10. Das Bedeutungswörterbuch.* 5. Auflage. Duden, 2018.
22. *Lein K.* Russisch-Deutsches Wörterbuch. Moskau, 1996.
23. *Rey A.* Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 2017.
24. *Skorupka St.* Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. М., 1958. Т. 3. С. 124–155.
25. *Walter H., Mokienko V., Komarowska E., Kusal K.* Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald ; Szczecin, 2014.
26. *Walter H., Mokienko V., Ruiz-Zorrilla M., Zainouldinov A.* Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischen Parallelen. Greifswald, 2009.

Об авторах

Ольга Валентиновна Ломакина – д-р филол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет; проф., Российский университет дружбы народов, Россия.

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Галина Витальевна Овчинникова – д-р филол. наук, проф., Московский государственный областной университет; проф., Международная полицейская академия, Россия.

E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

The authors

Prof. Olga V. Lomakina, Moscow Pedagogical State University; RUDN University, Russia

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Prof. Galina V. Ovchinnikova, Moscow Region State University; International Police Academy, Russia.

E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПЕРЦЕПТИВНОЙ И ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ЖИЗНЕОПИСАНИИ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО**

29

Эмотивная и перцептивная лексика рассматривается в аспекте отражения в ее семантике представлений о святом как важнейшем ориентире религиозного языкового сознания. Анализ языковых фактов проводится с позиций комплексного подхода, предложенного в трудах С. П. Лопушанской и предполагающего рассмотрение внутренней системной организации языковых единиц, парадигматических и синтагматических отношений на различных языковых уровнях, а также изучение особенностей функционирования единиц в контексте.

Показано, что отбор и специфика функционирования единиц с семантикой восприятия детерминируются особенностями языковой системы и существующими представлениями о святости. Рассмотрены средства языковой экспликации перцептивных процессов, значимых для описания святого. Установлено доминирование зрительного восприятия как процесса, определяющего взаимодействие с реальным миром (что отражено в прямых значениях языковых единиц), а также обнаруживающего связь с мыслительной деятельностью (отражено в переносных значениях языковых единиц). Описаны возможности экспликации процессов, находящихся за границами восприятия посредством органов чувств и открывающихся подвижнику по воле Господа.

При анализе эмотивной лексики, используемой в агиографических текстах, установлено, что лексика эмоций в житии выявляет существенные для понимания концепции автора смыслы, становится важным средством создания образа святого. Данные языковые единицы употребляются в ключевых фрагментах житийного текста с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности. При этом релевантны следующие параметры: характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая).

The authors study emotive and perceptual vocabulary through its semantic reflection of the holy as the most important component of religious linguistic consciousness. The complex approach offered in the works of S. P. Lopushanskaya served as the basis for analyzing the language material. It examines the intralinguistic systemic analysis of language unit structures, paradigmatic and syntagmatic relations at various levels of the language hierarchy, and their functional application in various contexts.

The criteria for selecting lexical units with perceptual semantics as well as their pattern of use are determined by the language system peculiarities and current ideas of holiness. The paper reviews the means of linguistic explication of perceptual processes that are significant for describing holiness. The dominance of visual perception as a process that determines interaction with the real world (which is reflected in the direct meanings of linguistic units) and also reveals a connection with mental activity (reflected in the figurative meanings of linguistic units) has been established. The article describes expli-

cation of processes that are beyond the boundaries of perception by means of the senses and that open up to the men of faith.

When analyzing the emotive vocabulary used in hagiographic texts, it was found that the vocabulary of emotions in the life reveals the meanings that are essential for understanding the author's concept and becomes an important means of creating the image of a saint. These linguistic units are used in key fragments of the hagiographic text in order to describe and characterize people, objects and phenomena of reality. In this case, the following parameters are relevant: the nature of the emotion indicated by the verb (positive / negative) and its intensity (low / medium / high).

Ключевые слова: жизнеописание, образ подвижника, эмотивная лексика, перцептивная лексика, лексическая семантика, функционирование, Николай Японский

Keywords: hagiography, man of faith, emotive vocabulary, perceptual vocabulary, lexical semantics, functioning, Nikolay Yaponskiy

Введение

Обращение к памятникам агиографии стало традиционным для отечественной науки, поскольку жития на протяжении веков оставались популярным чтением и несли в себе исключительное по своей значимости духовное содержание, определяющееся заключенными в них нравственными ориентирами. Тем не менее продолжают оставаться актуальными проблемы, связанные с необходимостью полного и всестороннего описания языковых особенностей системы агиографических текстов, что в наибольшей мере проявляется применительно к текстам, созданным в новое время.

Материалом для исследования послужили языковые факты, извлеченные методом сплошной выборки из «Жизнеописания святого равноапостольного Николая Японского» [11], относящегося к современному периоду развития агиографии (подробнее о периодизации агиографии см.: [4]).

Изучаемый текст определяется составителем как «жизнеописание». Он создан в современной агиографической традиции с привлечением обширного документального материала и содержит отсылки к документам, письмам, воспоминаниям современников. Этот материал Е. К. Макаренко называет «околожанровым пространством жития»; он не только раскрывает факты биографии, но показывает внутреннюю жизнь человека [8, с. 97]. Использование фотографий только подчеркивает фактологическую ориентацию жизнеописания и сближает его с биографическим повествованием.

Работа над житийным текстом требует от агиографа особого внимания к отбору языковых единиц, используемых для создания образа святого, поскольку именно он отражает представления о религиозно-нравственном идеале. Одно из центральных мест при этом отводится описанию внутреннего мира, моделирование которого невозможно без учета перцептивных и эмоциональных процессов (см.: [5]).

Методология и методы

Языковые факты анализируются с опорой на положения комплексного подхода, предложенного в трудах С.П. Лопушанской [6; 7]. Изучение специфики функционирования лексем проводится с учетом изменений в значениях словоформ, установление которых исключительно важно, поскольку эти изменения фиксируют изменения во взаимодействии человека с окружающим миром, а также появление новых отношений между людьми.

Общность подходов к анализу фактического материала, взаимосвязь восприятия информации об окружающем мире и эмоциональных психических процессов обеспечивает возможность описания в рамках одной статьи перцептивной и эмотивной лексики. Мы исходим из положения об их тесной связи, проявляющейся в том, что результаты восприятия часто становятся основой для формирования эмоций (подробнее см.: [1]).

Перцептивная семантика может быть выражена языковыми единицами разной частеречной принадлежности, ядерными среди которых являются глаголы. Придерживаясь деятельностной трактовки восприятия, мы рассматриваем их как единицы, формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля 'действие'.

Под эмотивной лексикой (эмотивами), вслед за Л.Г. Бабенко, мы понимаем совокупность «лексики эмоций», служащей для обозначения эмоциональных переживаний, и эмоциональной лексики, используемой для выражения чувств [2, с. 14].

Результаты и обсуждение

Особенности реализации перцептивной семантики в современном жизнеописании

Специфика перцепции как вида деятельности задается несколькими факторами, прежде всего активностью / пассивностью воспринимающего субъекта и каналом получения информации. В связи с этим перцептивные глаголы анализируются нами с учетом их дифференциации по разным основаниям. В зависимости от характера воспринимающего субъекта (активный / пассивный) выделены глаголы преднамеренного и непреднамеренного восприятия. В зависимости от определяемого каналом получения информации способа восприятия (в другой терминологии — модальности, модуса перцепции) выделены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния, осязания, а также глаголы, обозначающие восприятие на вкус.

Для создания образа равноапостольного Николая Японского в жизнеописании используются единицы, относящиеся к трем из названных выше подгрупп, — глаголам с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Перцептивные глаголы также употребляются при описании людей из окружения святителя.

Особенность изучаемых агиографических текстов состоит в отсутствии глаголов, обозначающих получение информации посредством обоняния, осязания и вкуса, что, как представляется, свидетельствует о нерелевантности этих перцептивных процессов для изображения святого.

1. В анализируемом жизнеописании представлены глаголы *почувствовать* и *предчувствовать*, связанные отношениями производности с *чувствовать*, входящим в группу глаголов с общим значением восприятия. Эти глаголы требуют отдельного рассмотрения, поскольку в современном русском языке часто используются для номинирования процессов, не связанных с восприятием, но при этом сохраняют «реликты» древнего перцептивного значения (подробнее об этом см.: [10]).

Прямым для общеупотребительного глагола *почувствовать* является широкое значение «испытать какое-л. физическое ощущение, состояние и т. п.» ([12, т. 3, с. 346], см. также: [12, т. 4, с. 689]). В исследуемом жизнеописании глагол *почувствовать* отмечен в следующем контексте: *И вот, во время богослужения он [св. Николай] вдруг почувствовал призыв Божий, решив, что должен ехать в Японию* [11, с. 12]¹. Глагол употребляется в сочетании с существительным абстрактной семантики (*призыв*). Такая сочетаемость актуализирует не прямое значение, которое связано с интуитивным представлением о своей дальнейшей судьбе и дано в словарях как «воспринимать интуицией, чутьем» ([12, т. 3, с. 346]; см. также: [12, т. 4, с. 689]), «интуитивно, чувством угадать, найти, усмотреть» [3, с. 949].

Глагол *предчувствовать* является в современном русском языке моносемичным. Он реализует значение «иметь предчувствие чего-л.» [12, т. 3, с. 374, 962], в котором и отмечен в исследуемом жизнеописании: *Он предчувствовал многие беды для России и горячо молился о своей заблудшей Родине* [11, с. 38]; *Предчувствуя войну, святитель Николай молился о примирении России и Японии* [11, с. 53].

2. Глаголы зрительного восприятия могут быть разделены на две подгруппы — непреднамеренного и преднамеренного восприятия. Из отмеченных в изучаемом тексте к глаголам непреднамеренного зрительного восприятия относятся *видеть* (*увидеть*), *узреть*.

Базовый глагол зрительной перцепции *видеть* представлен в жизнеописании единичными случаями использования, что отличает исследуемый текст от многих других, в которых данный глагол является широкоупотребительным. В записи из дневника святителя Николая находим: «*Вижу — худ до невероятности, кости сильно выдались на совершенно изменившемся в своем цвете лице* [11, с. 30]. Глагол *видеть* функционирует в сочетании с придаточным предложением, содержащим описание человека. В данном случае важны внешние изменения, происшедшие с этим человеком и составляющие ту информацию, которая может быть воспринята с помощью органов зрения.

Глагол *увидеть* представлен в жизнеописании в следующих контекстах: *После почти восьми лет отсутствия святой вновь увидел Россию*

¹ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация источника.

[11, с. 38]; Он радовался, что снова **увидел** Родину, смог пообщаться с родными и друзьями [11, с. 38]. Глагол употребляется в сочетании с существительными *Россия, Родина*, которые называют не один объект, но, скорее, большую совокупность объектов. Важна такая их характеристика, как конкретность, которая и определяет возможность восприятия с помощью органов зрения.

Отмечены также случаи использования глаголов непреднамеренного зрительного восприятия в непрямых значениях, например: *Прибыв в Японию, епископ Сергей быстро вошел в доверие к святителю Николаю, который **увидел**, что Бог исполнил его многолетнюю молитву – он обрел долгожданного преемника* [11, с. 61]; *Владыка Иннокентий сразу же **узрел** в молодом иеромонахе и родственную душу, и человека с похожей судьбой* [11, с. 14]. В первом контексте объект действия эксплицирован придаточным предложением, которое описывает ситуацию, предполагающую скорее осмысление информации, нежели ее восприятие. В данном случае актуализируется значение, которое определяется в словарях как переносное – «понять, осознать» [3, с. 1367; 12, т. 4, с. 451]. Глагол *узреть*, функционирующий во втором контексте, зафиксирован в словарях как «книжный» [3, с. 1378; 12, т. 4, с. 477]. Употребляясь в нашем материале в конструкции *в ком-л. кого-, что-л.* и будучи синонимичным глаголу *видеть (увидеть)*, *узреть* реализует значение «усматривать, находить» [13, т. 2, с. 552].

Глаголы преднамеренного зрительного восприятия представлены в изучаемом тексте лексемами *взирать, смотреть, высматривать, просматривать*.

Глагол *взирать* не является частотным в современных житийных текстах. В рассматриваемом жизнеописании он также отмечен в единичных случаях использования, например: *Самоотверженность святого не могла не остаться незамеченной – японцы, поначалу **взиравшие** на него с ненавистью, проникались глубоким уважением к владыке* [11, с. 59]. Данный глагол, функционируя в конструкции с существительным в форме вин. п. с предлогом *на*, реализует значение «смотреть, глядеть (обычно выражая какое-л. чувство, настроение)» [3, с. 127]. Анализируемый глагол интересен в стилевом отношении. Он представлен в словарях с пометами «высокое» [3, с. 127] и «устарелое» [15, с. 89]. *Взирать* этимологически связан с глаголом *зреть*, который сохранил древнее перцептивное значение и определяется для современного русского языка как книжный [3, с. 371], устаревший [15, с. 283]. Данные словарей позволяют заключить, что глагол *взирать* употребляется весьма ограниченно, в том числе в текстах, связанных с религией.

В изучаемом тексте глагол *смотреть* отмечен в следующих случаях: *Когда они встречались в доме Гошкевича, Савабе всегда с ненавистью **смотрел** на отца Николая* [11, с. 23]; *«Всякому из нас тяжело **смотреть**, когда рядом с его чистым садом находится грязный, запущенный сад соседа...»* [11, с. 20]; *Тогдашние японцы **смотрели** на иностранцев как на зверей, а на христианство – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи* [11, с. 17]. Использование контекстуальных уточнителей *с ненавистью, тяжело, как на зверей* способ-

ствуется актуализации в семантике рассматриваемого глагола компонентов, связанных с осознанием полученной информации, оценкой кого- или чего-л.

Глагол *высматривать* отмечен в жизнеописании святителя Николая в речи японца, настроенного против православной веры: «Вы, варвары, приезжаете **высматривать** нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая...» [11, с. 23]. В данном случае глагол используется при характеристике негативной, по мнению говорящего, ситуации и реализует значение «всматриваясь, искать кого-, что-л., следить за кем-л.», определяемое как непрямоe [3, с. 182].

Представленный немногочисленными случаями употребления глагол *просматривать* отмечен в следующем контексте: *Затем он **просматривал** списки крещеных, вступивших в брак и умерших данной общины* [11, с. 46]. Использование в сочетании с конкретным существительным *списки* актуализирует значение глагола, связанное со зрительным восприятием и являющееся для него прямым — «ознакомиться с содержанием чего-л., проглядывая, прочитывая» [12, т. 3, с. 523].

3. Глаголы слухового восприятия представлены лексемами *услышать, слушать, выслушать, послушать*. Среди них только *услышать* относится к глаголам непреднамеренного восприятия, остальные обозначают преднамеренную слуховую перцепцию.

Услышать употребляется для обозначения получения информации со слов других людей: «**Услышав** об этом, я хотел было обличить г-на Сакая, но с приходом последнего дело тотчас объяснилось...» [11, с. 30]; «**Услышав** обо всем этом, я был очень изумлен столь трогательным проявлением горячей верности по вере» [11, с. 30].

Глагол *слушать* представлен в сочетании с единицами, называющими реалии, которые могут быть восприняты на слух: «Кроме этой школы, я посещаю также и буддийскую школу при храме секты "Синсиу" и ежедневно **слушаю** там проповеди...» [11, с. 20]. Использование с существительным *проповедь* актуализирует прямое значение глагола «обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать; воспринимать слухом» [3, с. 1214].

Аналогичное употребление обнаруживает глагол *выслушать*: *Николай спокойно **выслушал** это и, указав на соседний пустырь, спросил меня: «Какого Вы мнения об этом участке?»* [11, с. 19]. Данные более широкого контекста, в котором описывается разговор равноапостольного Николая и руководителя одной из частных школ в Японии, позволяют заключить, что местоимение *это* указывает на речь, которая может быть воспринята с помощью органов слуха.

Функционирование эмотивов в агиографическом тексте

Анализ эмотивной лексики, функционирующей в жизнеописании святого равноапостольного Николая Японского, позволил сделать ряд наблюдений, касающихся путей развития данного лексического множества и изменений характеристик агиографического текста.

С точки зрения функционирования эмотивных лексем в анализируемом тексте можно отметить следующие закономерности: 1) возрастание частотности лексем, обозначающих отрицательные эмоции; 2) предельность характеризуемых чувств; 3) стилевое смешение.

1. В эмоциональной палитре жизнеописания значительную роль играют отрицательные чувства: *Иногда отец Николай сталкивался и с откровенными проявлениями злобы и ненависти — на улицах Хакодата его оскорбляли, иногда могли кинуть чем-нибудь вслед* [11, с. 17]. Существительное *злоба* употреблено в прямом значении «чувство злости, недоброжелательства к кому-н.» [15, с. 278], «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.; желание причинить зло» [12, т. 1, с. 612] и обозначает отрицательную эмоцию высокой степени интенсивности, направленную на объект и требующую внешнего проявления. Существительное *ненависть* — «чувство сильной вражды, злобы» [15, с. 512], «чувство сильнейшей вражды, неприязни» [12, т. 2, с. 456], — как свидетельствует словарная дефиниция, выступает близким синонимом лексемы *злоба* и выражает крайнюю степень интенсивности этого чувства. Из контекста следует, что внешним проявлением эмоциональных переживаний злобы и ненависти выступает оскорбление. Глагол *оскорбить* (сов. к *оскорблять*) отмечен в словарях в прямом значении «тяжело обидеть, унижить» [15, с. 577], «крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства» [12, т. 2, с. 647] и в этом значении может быть отнесен к глаголам качественного состояния [14, с. 537]. Однако контекст явно свидетельствует о наличии внешнего проявления. В этой связи можно говорить о выражении данной лексемы значения «проявлять (проявить) негативное, злое отношение к кому-л., тяжело обижая, унижая кого-л. своими словами или поведением» [14, с. 601]. Авторы Толкового словаря русских глаголов видят в данном случае реализацию семантики отношения и включают *оскорблять* в ЛСГ глаголов внешнего проявления отношения. Однако из определения ясно, что по сути речь идет о некоем действии, результатом которого становится сильное эмоциональное переживание объекта.

Важно отметить, что по отношению к отрицательным чувствам охарактеризован и сам святой: *Однако, отец Николай не впал в уныние от трудностей и не оправдавшихся ожиданий* [11, с. 17]. Существительное *уныние* зафиксировано в словарях в значении «безнадежная печаль; гнетущая скука» [15, с. 1029], «мрачное, подавленное состояние духа» [12, т. 4, с. 499]; глагол *впадать* — в переносном значении «прийти в какое-н. (неприятное, тяжелое) состояние или прийти к чему-н. (неправильному) в поведении, взглядах» [15 с. 115], «дойти до какого-л. состояния, положения (обычно тяжелого, трудного)» [12, т. 1, с. 220]. Дефиниции свидетельствуют о том, что подразумевается отрицательное чувство высокой степени интенсивности. Предельность проявления эмоционального переживания, а также его характер закреплены в семантике как существительного, так и глагола. Автор жизнеописания, выбрав данные языковые единицы, показывает, что в данной ситуации святой проявляет необычную стойкость духа.

Однако отрицательные конструкции с лексемами, обозначающими негативные чувства, не всегда просты в интерпретации: *Вот так вспомнил об этом времени один из жителей Хакодата Янагита Токичи — руководитель одной из частных школ: «...Однако Сузуки доложил мне после, что проповедник Николай не подчинился распоряжению и продолжает без стеснения посещать занятия. Я был возмущен»* [11, с. 18]. Существительное *стеснение* употребляется в переносном значении «проявление стеснительности, застенчивости» [15, с. 942], «ощущение неловкости, смущения, отсутствие непринужденности в поведении» [12, т. 4, с. 264]. В данном случае наблюдается двойственность оценки эмоционального переживания, поскольку по шкале удовольствия / неудовольствия, согласно которой принято разделять эмоции на положительные и отрицательные, стеснение является отрицательным чувством, тогда как с точки зрения социальных норм стеснение может восприниматься как проявление скромности, а значит, представляет собой положительное чувство. Существительное *стеснение* связано деривационными отношениями с глаголом *стесняться*, для которого в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка дается следующее пояснение: «В большинстве употреблений **стесняться** обозначает менее интенсивную эмоцию, чем три другие синонима [**стыдиться, смущаться, конфузиться**]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что она почти не проявляется внешне, находится полностью под контролем сознания субъекта и даже управляется им, а конфликт между желанием что-то сделать и препятствующими этому обстоятельствами часто разрешается в пользу желания. Языковым выражением последнего свойства является тяготение **стесняться** к закреплению в отрицательном контексте...» [9, с. 418]. Последнее замечание подтверждается и анализируемым контекстом. Глагол *стесняться* употребляется и в самохарактеристике святого: *Кроме этой школы, я посещаю также и буддийскую школу при храме секты «Синсиу» и ежедневно слушаю там проповеди, и во всех случаях, когда у меня возникают сомнения, я не стесняюсь спрашивать* [11, с. 20]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценка данного эмоционального переживания определяется его причиной.

2. Признак интенсивности оказывается важным для эмотивной лексики, что проявляется как в языке (интенсивность становится основой для развития значений), так и в тексте.

Предельность проявления эмоциональных переживаний находит различное обозначение: контекстуальные уточнители меры и степени, выраженные наречиями (*Услышав обо всем этом, я был **очень изумлен** столь трогательным проявлением горячей верности по вере* [11, с. 30], *Такое положение вещей **очень огорчало** отца Николая* [11, с. 35]) и согласованными прилагательными (*Несмотря на **огромную любовь** к Родине и к Русской Церкви, он не собирался слепо копировать русские церковные традиции синодального времени* [11, с. 34]), в том числе в превосходной степени (***Наибольшую ненависть** вызывал у него священник консульской церкви отец Николай* [11, с. 23]).

3. Язык жизнеописания Николая Японского характеризуется включением иноязычной лексики, своеобразным смешением стилей. Данная черта часто определяет своеобразие современных агиографических текстов. Рассмотрим ряд контекстов.

3.1. *Так что очень скоро число его слушателей увеличилось – его духовные чада приводили к нему своих знакомых – молодых самураев, которые были **обескуражены** крушением привычного строя и искали, где обрести смысл жизни* [11, с. 27]. Краткая форма лексемы *обескураженный*, имеющей значение «растерянный, озадаченный» [15, с. 534], «лишенный уверенности в себе, растерянный» [12, т. 2, с. 529], означает отрицательное чувство средней степени интенсивности и имеет разговорный оттенок.

3.2. *Все они были **шокированы** предложением своего духовного наставника, ибо считали себя новообращенными, не готовыми к священническому служению* [11, с. 36]. Глагол *шокировать* фиксируется в толковых словарях в значении «ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия» [12, т. 4, с. 725], «привести(-водить) в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм; вообще приводить в состояние шока» [15, с. 1111] и может сопровождаться пометой «книжное». В этом случае, по-видимому, устанавливается связь с лексемой *шок* как медицинским термином – «угрожающее жизни человека состояние, возникающее в связи с реакцией организма на травму, ожог, операцию и т. д.» [12, т. 4, с. 725], – получившим широкое распространение в значении «тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения» (без помет) [15, с. 1111].

3.3. *Но даже потеря близкого друга **не повергла** владыку в отчаяние. Он по-прежнему, **возложив** все **упование** на Бога, продолжал создавать Японскую Церковь* [11, с. 44]. Существительное *отчаяние* – «состояние безнадежности, безвыходности, упадок духа» [12 т. 2, с. 721], «состояние крайней безнадежности, ощущение безвыходности» [15, с. 601] – употребляется с глаголом *повергать*, который с предлогом *в* и существительным, обозначающим состояние, имеет семантику «привести в то состояние, которое выражено существительным» [12, т. 3, с. 721] и сопровождается пометой «высокое» [15, с. 657]. Существительное *упование* – «твердая надежда» [12, т. 4, с. 503], «то же, что надежда» [15, с. 1030] – сопровождается в словарях пометами «устарелое», «высокое» и «книжное». Глагол *возложить*, выступая в сочетании с существительным *надежда* в значении «надеяться», образует фразеологическую единицу с книжной окраской [15, с. 104].

Таким образом, в современном агиографическом тексте в полной мере отражаются общезыковые динамические процессы развития денотативной части лексических значений эмотивов, а также формирования функционально-стилевой окраски данных лексем.

Заключение

Проведенный анализ употребления перцептивной и эмотивной лексики в «Жизнеописании святого равноапостольного Николая Японского» позволил прийти к некоторым выводам.

В анализируемом тексте установлены значимые для описания равноапостольного перцептивные процессы. Доминирующим процессом является зрительное восприятие в силу его особой значимости при взаимодействии с окружающим миром и, как следствие, широкой представленности в тексте. В прямых значениях глаголов зрительного восприятия получает отражение специфика перцепции с помощью органов зрения. В переносных значениях отражена связь восприятия с мыслительной деятельностью. Релевантно также описание процесса получения святителем информации об окружающем мире с помощью чутя, интуиции – особое «восприятие» происходящего, которое выходит за границы органов чувств и становится наградой за веру и дела святого. Такое использование перцептивных единиц, среди которых есть и стилистически маркированные («книжное», «устарелое», «высокое»), свидетельствует о наследовании современным текстом житийной традиции.

Особенности употребления эмотивной лексики косвенно свидетельствуют о трансформации житийного канона, находящей свое отражение в возрастании доли эмотивов, обозначающих отрицательные эмоциональные переживания, а также во включении иностилевой лексики (как книжной, так и разговорной).

Тем не менее признак интенсивности эмоционального переживания продолжает играть значимую роль при отборе лексемы, а также ее контекстуальном оформлении. Складывавшаяся веками система приемов выражения силы чувства находит свою репрезентацию в разнообразных контекстуальных уточнителях.

Изменения, происходящие в семантике эмотивов, также отражают своеобразное размывание жанровых границ и иллюстрируют общезыковые процессы развития значений. Однако и здесь остаются такие константные черты, как устойчивые метафорические переносы, отражающие традиционную образность.

В целом сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что язык жизнеописаний нового времени обладает определенным функционально–стилистическим своеобразием, однако позволяет увидеть преемственность житийной традиции.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.
2. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
4. *Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С.Б.* Введение в агиографию. Харьков, 2015.
5. *Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А.* Глаголы восприятия и эмоций в древнерусском языке vs тексте: функционально-семантическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. №4 (28). С. 25–33. doi: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.3>.

6. Лопушанская С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград, 1988. С. 5–19.

7. Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. Волгоград, 2000. С. 20–29.

8. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. №1. С. 95–102.

9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.

10. Сафонова И.А. Перцептивная лексика как средство создания образов подвижников благочестия в агиографических текстах XVIII–XX вв. // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : сб. ст. по матер. VII междунар. науч. семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 1 ноября 2019 г.) / отв. ред. О.И. Дмитриева. Саратов, 2020. С. 97–105.

11. Святой равноапостольный Николай Японский / сост. А.А. Маркова. М., 2014.

12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.

13. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991.

14. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.

Об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева — канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: eg_dmitrieva@volsu.ru

Ирина Александровна Сафонова — канд. филол. наук, доц., Волгоградский государственный университет, Россия.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru

The authors

Dr Evgeniya G. Dmitrieva, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: eg_dmitrieva@volsu.ru

Dr Irina A. Safonova, Associate Professor, Volgograd State University, Russia.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru

И. С. Барков**ГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ПРОСОДИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ТРЕБОВАНИЯ**

40

Статья посвящена установлению характера связи между гендерным компонентом и просодией иллокутивов требования в устной немецкой речи. Просодия речи является одним из основных факторов идентификации намерений говорящего и ключевым инструментом достижения необходимого коммуникативного эффекта, особенно при реализации высказываний негативной модальности, лексический состав которых может быть идентичен лексическому составу нейтральных высказываний. Исследование степени влияния гендерного фактора на просодию требований представляется важным с точки зрения углубления и расширения знаний в области фонопрагматики. В работе описан эксперимент, в ходе которого были произведены замеры показателей частоты основного тона, интенсивности и длительности в контрольных точках (словах) высказываний и проанализированы частотные, динамические и темпоральные характеристики речевых актов требования, реализованных дикторами мужского и женского пола. Описываются особенности контуров развития частоты основного тона, интенсивности и длительности экспериментальных фраз.

This study endeavors to determine and describe the connection between a person's gender and prosody of demands in spoken German. Prosody is one of the major phenomena reflecting a speaker's intentions and the key tool used by speakers to reach their communicative goals in a conversation. This is especially the case when phrases with negative meaning are concerned. The possible influence of gender on prosody of demands seems to be a research-worthy problem. The article describes the experiment which included locating the key syllables of the phrases, measuring fundamental frequency (F0), sound intensity (volume) and syllable duration and analyzing the acquired data. This study provides F0, volume and syllable duration progression charts and analysis of F0, volume and syllable duration values.

Ключевые слова: просодия, требование, гендер, речевой акт**Keywords:** prosody, demand, gender, speech act**Введение**

Речевые акты (далее — РА) требования в настоящем исследовании рассматриваются как часть группы директивных высказываний. Под директивами в данном случае понимаются такие фразы, которые характеризуются нацеленностью на ответные действия слушающего, совершаемые либо в момент разговора, либо в течение некоторого времени после его завершения [3, с. 12]. Высказывания такого рода могут быть реализованы в более или менее категоричной форме и представ-

лять собой требования, просьбы, угрозы, приказы, распоряжения и др. [6, с. 1–15]. Стоит отметить, что в ряду директивов требование выделяет подразумеваемое нежелание адресата выполнить озвученное говорящим действие. При этом в отличие от, к примеру, угроз, реализация которых происходит в схожих ситуациях, в случае требований возможные негативные последствия для слушающего не выражаются собеседником эксплицитно.

Директивы достаточно широко изучены с позиций фонопрагматики. Исследованию подвергались их просодические характеристики, соответствующие данным характеристикам дифференциальные признаки и зоны локализации этих признаков в рамках высказывания [3, с. 2]. Также уделяется внимание изучению роли просодии в дифференциации основных видов директивов в зависимости от конкретной ситуации общения [4, с. 4; 5, с. 143]. Важно упомянуть, что при реализации в устной немецкой речи высказываний директивного характера, в частности требований, восприятие всех оттенков значений, а также степени категоричности конкретного иллокутива возможно лишь при принятии во внимание просодической организации данного высказывания. Рассматриваемые в отдельности лексико-грамматические особенности фразы не в состоянии отразить все разнообразие ее директивных значений [5, с. 144].

Отношения между гендерными особенностями говорящих и просодией в последние годы также подвергаются достаточно активному изучению [7; 8; 10; 12; 13; 15]. Тем не менее данный вопрос требует дальнейшего рассмотрения ввиду того, что на нынешнем этапе не представляется возможным прийти к однозначным выводам о сущности влияния гендера на просодию речи [14, с. 1]. Ранее автором настоящей работы было проведено исследование, аналогичное описываемому в данной статье, в ходе которого проанализирована связь между гендерным фактором и просодией высказываний угрожающего характера [1]. При исследовании гендерного компонента в просодии требований была поставлена схожая *цель*: оценить степень влияния гендерных особенностей голоса на просодию высказываний требования, а именно — на распознавание конкретного РА как требования. В соответствии с целью исследования были выдвинуты следующие задачи:

- 1) выявить частотные, динамические и темпоральные характеристики иллокутивов требования на основе эмпирического материала на немецком языке;
- 2) провести анализ просодических характеристик иллокутивов требования, реализованных испытуемыми мужского и женского пола.

Методика проведения эксперимента

Согласно схеме сегментации фразы, предложенной О. фон Эссеном, экспериментальные фразы были разделены на зоны предтакта, ритмического корпуса и затакта, в рамках которых установлены семь точек замеров показателей частоты основного тона (далее — ЧОТ), интенсивности и слоговой длительности [2; 11]. В зоне предтакта наиболее

существенными точками контрастов являются первый слог высказывания (точка А) и слог, находящийся перед первым ударным слогом фразы (точка В). В ритмическом корпусе выделяются первый ударный слог фразы (точка С), слог, предшествующий главноударному (точка D) и главноударный слог (точка Е). Затакт представлен заударным слогом (точка F) и завершающим слогом фразы (точка G).

Сущность эксперимента заключалась в сравнении варьирующих значений упомянутых выше характеристик со среднедикторскими значениями на пяти релевантных уровнях. Сопоставление показателей ЧОТ, интенсивности и длительности в нейтральных высказываниях и РА требования позволяет определить степень отклонения признака от условной «нулевой линии» и выявить наиболее активные зоны иллюктивов конкретного типа [2, с. 80], а также возможные особенности их реализации дикторами мужского и женского пола.

Экспериментальный материал исследования представлен высказываниями-требованиями и высказываниями нейтрального характера, реализованными носителями немецкого языка мужского и женского пола, проживающими на территории Германии. Общее количество высказываний — 42, приблизительное количество слогов — 1850. Снятие показателей ЧОТ (Гц), интенсивности (дБ) и слоговой длительности (с) производилось в компьютерной программе Praat (версия 6.1.16) [9]. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics.

Примерами экспериментальных фраз являются следующие высказывания: „Ich will nicht, dass du so spät noch Gitarre spielst!“, „Entweder reparierst du den alten Wasserkocher, oder du kaufst einen neuen!“, „Stell die Musik leiser, weil ich morgen eine wichtige Klausur habe!“, „Wenn wir weiter Freunde bleiben wollen, will ich, dass du keine solchen Witze mehr machst!“, „Das nächste Mal, wenn ich dir ein Buch leihe, unterstreichst du hier nicht mehr, ja?“, а также иные аналогичные фразы.

Практические результаты эксперимента

В результате акустической обработки экспериментальных фраз были выявлены средние значения частоты основного тона, интенсивности и слоговой длительности в высказываниях нейтрального характера. В случае мужского голоса средний показатель ЧОТ составил 126 Гц, громкости — 69,8 дБ, длительности — 0,169 с. Среднедикторские показатели женского голоса установились на отметках 248,2 Гц (ЧОТ), 66,2 дБ (громкость), 0,187 с (слоговая длительность).

Средние показатели частоты основного тона, интенсивности и длительности в РА требования составили 130,6 Гц, 68,04 дБ и 0,151 с для дикторов-мужчин и 253,27 Гц, 66,87 дБ и 0,189 с для дикторов-женщин.

В дальнейшем значения исследуемых признаков будут указываться в относительных единицах (далее — ОЕ). Значение признака в ОЕ представляет собой отношение показателей ЧОТ, интенсивности и длительности в требованиях к соответствующим показателям в высказываниях нейтрального характера.

Контуры развития частоты основного тона РА требования, реализованных испытуемыми обоих полов, характеризуются наличием двух вершин. Прослеживается некоторое сходство с РА угрозы [1, с. 5], однако вершины контуров развития ЧОТ менее выражены, контрасты между основными зонами высказывания не так значительны (рис. 1).

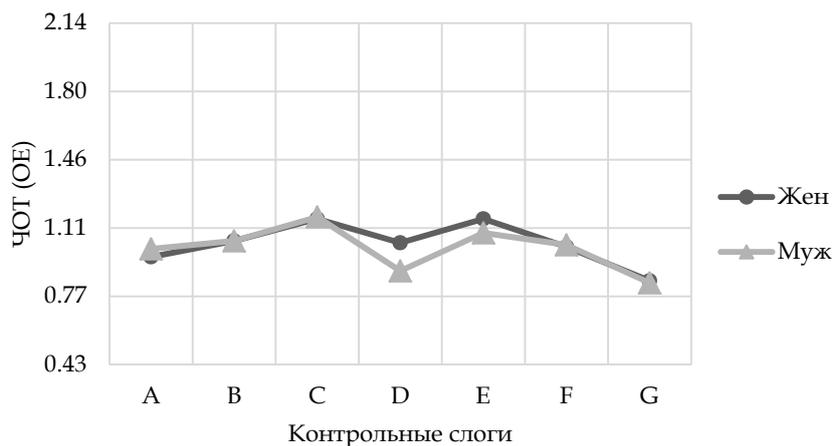

Рис. 1. Графики развития ЧОТ РА требования, реализованных дикторами мужского и женского пола

Источник: данные автора.

В случае как мужского голоса, так и женского упомянутые выше вершины локализованы в зоне ритмического корпуса: в первом ударном слого фразы (точка С) и ядерном слого высказывания (точка Е). Важно отметить, что в предтакте и затакте контуры развития ЧОТ практически идентичны, разница между показателями в относительных единицах несущественна. Единственным различием с точки зрения тональных показателей является уровень контраста ЧОТ в слогах замеров, локализованных в ритмическом корпусе. В высказываниях, реализованных дикторами мужского пола, наблюдаются более заметные перепады показателей частоты основного тона в точках С, D, Е. Это может свидетельствовать о стремлении говорящих вызвать у собеседника ощущение обязательности и беспрекословности выполнения озвученного требования. В целом при анализе контуров развития ЧОТ РА требования, реализованных мужчинами и женщинами, очевиден незначительный характер выявленных различий.

Сходства прослеживаются также при изучении показателей ЧОТ (в относительных единицах) в каждой из релевантных точек (табл. 1). Согласно полученным данным, диапазон тона женского голоса составляет 0,31 ОЕ, мужского — 0,33 ОЕ. Количество охватываемых тональных уровней в случае обоих полов равняется двум.

Таблица 1

Значения ЧОТ РА требования по контрольным слогам

Диктор	A	B	C	D	E	F	G
Муж.	1,01	1,05	1,17	0,9	1,09	1,03	0,84
Жен.	0,97	1,05	1,16	1,04	1,16	1,02	0,85
Инвариант	0,99	1,05	1,165	0,97	1,125	1,025	0,845

Источник: данные автора.

РА требования, реализованные испытуемыми обоих полов, отличаются в целом более высокими показателями ЧОТ по сравнению с нейтральным высказыванием (1,04 ОЕ для мужчин и 1,02 ОЕ для женщин). Наибольшее преимущество РА требования над фразами нейтрального характера в показателях ЧОТ наблюдается в зоне ритмического корпуса фразы, что демонстрируют частотные показатели инварианта иллокутива требования (табл. 1).

Наименьших значений показатели ЧОТ инварианта РА требования достигают в области фонационного завершения высказывания. Наиболее выделен первый ударный слог фразы (рис. 2).

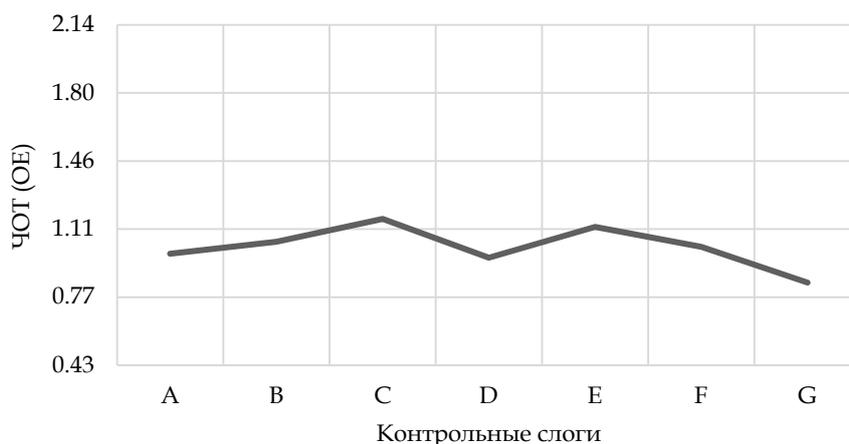

Рис. 2. График развития ЧОТ инварианта РА требования

Источник: данные автора.

Как уже отмечалось, пограничные слоги, то есть начальные и финальные слоги сегментированных отрезков фразы, являются наиболее информативными с точки зрения идентификации конкретного речевого акта [2, с. 78]. Следовательно, сходства, наблюдаемые при сравнении показателей ЧОТ в вышеупомянутых слогах (табл. 1), позволяют говорить о том, что при реализации РА требования в устной немецкой речи частотные характеристики фразы, вероятно, подвержены весьма ограниченному влиянию гендерного фактора. Конкретный иллокутив

может восприниматься как выраженный говорящим одного из полов в более или менее категоричной форме, однако это не препятствует его идентификации как требования.

При анализе динамических характеристик экспериментальных фраз было установлено, что средний уровень громкости РА требования, реализованных дикторами мужского и женского пола, сопоставим и практически не имеет отклонений в сравнении со средним уровнем громкости нейтрального высказывания. Однако изучение показателей признака в конкретных точках позволяет выявить некоторые особенности контура развития интенсивности при реализации высказываний-требований дикторами обоих полов.

Как уже было отмечено, общий уровень громкости РА требования сравним с таковым в случае нейтрального высказывания. Для дикторов-женщин данный показатель составил 1,01 ОЕ, для мужчин – 0,97 ОЕ. Диапазоны интенсивности также различаются незначительно и составляют 0,13 ОЕ для женщин и 0,15 ОЕ для мужчин (табл. 2).

Таблица 2

Значения интенсивности РА требования

Диктор	A	B	C	D	E	F	G
Муж.	0,99	1	1	0,97	1	0,97	0,85
Жен.	1,06	1,03	1,04	0,99	1,02	1,02	0,93
Инвариант	1,025	1,015	1,02	0,98	1,01	0,995	0,89

Источник: данные автора.

Можно предположить, что некоторая разница в показателях вызвана желанием дикторов женского пола компенсировать недостаток контраста ЧОТ при реализации требований повышенной (по сравнению с дикторами мужского пола) громкостью фонации.

Несмотря на то что показатели интенсивности фраз, реализованных дикторами обоих полов, достаточно близки, заметно, что в начале фонации громкость женского голоса оказалась выше громкости мужского. Помимо этого, именно точка начала фразы (точка А) в случае испытуемых женского пола является вершиной контура развития исследуемого признака.

Сходства между динамическими характеристиками РА требования, реализованных дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами, наблюдаются в зонах ритмического корпуса и затакта (рис. 3). В ритмическом корпусе, как и в случае контура развития ЧОТ, различимо падение значений признака в точке, предшествующей главноударному слогу (точка D). Затакт, в свою очередь, характеризуется снижением уровня громкости (0,09 ОЕ для женского голоса, 0,12 ОЕ для мужского).

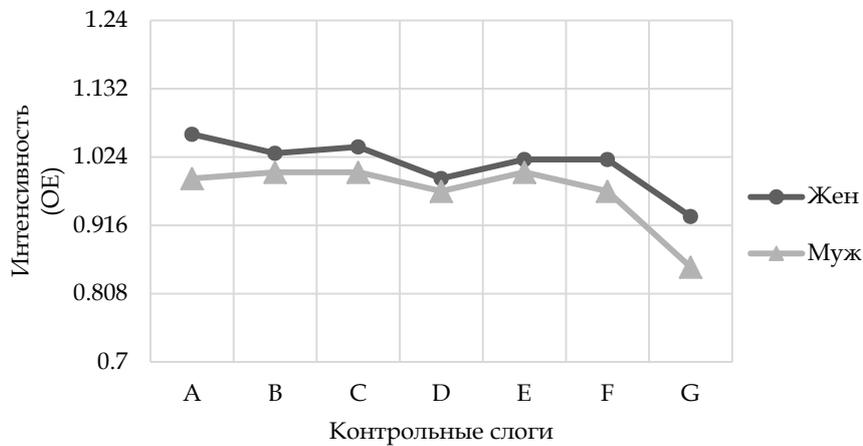

Рис. 3. Графики развития интенсивности РА требования, реализованных дикторами мужского и женского пола

Источник: данные автора.

Контур развития интенсивности инварианта РА требования отражает общие черты, присущие динамическим показателям высказываний, реализованных испытуемыми мужского и женского пола. Контрасты на границах основных отрезков фразы весьма незначительны, существенные изменения показателей признака наблюдаются исключительно в зоне заката (рис. 4).

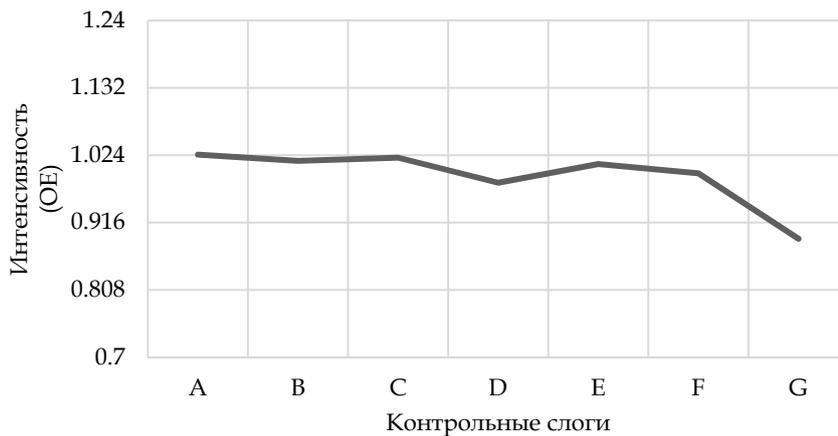

Рис. 4. График развития интенсивности инварианта РА требования

Источник: данные автора.

Общий уровень громкости, как уже упоминалось ранее, очень близок к таковому в случае нейтрального высказывания, колебания громкости достаточно малы. Возможно, это служит свидетельством некоторой сдержанности дикторов при реализации требования, отличающегося меньшей, в сравнении, к примеру, с угрозой, категоричностью (табл. 2). Диапазон интенсивности составляет 0,135 ОЕ.

Также стоит рассмотреть показатели и контуры развития *слоговой длительности* экспериментальных фраз. Общий уровень слоговой длительности в иллокутивах требования ниже (дикторы мужского пола, 0,89 ОЕ), чем в нейтральных высказываниях, или приблизительно равен ему (дикторы женского пола, 1,01 ОЕ) (табл. 3).

Таблица 3

Значения слоговой длительности РА требования

Диктор	A	B	C	D	E	F	G
Муж.	1,05	0,72	1,32	0,75	1,32	0,78	1,42
Жен.	1,03	0,85	1,3	0,71	1,21	1,03	1,87
Инвариант	1,04	0,785	1,31	0,73	1,265	0,905	1,645

Источник: данные автора.

Необходимо отметить, что со стороны дикторов-женщин при реализации РА требования наблюдается более высокая в сравнении с дикторами-мужчинами склонность к растягиванию слогов в некоторых точках фразы. Наиболее ярко это проявляется в завершении высказывания (зона затакта), где значения показателей фраз, реализованных женщинами, существенно превосходят таковые во фразах, реализованных мужчинами (точки F, G) (рис. 5).

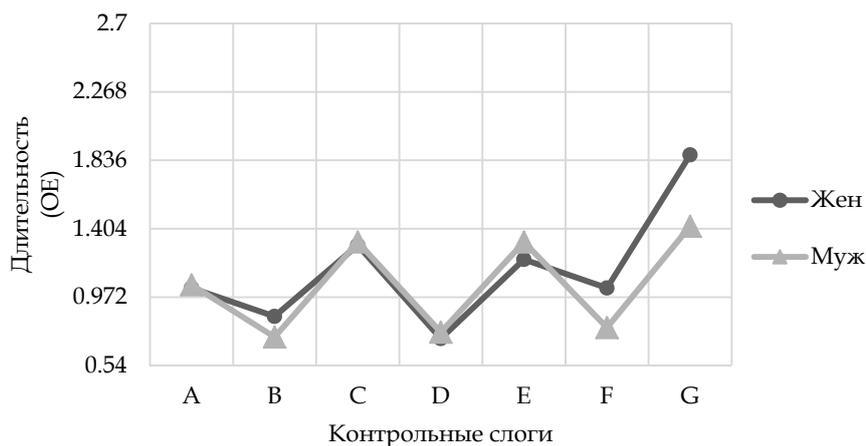

Рис. 5. Графики развития слоговой длительности РА требования, реализованных дикторами мужского и женского пола

Источник: данные автора.

Несмотря на вышеописанные особенности, очевидно, что контуры развития длительности слогов фраз, реализованных мужчинами и женщинами, схожи. Они имеют волнообразный вид, падение показателей слоговой длительности в обоих случаях происходит перед теми участками фразы, в которых локализованы наиболее значимые ударные слоги (точки В, D). Помимо этого, дикторы-мужчины так же, как и дикторы-женщины, оказались склонны растягивать слоги в завершении высказывания. Волнообразный контур развития слоговой длительности отражает своеобразное монотонное ритмическое оформление высказывания, которое может формировать у слушающего ощущение серьезности требования, выдвигаемого говорящим, сигнализировать о его настойчивости в отношении обсуждаемого вопроса.

Ввиду того что темпоральные характеристики экспериментальных фраз, реализованных испытуемыми обоих полов, оказались по большей части близки, контур развития слоговой длительности инварианта иллюкутива требования обладает всеми уже описанными ранее свойствами (рис. 6).

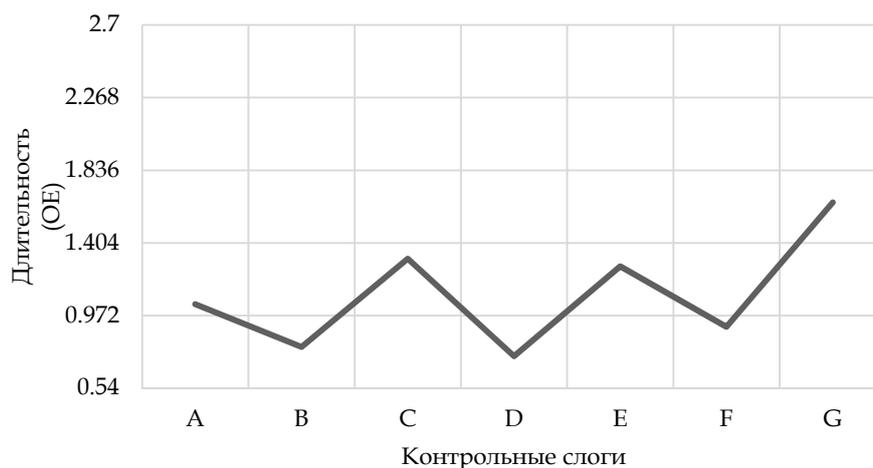

Рис. 6. График развития слоговой длительности инварианта РА требования

Источник: данные автора.

Средний уровень слоговой длительности составил 0,95 ОЕ, диапазон длительности – 0,92 ОЕ (табл. 3).

Выводы

В ходе проведенного исследования выявлены частотные, динамические и темпоральные характеристики экспериментальных фраз и осуществлен их анализ.

Показатели и контуры частоты основного тона высказываний, реализованных испытуемыми мужского и женского пола, обладают множеством общих признаков, особенно в зонах предтакта и затакта. Также очень близки показатели диапазона тона, одинаково количество охватываемых тональных уровней. Выявленные различия имеют незначительный характер, наблюдаемые контуры развития признака свидетельствуют о том, что с точки зрения ЧОГ фразы, реализованные мужчинами и женщинами, аудитивно могут восприниматься практически одинаково, за исключением возможной разницы в степени категоричности реализуемого высказывания. Данные выводы подтвердились при работе с динамическими и темпоральными показателями экспериментальных фраз. Помимо склонности дикторов женского пола повышать громкость фонации в начале высказывания, а также несколько растягивать слоги ближе к его завершению, других существенных отличий между фразами, реализованными испытуемыми женского и мужского пола, выявлено не было.

Таким образом, гендерный компонент, вероятно, играет весьма ограниченную роль в формировании и восприятии иллокутивов требования в устной немецкой речи.

Список литературы

1. Барков И. С. Отражение гендерного фактора в просодии речевых актов угрозы // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журн. 2020. № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/989> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Григорьев Е. И. Компоненты просодической организации иллокутивных высказываний // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 74–81.
3. Григорьев Е. И. Прагматический аспект речевой просодии (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
4. Карандеева Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов: Экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.
5. Карандеева Л. Г. Фонопрагматические характеристики речевого акта требования (на материале современного немецкого языка) // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 143–145.
6. Козьмин О. Г. Интонация побудительных предложений в немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966.
7. Arvaniti A., Ladd D. R. Greek wh-questions and the phonology of intonation // *Phonology*. 2009. № 26 (1). P. 43–74.
8. Arvaniti A., Baltazani M., Gryllia S. The pragmatic interpretation of intonation in Greek wh-questions // *Proc. 7th International Conference of Speech Prosody*. Dublin, 2014. P. 1144–1148.
9. Boersma P. Acoustic analysis // *Research methods in linguistics*. Cambridge, 2013. P. 375–396.
10. Clopper C. G., Smiljanic R. Effects of gender and regional dialect on prosodic patterns in American English // *Journal of Phonetics*. 2011. Vol. 39. P. 237–245.

11. *Essen O. von.* Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen, 1964.
12. *Heidari Darani L., Heidari Darani H.* Language and Gender: A Prosodic Study of Iranian Speakers' Talks // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 70. P. 423–429.
13. *Li M., Han K.J., Narayanan S.* Automatic speaker age and gender recognition using acoustic and prosodic level information fusion // *Computer Speech & Language*. 2013. Vol. 27, iss. 1. P. 151–167.
14. *Niebuhr O.* Gender differences in the prosody of German questions // *Proc. International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow, 2015.
15. *Simpson A.* Phonetic differences between male and female speech // *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3. P. 621–640.

Об авторе

Игорь Сергеевич Барков – асп., Московский государственный областной университет, Россия.

E-mail: bariggo@gmail.com

The author

Igor S. Barkov, PhD Student, Moscow Region State University, Russia.

E-mail: bariggo@gmail.com

Н. А. Родина

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Статья посвящена верификации предположения о том, что изучение ономастической составляющей позволяет полнее раскрыть специфику языковой личности российского военнослужащего. В результате проведения теоретического анализа существующих трудов дается обобщенное понятие языковой личности как образа носителя знаний, моделей поведения и реакций, культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей. Пласты лексики, доступные индивидууму для общения, рассматриваются с точки зрения стилистической дифференциации, а также в их делении на имена нарицательные и собственные. Онимы представлены как лингвокультурологические единицы, составляющие особую знаковую систему. Автор предлагает применение понятия ономастического пространства к социальному коллективу и дает развернутую характеристику различным именам собственным, называющим субъекты и объекты деятельности в военном социуме, демонстрируя необходимость изучения официальных и неофициальных антропонимов, топонимов, хремотонимов, эргонимов и хронимов, поскольку это позволит раскрыть такие качества личности российского военнослужащего, как патриотизм, эмоциональность, а также высокий уровень интеллектуального развития и креативности в создании именовании.

The article verifies the proposal that the study of the onomastic component makes it possible to reveal more fully the specific of the language personality of the Russian military officer. Theoretical analysis of existing papers results in a generalized concept of a language personality as an image of a bearer of knowledge, models of behavior and reactions, cultural-linguistic and communicative-activity values. The vocabulary activated in communication is considered from the point of view of stylistic differentiation, as well as in its division into common and proper names. Onyms are presented as linguoculturological units that make up a special sign system. The author proposes the application of the concept of onomastic space to a community and gives a detailed description of various proper names that call the subjects and objects of activity in a military society, demonstrating the need to study official and unofficial anthroponyms, toponyms, chrematonyms, ergonyms and chrononyms, since this will reveal such qualities of military officers as patriotism, emotionality, as well as high level of intellectual development and creativity in naming.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность, имена собственные, российский военнослужащий

Keywords: language, culture, language personality, proper names, Russian military officers

Введение

Во все времена язык выступал наиболее яркой опознавательной чертой нации. В подтверждение этому Пифагор рекомендовал «для познания нравов какого ни есть народа» прежде всего изучить его язык.

Обслуживая этнос, язык делает его языковым коллективом — совокупностью социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих единство языковых признаков. Можно говорить, что носители литературного языка, говоров, диалектов, профессиональные сообщества также являются языковыми коллективами. На фоне понятия языкового коллектива интересным представляется изучение языковой личности.

Данное понятие, появившись в рамках антропологической лингвистики, заняло в ней центральное место. Постановка вопроса о языковой личности положила начало лингвистической персонологии.

Основная часть

Один из основоположников лингвистической персонологии, Г.И. Богин, дал в книге «Современная лингводидактика» следующее определение: «Языковая личность — человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки». И далее: «...тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2, с. 3]. Однако бóльшую известность получило определение Ю.Н. Караулова, обозначившего языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [11, с. 245].

Поскольку представление о языковой личности подразумевает рассмотрение не только носителя языка как конкретного живого человека, но и абстрактной сущности, данное понятие нашло отражение в разработках и «частночеловеческой», и «многочеловеческой», «симфонической» личности [24]. Подобное разделение получило дальнейшее развитие в работах, описывающих «коллективную языковую личность» или «совокупную языковую личность» как сообщество людей, говорящих на данном языке, и «индивидуальную языковую личность» как отдельного представителя сообщества. При этом И.И. Сентенберг отмечает, что совокупная языковая личность «вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом отношении», что позволяет изучать языковые личности детских, молодежных, рабочих коллективов, поколений, гендерных групп и т.д. [21, с. 15]. В эту концепцию небольшую поправку предлагает внести А.А. Ворожбитова, применяя термин «коллективная / совокупная языковая личность» к

народу в целом и «групповая языковая личность» — к узкосоциальным сообществам [6, с. 139]. Таким образом, этнос как языковой коллектив можно считать коллективной языковой личностью.

«Человеческий фактор в языке» находится в центре изучения лингвокультурологии. Она, в свою очередь, исходит из понимания языковой личности как «закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка» [5, с. 17]. С учетом уникальности человека и весомости ценностного фактора личности рассматривает данное понятие В.И. Карасик: «Языковая личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [8, с. 363]. Поставив изучение языковой личности на стык лингвокультурологии и социолингвистики, он видит «модельную» языковую личность как «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [9, с. 99].

Язык объединяет людей в нацию, передает культурные традиции из поколения в поколение. Именно поэтому воспринимать мир так, как воспринимает его собеседник, позволяет изучение языка носителя этой культуры [10]. Языковые знаки выполняют функцию знаков культуры и проецируют культурно-национальную ментальность представителей нации. Языковая личность, в свою очередь, является носителем национальной культуры и национального характера, закодированных в языковых знаках.

Особым классом лингвокультурологических единиц выступают онимы, образующие уникальную знаковую систему. Будучи источником культурно обусловленной информации, имена собственные отражают вехи истории и специфику быта, национальные особенности общества, закрепляют в сознании традиции и возможные изменения менталитета [3], в связи с чем служат не только идентификаторами лиц и объектов, но также передают информацию о сущности номинантов.

Ономастическая лексика обладает системным характером, поскольку любое имя собственное может быть воспринято только в составе объединения как целостной реальности. Данное положение в ономастике общепринято [22]. В то же время отмечается активное взаимодействие разрядов имен собственных, их объединение в более значимые системы, что приводит к размытию границ в иерархическом строе ономастикона [12; 25].

Помимо того, что имена собственные находятся в системных отношениях, они образуют «ономастические пространства». Этим термином традиционно обозначают единицы ономастического поля, локализующиеся в конкретном географическом регионе [23, с. 11–12]. Позже термин «пространство» стал широко использоваться для обозначения различных совокупностей имен собственных как отражающий пространственный и временной факторы бытования онимов. Так, для обозначения совокупности названий географических объектов применим

термин «топонимическое пространство», в отношении именованных лиц — «антропонимическая система», «антропонимия», совокупность же антропонимов и топонимов может определяться как ономастическое пространство, ономастикон, ономастический континуум.

Руководствуясь расширенным пониманием топонимического пространства как «топонимической системы», «определенным образом организованной совокупности топонимов данного этноса для данного времени на данной территории» [26, с. 283], понятие ономастического пространства допустимо применять к совокупностям онимов, объединяемых социальным признаком, применяемых к представителям определенных слоев общества.

54

Система онимов становится предметом научного рассмотрения и в когнитивном ракурсе. Онимы представляют собой своеобразное зеркало концептуальной информации и результатов ментальной деятельности человека, в связи с чем наука говорит о «концептосфере онимов» как своеобразном фрагменте языковой картины мира [26].

Имена собственные, бытующие в любом социуме, существуют не только в виде совокупности именованных в документах и коммуникации, но и в сознании представителей этого социума — как индивидуальном, так и коллективном. Таким образом, ономастическая категория является результатом постижения человеком реалий и персоналий с их интерпретацией языковым сознанием.

Концептуальное пространство имен собственных содержит в себе языковые знания, а также различные типы знания, необходимые человеку для осуществления речемыслительной деятельности в процессе взаимодействия с окружающим миром. Основываясь на том факте, что онимы представляют собой своеобразное зеркало концептуальной информации и результатов ментальной деятельности человека, был введен термин «концептосфера онимов», применяемый для обозначения имен собственных как отдельных фрагментов языковой картины мира.

Ономастический аспект языковой личности представителей профессий до сих пор не становился предметом научного исследования. В целом даны описания языковой личности политика [13], полицейского [15], судебного оратора [1], врача [7], педагога [27] и т. д. Работ, посвященных особенностям репрезентации русской языковой личности военнослужащего, нами выявлено не было.

В настоящее время Вооруженные силы представляют собой один из наиболее влиятельных социальных институтов России. Как и в любом другом сообществе, коммуникация в военном социуме имеет ряд особенностей. Одной из них является употребление просторечий, наряду с элементами официально-делового, канцелярского языка, языка приказов и распоряжений, что может характеризовать данную культуру общения как низкую. Также отличает языковую личность военнослужащего высокая частотность использования лексических единиц, дающих альтернативное именование объектам действительности, то есть жаргона, обеспечивающего простоту общения посредством эмоционального единения [14].

Рассмотрение типичных черт общения представителей военного социума делает возможным разностороннее изучение языковой личности военнослужащего, в которой персонифицируется родная языковая картина мира [19]. В настоящем исследовании мы обращаемся к описанию ономастического пласта лексики, который, частично входя в военный жаргон, позволяет языковой личности российского военнослужащего реализовываться на коммуникативном уровне.

Прежде всего необходимо обратиться к *антропонимам*, бытующим в военном социуме.

Наиболее значимым для отражения специфики Я-самосознания военнослужащего является прозвище. По определению, данному в Словаре русской ономастической терминологии, это «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [16, с. 115]. Как универсальная антропонимическая категория, прозвища выступают «зеркалом» индивида, отражают возрастные, психологические особенности коммуникантов, разнообразные отношения между ними и способствуют формированию особого самосознания, связанного с развитием различных сторон личности, которые выражаются в языковых средствах.

Прозвище как ономастическая категория изучено в достаточной степени. На сегодняшний день существует несколько вариантов таксономии, оптимальной представляется следующая классификация прозвищ, основанная на зависимости прозвища от мотивационного признака:

- прозвища, образованные от официальных идентификаторов носителя (от фамилий, имен и отчеств);
- прозвища, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям (по особенностям внешности, поведения, характера человека, жизненных ситуаций, по связи с жаргонной лексикой и именованиями близких, знаменитых людей и персонажей) [17].

Поскольку из всех официальных антропонимов фамилия имеет объективно приоритетный статус в Вооруженных силах, образованные именно от них прозвища преобладают в неофициальной коммуникации офицеров и солдат. Яркие примеры таких именовании – Кот (Котов), Мороз (Морозова), Петя (Петров). Так как специфической чертой бытования рассматриваемого социума является активное действие, военнослужащие отмечают особенности поведения сослуживцев, которые зачастую становятся мотивами номинации, например для таких прозвищ, как Айболит (заботится о животных) или Мудрый (дает дельные советы товарищам). Несколько реже молодые представители армии и флота обращают внимание на внешность и жизненные обстоятельства товарищей, что способствует появлению таких неофициальных именовании, как Полторашка (невысокий рост), Сивый (блондин) или Татарин (родом из Татарстана). Гораздо меньше выявлено прозвищ, мотив номинации которых связан с известными деятелями культуры, а также

вымышленными персонажами, что может свидетельствовать о концентрации представителей социума на фактах объективной реальности, в том числе в неформальном общении.

Как и другие имена собственные, прозвища аккумулируют и транслируют информацию о национальной культуре. Так, например, Дед Мороз соотносится с именем русского народного сказочного персонажа, Бутусов – с фамилией рок-музыканта, а Городецкий – с фамилией героя отечественного фантастического романа.

Признак национальной принадлежности несет в себе и официальный антропоним – фамилия, которой, напомним, в военном социуме отведено особое место. Приоритет этого идентификатора подтверждает графическая фиксация на шевроне униформы. Рассмотрение фамилий в военном социуме также позволяет выявить социолингвокультурный компонент языковой личности российского военнослужащего.

Согласно личным данным, находящимся в свободном доступе, большинство фамилий российских военнослужащих имеет славянское либо русифицированное происхождение (Кузнецов, Юшкевич, Устищенко), что объясняется родственной связью между русским, белорусским и украинским языками. Эти официальные идентификаторы образованы от прозвищ (чаще профессиональных) и личных имен предков. Среди фамилий также, хотя и в незначительном количестве, встречаются именованья, относящиеся к европейской и азиатской системам номинации (Лафу, Кон-Оол), что обусловлено исторической и современной интеграционной политикой России [18].

Деятельность представителей военного социума подразумевает не только межличностные контакты, но и эксплуатацию технических средств. В истории уже прочно закрепилась такая характеристика оружия, как «боевой друг», свидетельствующая о тесной связи бойца, например, с автоматом или танком. С этой точки зрения информативны и имена собственные объектов, создаваемых для армии и флота. На сегодняшний день в военном подязыке принята двойная номинация: индексирование и присвоение словесного ярлыка – *хремотонима*. Последний при этом не сообщает каких-либо объективных сведений, но может рассказать об удивительных свойствах техники или, напротив, скрыть их. Подобное сочетание мотивов и способов номинации раскрывает такую особенность военного социума, как коммуникация, опосредованная техникой и вооружением [20].

Подобно самим представителям армии и флота, военная техника имеет именованья официальные и неофициальные. Хремотонимы, фигурирующие в документации, могут присваиваться объектам по ряду признаков. Из мотивов номинации особенно частотны такие, как форма предмета и его связь с близкими для службы понятиями (ЗРК «Клинок» и «Кинжал» – за вытянутую форму), ассоциации (светошумовая граната «Факел», бронезилеты «Гусар», «Драгун», «Казак»).

Поскольку юмор в военном социуме играет немаловажную роль, способствуя своеобразной эмоциональной разрядке офицеров и солдат в условиях вынужденной предельной концентрации, большая часть

официальных именовании техники и вооружения имеет юмористический характер. Яркими примерами таких хремотонимов являются следующие: противоосколочное одеяло «Уют», 533-мм торпеда «Игрушка», система противолодочного вооружения «Атлантида».

Подобно самим военнослужащим, техника получает неофициальные именовании — прозвища, которые даются по каким-либо отличительным характеристикам: внешнему виду («раненый слон» — БТР-70 с множеством пушек и автоматов), созвучию или идентичности букв в официальном названии («дашка» — ДШК), особенностям эксплуатации («дроворуб» — МГ-42 с высокой кучностью стрельбы). Специфика военной неофициальной хремотонимии свидетельствует о находящемся отражении в языке психологических особенностях коммуникации представителей социума: их наблюдательности, креативности, лаконичности и т. п.

Представляя собой объединение людей одной профессии, военный социум в нашей стране имеет специфическое название (эргоним) — Вооруженные силы Российской Федерации. Подобные специальные названия существуют для каждого учреждения и организации в армии и на флоте. Так, к военным эргонимам относятся следующие именовании:

- названия видов, родов войск и сил;
- названия организаций, объединенных особой военной целью;
- названия военно-учебных заведений.

При обозначении военных организаций зачастую используется форма аббревиатур, которая способствует экономии языковых средств, при этом позволяя сохранить информацию об учреждении, например ВДВ — Воздушно-десантные войска, ВИФК — Военный институт физической культуры, Генштаб (ГШ) — Генеральный штаб.

Помимо собственно информационной функции, все эргонимы, вызывая у человека некие ассоциации, выполняют еще и воздействующую функцию, поэтому изучение названий военных организаций дает возможность изучить механизм такой когнитивной реакции, возникающей у военнослужащих.

В основном военные эргонимы используются в полной форме и зачастую содержат в своем составе фамилию личности, знаменитой в России благодаря своим трудам, подвигам и другим заслугам. Антропонимический компонент позволяет использовать в названиях организаций имена выдающихся деятелей отечественной науки, общества и военного дела для увековечивания их заслуг, а также для повышения авторитета этих организаций за счет актуализации сведений о знаменитостях, хранящихся в фоновых знаниях россиян.

И наконец, важным аспектом реализации языковой личности военнослужащего является использование специфических *топонимов*. Эти названия географических объектов накапливают в своей семантике информацию о преобразовательной деятельности человека и потому занимают особое место в ономастическом пространстве военного социума. Исследование мотивов номинации военных топонимов позволяет

получить сведения не только об особенностях повседневной деятельности представителей этой профессии, но и о системе их ценностей, поскольку «название места всегда сохраняет следы событий, с ним связанных, то есть имеет пространственно-временные и информационные характеристики» [4, с. 7].

В соответствии с общепринятой типологией и особенностями функционирования военного социума научный интерес представляет изучение следующих классов военных топонимов:

– военные дромонимы, называющие пути сообщения ВС РФ, а также стационарные объекты транспортной инфраструктуры (космодром Свободный, морской порт Полярный, аэродром Амдерма-2, полевой Припять);

– военные хоронимы, называющие полигоны (КапЯр, Цугол);

– военные ойконимы, называющие закрытые населенные пункты (Вулканный, Порт, Серпухов-15).

Военная топонимия отражает особенности бытования военного социума в целом и языковой личности его представителя в частности, поскольку позволяет выявить как языковые особенности, касающиеся этимологии и способов образования, так и экстралингвистические особенности: с одной стороны, строгость, шаблонность, с другой – творческий подход и хорошо развитое ассоциативное мышление.

Поскольку военное имятворчество распространяется не только на лиц, географические объекты и технику, но и на события, следует упомянуть о необходимости рассмотрения *хрононимов*. Названия событий в военном социуме включают именованья дней воинской славы и памятных дат (День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере, День Военно-морского флота), военных операций («Багратион» в Великой Отечественной войне, «Гранит» в Афганской войне), акций («Бессмертный полк», «Военная служба по контракту – мой выбор»). Своеобразие лексико-семантических особенностей военных хрононимов также отражает мировоззрение и специфику демонстрации превосходства российских армии и флота.

Заключение

Посредством изучения ономастического пространства и анализа особенностей функционирования имен собственных в конкретном социуме раскрываются многочисленные параметры лингвокультур. Концептосфера онимов, отображая специфические знания языковой личности о мире, способствует взаимодействию концептуального содержания и языка.

В ономастическое пространство военного социума входят имена собственные как субъектов, так и объектов, что подразумевает накопление и трансляцию информации о них и их свойствах. Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего включает в себя бытование таких идентификаторов и маркеров, как

непосредственно антропонимы, называющие офицеров и солдат, хре-
матонимы, именующие продукты материального и интеллектуального
творчества военнослужащих, эргонимы, называющие военные объеди-
нения, топонимы, являющиеся именованьями географических объек-
тов, с которыми связана повседневная деятельность представителей во-
енного социума, а также хрононимы, именующие события, имеющие
или имевшие в нем место в какой-либо промежуток времени. Изучение
языковой личности военнослужащего с точки зрения создания и ис-
пользования ими имен собственных в профессиональной сфере позво-
ляет раскрыть такие качества личности российского военнослужащего,
как патриотизм, эмоциональность, а также высокий уровень интеллек-
туального развития, необходимый для творческого подхода к созданию
именований.

Список литературы

1. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007.
2. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 20–28.
4. Вартанова О.А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
5. Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 16–25.
6. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление : учеб. пособие. М., 2014.
7. Гагарина Е.Ю. Способы самопрезентации языковой личности врача на медицинских интернет-форумах // Гуманитарные исследования. 2014. №2 (50). С. 19–22.
8. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г. : тез. докл. М., 2003. С. 362–363.
9. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура : матер. 3-й междунар. науч. конф. : в 2 ч. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 98–101.
10. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. 2-е изд. М., 2010.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010.
12. Королева И.А. Ономастические пространства и поле в языке // Русская речь. 2003. №2. С. 86–86.
13. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей Уинстона Черчилля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.
14. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
15. Масыч Т.Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
17. Родина Н.А. Изучение ономастического компонента на занятиях по культуре речи с иностранными курсантами (на примере военных прозвищ) // Обучение русскому языку как иностранному и как родному: Диалог культур : сб. матер. докл. V юбилейной межвуз. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 197–202.
18. Родина Н.А. Особенности официальных антропонимов российских военнослужащих (на материале фамилий курсантов) // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории : сб. науч. ст. XVIII междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 65–69.
19. Родина Н.А. Фрагмент описания личности российского военнослужащего в свете социолингвистики (на материале бытования индивидуальных маркеров) // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, №1. С. 150–154.
20. Родина Н.А. Юмористические мотивы номинации российской военной техники // Неофилология. 2019. Т. 5, №19. С. 327–337.
21. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–25.
22. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 2012.
23. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград, 2000.
24. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. 2002–2003. М., 2003. С. 7–12.
25. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 536–539.
26. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики : монография. Тамбов, 2012.
27. Яковенко Л.К., Аульбекова Ж.С. Языковая личность учителя: автопортрет // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. С. 13.

Об авторе

Надежда Андреевна Родина – канд. филол. наук, доц., Военный институт физической культуры, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: esperance84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4013-919X

The author

Dr Nadezhda A. Rodina, Associate Professor, Military Institute of Physical Culture, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: esperance84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4013-919X

Н. А. Урусова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Раскрывается содержание понятий «образ» и «художественный образ» с когнитивных позиций (в рамках гуманитарных наук – лингвистики, психологии, литературоведения). Кратко изложена история рассмотрения образа в психологии: психоаналитический подход, теория отражения, когнитивная психология. Устанавливаются когнитивные составляющие образа и способы их текстовой реализации на примере романа Дж. Кутзее «Осень в Петербурге». Образ – это иконический знак, который входит в структуру концепта, являясь составным элементом образно-ассоциативного слоя. Выполняя гносеологическую функцию познания действительности, художественный образ отражает особую модель реальности, соединяющую объективные конкретные чувственные детали предмета или явления и субъективность индивидуального сознания автора. В рамках когнитивной поэтики «художественный образ» определяется как словесный знак, репрезентирующий в художественном тексте авторскую картину мира. Обращается внимание на важность интерпретации образов с позиции не только реализованной авторской интенции, но и их актуализации в сознании воспринимающего, в частности их воздействия на эмоциональную сферу читателя.

61

The article is an attempt to examine the terms «image» and «literary image» as a concept of cognitive science (in humanities: linguistics, psychology, cognitive studies, literary studies). It analyses different approaches to defining these terms, aiming at focusing on a cognitive definition of image. The article contains an overview of the analysis of the term in psychology: psychoanalytic approach, the theory of reflection, cognitive psychology. It describes cognitive features of image and the ways of their representation in the novel «The Master of Petersburg» by J. Coetzee. An image is viewed as an iconic sign incorporated in the structure of a concept, being an element of its figurative-and-associative layer. It contributes to cognition of reality, reflecting a specific model of reality which connects concrete perceptible characteristics of an object or phenomenon with the subjectivity of the author's individual mind. After the exploration of the cognitive approaches, a literary image is considered as a verbal sign representing the author's worldview within the literary text. It is highlighted that while interpreting images it is important to pay attention to both the textual representation of the author's intention and the readers' perception of them, especially the emotional reaction.

Ключевые слова: образ, художественный образ, концепт, словесный знак, авторская картина мира

Keywords: image, literary image, concept, verbal sign, the author's worldview

Введение

Понятию «образ», широкому и многоплановому по своему содержанию, посвящено много исследований в разных областях гуманитарного знания: в философии и семиотике, искусствоведении и литературоведении, психологии и лингвистике. Оно имеет много определений и трактовок, будучи предметом изучения различных научных областей. Именно этим и объясняется сложность единого определения понятия «образ», так как каждая наука оперирует им в соответствии со своей спецификой. Задачей данной статьи является рассмотрение когнитивного подхода к определению образа, в частности художественного образа, моделируемого в литературном произведении.

62

Актуальность исследования обусловлена тем, что при анализе феномена литературного образа используются современные данные, полученные в смежных когнитивных дисциплинах: психологии, лингвистике и литературоведении, позволяющие интерпретировать моделируемый автором образ как некий «поисковый механизм» для обработки заложенной в тексте интерпретационной программы, как механизм прагматического фокусирования.

Проблема формирования понятия «образ» стала одной из центральных для психологии. Впервые эта категория появилась в трудах структуралистов, но именно в рамках психоанализа (З. Фрейд) и аналитической психологии (К.Г. Юнг) категория образа становится предметом серьезного теоретического рассмотрения, приобретая статус активного начала, организующего сознательную деятельность индивида.

Многие видные советские и российские психологи (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Р.Я. Гальперин, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский и др.) обращались к исследованию проблематики образа, рассматривая эту категорию с позиции теории отражения.

С возникновением во второй половине XX в. когнитивного направления в психологии появились новые данные и новые теории. Р. Солсо дает общее определение мысленного образа как «репрезентации в уме отсутствующего объекта или события» [8, с. 328], то есть мысленного представления сенсорных переживаний разных модальностей при отсутствии физических стимулов.

Радикальные методологические перемены, произошедшие в связи с когнитивной революцией 1950–1960-х гг., привели к формированию новой интегративной области знания – когнитивной науки, занимающейся изучением когнитивных структур, задействованных в процессах усвоения, переработки и трансформации знания. Назовем несколько основных подходов, сложившихся в рамках когнитивной лингвистики: теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теория ментальных пространств Ж. Фоконье, теория прототипов Э. Рош и т. д.

В 1980-х гг. появились первые работы, связывающие представления когнитивной науки об общих принципах организации человеческого мышления с изучением литературных текстов и литературоведческими

проблемами, а со второй половины 1990-х гг. оформляется такая научная дисциплина, как когнитивное литературоведение, объединяющее разнообразные концепции и подходы. Для нашего исследования наиболее существенными из них являются когнитивная риторика М. Тернера, теория концептуальной интеграции, разработанная М. Тернером совместно с Ж. Фоконье, и когнитивная поэтика Р. Цура.

Итак, согласно теории концептуальной метафоры, человек понимает мир, мыслит и действует в метафорических терминах, которые выражаются образным языком [4, с. 90]. В процессе метафоризации, которая базируется на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели», – происходит «метафорическая проекция», то есть перенос некоторых свойств исходной области на целевую.

Концептуальные метафоры не только определяют «строение обыденной концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [4, с. 169], но и лежат в основе создания тропов (литературная метафора, метонимия и пр.), строящихся на основе той части метафорического концепта, которая находится за пределами структуры обычной понятийной системы человека, а также участвуют в создании отдельных художественных образов и образной структуры произведения в целом.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в когнитивной риторике М. Тернера. Анализируя одну из категорий классической риторики – *inventio* (поэтическая фантазия, вымысел, творчество), исследователь приходит к выводу, что фундаментом творческого вымысла очень часто является неоригинальная концептуальная структура, настолько характерная для повседневного мышления, что она даже не выводится на поверхность сознания [21]. Следовательно, основой художественного образа может служить конвенциональная, используемая в обыденной речи и мышлении метафора, а его необычность определяется отклонениями от привычной неосознанной процедуры по установлению соответствий и ограничений, налагаемых структурой и организацией используемой концептуальной метафоры, то есть выходом за концептуальные ограничения, который требует от нас серьезного переосмысления нашего концептуального аппарата.

Совместная работа М. Тернера с французским исследователем ментальных пространств Ж. Фоконье, в которой изложена так называемая теория концептуальных интегратов (*conceptual blends*), позволяет глубже понять процессы смыслообразования, а выделенные ими схемы интеграции ментальных пространств объясняют некоторые механизмы формирования образности [14].

Особый подход к анализу образной структуры текста намечен в когнитивной поэтике Р. Цура. Опираясь на разработанные русскими формалистами концепции деавтоматизации и остранения, а также представления когнитологов и гештальтпсихологов о воспринимаемом сознании, о разных уровнях перекодировки информации в процессе ее обработки и о принципах нашего взаимодействия с окружаю-

щей средой, исследователь выделяет две стилистические тенденции — конвергентную и дивергентную, — которые проявляются на всех уровнях поэтического текста, в том числе и в его образной структуре [23].

Исследования и достижения когнитивистики оказали существенное влияние на трактовку термина «образ», который все чаще стал рассматриваться как когнитивный феномен, основанный на когнитивных процессах восприятия и смыслообразования.

О понятии «художественный образ» в литературе

64

«Художественный образ» — это понятие, которым оперируют и литературоведение, и лингвистика. Оно несколько уже понятия «образ». Применяя терминологию М. В. Никитина, между ними существуют гиперо-гипонимические отношения. В данной статье рассматриваются некоторые способы текстовой реализации художественного образа в ткани литературного произведения, то есть речь идет об образе, выраженном вербально.

В современной стилистике и лингвистике текста подход к трактовке словесно-художественного образа основан на представлении о поэтической речи (см., например, работы В. В. Виноградова и И. В. Арнольд): «...поэтическая образность состоит не только и не столько в тропах и фигурах, сколько в самом внутреннем существе поэтической речи как своеобразной системе воплощения воображаемого или эстетически отражаемого мира и в функциональной специфике ее эстетической структуры. Поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства мир речевых смыслов и соотношений» [2, с. 155]. Художественный образ строится на базе слов общенародного языка, опираясь на его семантику и разные способы образования переносного значения. Попадая в художественное произведение, слово, будучи элементом его конструкции и композиции, прирастает новыми смыслами, которые раскрываются только в системе целого литературно-эстетического объекта, что И. В. Арнольд определяет как «взаимодействие узуальной и контекстуальной образности слов» [1, с. 130], а И. А. Щирова называет «двуплановостью (образностью) смысловой направленности художественного слова» [11, с. 18], указывая на то, что в художественном произведении слово, совпадая по внешней форме со словом общенационального языка, принадлежит миру воображаемой действительности. Иными словами, литературный образ «преобразует слово как материал в новую форму существования» [7, с. 150].

Литературный образ формируется не только на базе лексико-семантических единиц (в частности, тропов), но и при помощи языковых единиц других уровней: фонетического (звуковые сочетания и чередования), просодического (ритмико-мелодические способы), морфологического (новые способы морфологического деления и словообра-

зования, грамматические приемы, в том числе транспозиция) и синтаксического (разные типы повторов, многочисленные сочинительные единства, эллипсисы, сопоставление противоположностей и пр.), а также в результате действия интегративных сил целого текста.

Он может иметь разное строение и границы: быть запечатленным в одном слове или целом произведении, но он «всегда является эстетически организованным структурным элементом стиля литературного произведения. Этим определяются и формы его словесного построения и принципы его композиционного развития» [2, с. 119].

В качестве примера рассмотрим эпизод из романа Дж. Кутзее «Осень в Петербурге» (*The Master of Petersburg*). Главный герой, Ф. М. Достоевский, посещает могилу своего пасынка Павла:

They take the little ferryboat to Yelagin Island, which he has not visited in years. But for two old women in black, they are the only passengers. It is a cold, misty day. As they approach, a dog, grey and emaciated, begins to lope up and down the jetty, whining eagerly. The ferryman swings a boathook at it; it retreats to a safe distance. Isle of dogs, he thinks: are there packs of them skulking among the trees, waiting for the mourners to leave before they begin their digging? [24].

На лексическом уровне тема «смерти» выражается лексическими единицами *old women in black, the mourners*, выдвигающими на передний план ассоциации с миром мертвых. Унылая картина кладбища создается тремя образами — *old women in black; a cold, misty day; a dog, grey and emaciated*. Выбранные автором эпитеты *black, cold, misty, grey, emaciated* вызывают прямые или косвенные ассоциации со смертью. На фонетическом уровне обращают на себя внимание звуковые повторы *ferryboat – old – only – cold – approach – lope* и *grey – emaciated*. Расширяющаяся метафора-сравнение *Isle of dogs*, поддержанная на синтаксическом уровне повтором партиципальных конструкций, добавляет жутких красок в создаваемый художественный образ: своры собак, раскапывающих могилы и тревожащих души мертвых. На грамматическом уровне использование настоящего времени (*The Present Simple Tense*) способствует вовлечению читателей в моделирование образа как бы «здесь и сейчас», усиливая эффект «безвременья».

Отметим и лингвокультурологический аспект создаваемого образа. Дж. Кутзее использует топоним *Yelagin Island*, построенный как гибридное образование, который, воздействуя в первую очередь на адресатов-билингвов, знающих город на Неве, становится неотъемлемым компонентом моделируемой автором картины Санкт-Петербурга [10, с. 133].

Применяя когнитивные подходы к термину «художественный образ», стилистика рассматривает его как одну из форм «отражения реальной действительности», как «модель действительности, восстанавливающую полученную из действительности информацию в новой сущности» [1, с. 113]. Это особая модель реальности, которая соединяет объективное (схематический объект, сращенный со своим материальным носителем) и субъективное (вымысел, познающая мысль, принад-

лежащая индивидуальному сознанию). В этом смысле литературные образы не только репрезентируют материальную реальность, но и моделируют новую идеальную (эстетическую) реальность, созданную творящей мыслью человека. По словам В. П. Мещерякова, образ в литературном произведении «передает реальность и в то же время создает новый вымышленный мир, который воспринимается нами как существующий на самом деле» [6, с. 18]. Он воплощает обобщенную картину мира, созданную воображением автора и отражающую его субъективное восприятие. (И. А. Щирова определяет авторскую картину мира как «иерархически организованную концептуальную систему» [12, с. 128]). Таким образом, перефразируя С. Г. Филиппову, можно сказать, что литературные образы следует рассматривать «не только как форму художественного освоения мира, сущностную и стилевую характеристику художественного текста, но и как важнейшую составляющую авторской картины мира» [9, с. 179–180], то есть как обусловленный авторской интенцией способ реализации в художественном тексте личностно-детерминированной концептуальной системы — системы знаний и мнений о мире, которая отражает весь познавательный опыт человека [3, с. 94–95].

Образ субъективен: он формируется под давлением субъективных склонностей и интересов индивида, определяющих направленность когнитивных процессов восприятия действительности. Как утверждает Дж. Грейди, автор теории первичных метафор (*primary metaphors*), которые лежат в основе образования прочих метафор, в том числе и художественных образов, взаимоотношения между исходной и целевой областями в первичной метафоре описываются в терминах большей или меньшей субъективности: область «источника» передает сенсорно-перцептивные моменты восприятия, а область «цели» — субъективные реакции на них [15].

Хотя образ может сложиться и на основе отдельного впечатления от однократного восприятия объекта, его основное назначение — обобщение наглядных представлений, выявление наиболее типичных отношений между внешней формой воспринимаемого индивидуального объекта или класса объектов и его содержательными характеристиками. Именно в этом смысле образ выполняет гносеологическую функцию познания действительности и в качестве структуры сознания является способом освоения мира и передачи информации.

В литературоведении понятие образа связано с эстетикой слова и осознанным намерением автора выразить волнующие его идеи посредством художественного произведения. Это словесный образ, воспроизводящий характерные конкретно-чувственные детали предмета или явления действительности и передающий субъективное ценностное отношение к воспринимаемому объекту: эмоциональное, оценочное, экспрессивное.

Однако художественно-словесный образ «оживает» только в воспринимающем сознании читателя. Как пишет П. Стокуэлл, хотя воображение считается необходимым элементом акта художественного

творчества, оно также необходимо и читателю, позволяя последнему создавать образы на основе литературного произведения [20, p. 173]. Можно сказать, что образы литературного текста направляют процессы интерпретации, происходящие в сознании читающего. В этом отношении интересно исследование прототипичных эмоций (prototypical emotions), осуществленное Г. Смитом, который считает, что они обладают следующими качествами: ориентированы на объект, интенциональны, направлены и указывают на последующие действия (an action tendency) [19, p. 21]. Во время чтения когнитивная система человека распознает вызываемую текстом эмоцию и соотносит ее с имеющимися прототипичными эмоциями. Опознанная эмоция (например, гнев, радость, страх) создает определенную эмоциональную ситуацию, которая знакома читателю и позволяет ему сформировать дальнейшие ожидания от текста. Своеобразие художественно-литературного текста состоит в том, что его развитие может противоречить первоначально вызванным эмоциям, менять отношение и ожидания читателя, создавая незнакомую напряженную эмоциональную обстановку. Эти эмоции могут быть очень сильны: они заставляют читателя сомневаться в правильности первоначальной интерпретации, нарушают моновалентное понимание текста, превращая его в многовалентное, или разрушают эмпатическое расположение к главному герою повествования [17, p. 23]. Таким образом, побуждая читателя к определенному эмоциональному отклику, литературный образ воздействует на эмоциональную сферу и, в широком смысле, на сознание воспринимающего, изменяя его мысли и чувства.

Итак, литературный образ — это выраженный вербально продукт художественного мышления, особого вида познания и преобразования действительности, представляющий собой сложное единство лингвистических средств разного уровня, эстетически организованное и являющееся неотъемлемым элементом композиции литературного текста. В следующем разделе мы рассмотрим некоторые когнитивные механизмы, определяющие интерпретационную программу, заложенную автором в моделируемый словесно-художественный образ.

Когнитивная природа литературного образа

В первую очередь важно выделить те механизмы перцепции, которые позволяют воспринять и интерпретировать литературный образ, так как именно физиологические характеристики и перцептивные особенности человека как биологического вида влияют на мыслительные процессы, то есть на концептуальную и языковую деятельность (см.: [16; 18]).

Рассматривая наш пример с позиций когнитивной поэтики Р. Цура, который, опираясь на исследования по переработке акустического сигнала, делает интересные наблюдения над экспрессивной характеристикой звуков [22; 23], мы видим, что в первом предложении, в котором герои начинают свой путь к Елагиному острову («They take the little ferryboat to Yelagin Island, which he has not visited in years»), преобладают

гласные переднего ряда: 14 по сравнению с 7 гласными среднего ряда и 1 задним гласным. Однако в последнем предложении, описывающем приближение к острову-кладбищу («As they approach, a dog, grey and emaciated, begins to lope up and down the jetty, whining eagerly»), это соотношение меняется, и мы наблюдаем увеличение количества гласных среднего и заднего ряда – 14-12-2 соответственно. Эта же тенденция сохраняется, если мы анализируем только количество гласных континуума «передний – задний звук» в ударных позициях: 6-2-1 в первом предложении против 5-5-1 в последнем. Р. Цур, противопоставляя один звук другому по степени проявления некоего перцептивно ощутимого качества (unique conscious quality), устанавливает аналогии между этим качеством и определенной смысловой характеристикой. Так, континууму «передний – задний» звук соответствует эстетически-экспрессивная характеристика «светлый – темный». Эту аналогию ученый обосновывает тем, что относительно гласных переднего ряда гласные заднего ряда воспринимаются как менее дифференцированный акустический сигнал, который, в свою очередь, может связываться со слабой дифференцированностью зрительного образа, то есть с «темнотой». Таким образом, можно предположить, что количественное увеличение менее дифференцированных акустических звуков в моделируемом Дж. Кутзее образе кладбища настраивает читателя на восприятие более темного места.

Более того, Д. С. Миалл, изучая нейролингвистическими методами эффект остранения (defamiliarization) при чтении художественного текста, приходит к выводу, что использование повторяющихся фонем (аллитерация и ассонанс) усиливает эмоциональное воздействие, передает читателю настроение, заложенное в описание места действия и обстановки [17, p. 18]. В примере из Дж. Кутзее: «But for two old women in black, they are the only passengers. It is a cold, misty day. As they approach, a dog, grey and emaciated, begins to lope up and down the jetty, whining eagerly» [24] – в непосредственной близости располагаются 5 дифтонгов [ɛʊ] и 4 дифтонга [eɪ], а также 9 сонорных [n], на фонетическом уровне иллюстрирующие волнение, с которым главный герой приближается к месту захоронения своего пасынка. Эти звуковые повторы заставляют и читателя испытывать взволнованное ожидание, вызывая эмоции, сходные с состоянием протагониста. Повторяющиеся фонемы как будто имеют собственное значение, оттеняющее лексическое значение слов. В этом примере [ɛʊ] и [eɪ] приобретают коннотативный оттенок волнения и тревожности, а согласный [n], дополненный шестью [l], – оба звука ассоциируются с нежными чувствами [5, с. 97] – добавляет нотку светлой грусти. Таким образом, хотя фонемы не обладают определенным значением, они приобретают локальную значимость, заданную непосредственным контекстом, и способствуют активации у читателя определенного спектра значений и эмоций, возникающих в момент чтения.

Постулат о телесной обусловленности нашей концептуальной системы тесно связан с философской идеей экспериенциального реализ-

ма, или экспериенциализма. Иными словами, в основе понятийной системы человека лежат простые пространственные категории, которые возникают в результате повседневного опыта взаимодействия человека с окружающим материальным миром [4, с. 93]. М. Джонсон назвал эти простые когнитивные структуры, проявляющиеся в виде моторных программ при перемещении в пространстве, манипуляции предметами и другом сенсорном взаимодействии с миром, образами-схемами (*image schemas, image-shemata*) [16, p. 29].

Экспериенциалистский подход выражается в когнитивном понимании семантики: слово не указывает на свой денотат напрямую, а отражает определенную концептуальную структуру. Значение слова определяется дискурсивно: языковое выражение служит подсказкой (*prompt*), на основе которой конструируется смысл в контексте конкретной дискурсивной ситуации [13]. На интерпретацию высказывания влияют и те элементы ситуации, которые не выражены эксплицитно лингвистическими средствами, а определены прагматически.

Описывая приближение к острову мертвых, Дж. Кутзее прямо не говорит о смерти и кладбище, однако опирается на распространенные концептуальные метафоры СМЕРТЬ – ЭТО ТЕМНОТА и СМЕРТЬ – ЭТО ХОЛОД: эпитеты *black, misty, grey* соответствуют концепту ТЕМНОТА, а *cold* – концепту ХОЛОД. Эпитет *emaciated* (истощенный, изнуренный) построен на основе концепта ПРИЧИНОСТИ, возникшего из непосредственного опыта наблюдений за живыми организмами: рождение – рост – расцвет – увядание / слабость – смерть. Прототипическое ядро расширяется метафорой КАУЗАЦИЯ (события состоянием) – ЭТО ВОЗНИКНОВЕНИЕ (события / объекта из состояния / вместилища) [4, с. 110]. СОСТОЯНИЕ (истощенность) рассматривается как вместилище, а событие (смерть) интерпретируется как объект, возникающий из вместилища; таким образом, смерть возникает из состояния истощенности. В терминах теории ментальных пространств метафорическое выражение «*a dog... emaciated*» имеет пространство-источник, представляющий сценарий «собака, истощенная от голода» и пространство-цель, относящееся к процессам увядания-гибели. Таким образом, актуализированный концепт СМЕРТЬ репрезентирует КЛАДБИЩЕ на основе метонимической проекции СОБЫТИЕ – МЕСТО.

Во второй главе романа Дж. Кутзее «Осень в Петербурге», которая называется «*Cemetery*» («Кладбище»), мы находим метафорическое воплощение образов-схем ПУТЬ и КОНТЕЙНЕР.

They meet at the ferry. When he sees the flowers Matryona is carrying, he is annoyed. They are small and white and modest. Whether Pavel has a favourite among flowers he does not know, but roses, whatever roses cost in October, roses scarlet as blood, are the least he deserves.

'I thought we could plant it,' says the woman, reading his thoughts. 'I brought a trowel. Bird's foot: it flowers late.' And now he sees: the roots are indeed wrapped in a damp cloth.

They take the little ferryboat to Yelagin Island, which he has not visited in years. <...>

At the gatekeeper's lodge it is Anna Sergeyevna, whom he still thinks of as the landlady, who goes to ask directions, while he waits outside. Then there is the walk through the avenues of the dead. He has begun to cry. Why now? he thinks, irritated with himself. Yet the tears are welcome in their way, a soft veil of blindness between himself and the world.

'Here, Mama!' calls Matryona.

They are before one mound of earth among many mounds with cross shaped stakes plunged into them bearing shingles with painted numbers. <...>

He turns his back on the pair of them and walks off. Soon he has left behind the newer quarter of the graveyard and is roaming among the old stones, among the long dead.

When he returns the bird's foot has been planted. <...>

They are back at the jetty. The grey dog slinks cautiously up to them. Matryona wants to stroke it but her mother discourages her. There is something wrong with the dog: an open, angry sore runs up its back from the base of its tail. It whimpers softly all the time, or else drops suddenly on its hindquarters and attacks the sore with its teeth.

I will come again tomorrow, he promises: I will come alone, and you and I will speak. In the thought of returning, of crossing the river, finding his way to his son's bed, being alone with him in the mist, there is a muted promise of adventure [24].

Образ-схема ПУТЬ включает в себя а) начало — встреча на паромной станции («They meet at the ferry»), б) вектор движения — переправа через реку («They take the little ferryboat to Yelagin Island...»), долгий путь по аллеям мертвых («...the walk through the avenues of the dead») в поисках могилы пасынка, остановка у самой могилы («They are before one mound of earth among many mounds...»), блуждание главного героя по кладбищу («...roaming among the old stones, among the long dead») и в) конец — возвращение на пирс («They are back at the jetty»).

Реализация образа-схемы КОНТЕЙНЕР, включающей внешнее пространство, внутреннее пространство и границу между ними, встречается как в образе острова-погоста, так и в описании самой могилы. Остров выступает как вместительное кладбище, а внешняя граница представлена рекой, отделяющей его от города. Изображение могилы также выстраивается по образу-схеме КОНТЕЙНЕР: «The mound has the volume and even the shape of a recumbent body. It is, in fact, nothing more or less than the volume of fresh earth displaced by a wooden chest with a tall young man inside it» [24]. Могильный холм имеет объем и форму и является внешним, ограниченным сырой землей пространством, вмещающим в себя мертвое тело. Актуализация образа-схемы КОНТЕЙНЕР усиливается метафорой «деревянный ящик» для обозначения гроба, построенной на основе представления ГРОБ — ЭТО КОНТЕЙНЕР.

Итак, как видно из приведенного анализа, в художественном образе сливаются воедино языковая и концептуальная деятельность, в основе которых лежат телесные стороны (embodiment) существования человека.

Заключение

Анализируя процесс порождения — восприятия — интерпретации литературно-художественного текста с позиций когнитивистики, говорят о том, что субъективные авторские смыслы трансформируются в

межсубъектное знание при помощи языка. Образы трактуются как один из репрезентантов авторской картины мира. Читатель является равноправным субъектом литературной коммуникации, со своей картиной мира и личностными свойствами. Он реконструирует отраженную в тексте авторскую картину мира, включая полученное знание в свою концептуальную систему. Конечно, реконструкция заложенного авторского смысла никогда не бывает полной, ограничиваемая, с одной стороны, предыдущим личным, социальным и эстетическим опытом читателя, а с другой – его готовностью принять точку зрения и мировидение писателя.

Обобщая вышеизложенный материал, можно утверждать, что художественный образ в литературном тексте есть результат познающей и интерпретативной деятельности сознания, репрезентующий в ткани художественного произведения авторскую картину мира и оказывающий эмоциональное воздействие на воспринимающее сознание (читателя).

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 10-е изд., стер. М., 2010.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Лозинская Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор. М., 2007.
6. Основы литературоведения : учеб. пособие для студ. пед. вузов / В.П. Мещеряков, А.С. Козлов [и др.] ; под общ. ред. В.П. Мещерякова. М., 2003.
7. Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М., 2008.
8. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2006.
9. Филиппова С.Г. Образность в концептосфере художественного текста // *Studia Linguistica*. Вып. 26 : Актуальные проблемы современной филологии. СПб., 2017. С. 177–184.
10. Чемодурова З.М., Рой В.В. Лингвистические средства создания образа Санкт-Петербурга в англоязычных биофикциях XX–XXI веков // *Лингвистика в эпоху глобализации* : сб. ст. к юбилею В.В. Кабакчи. СПб., 2018. С. 131–138
11. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.
12. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2018.
13. Fauconnier G. Mental spaces // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford, 2007. P. 351–378.
14. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. N. Y., 2002.
15. Grady J. Metaphor // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford, 2007. P. 188–213.
16. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago, 1987.
17. Miall D.S. Temporal Aspects of Literary Reading // *Investigations Into the Phenomenology and the Ontology of the Work of Art* / ed. by P.F. Bundgaard, F. Sjernfelt // *Contributions to Phenomenology*. Vol. 81. N. Y., 2015. P. 15–30. doi: 10.1007/978-03-319-14090-2_2.

18. *Richardson A.* Studies in literature and cognition: A field map (introduction) // *The work of fiction: Cognition, culture, and complexity* / ed. by A. Richardson, E. Spolsky. N.Y., 2004. P. 1–29.
19. *Smith G.* Film structure and the emotion system. Cambridge, 2003.
20. *Stockwell P.* Cognitive Poetics. An Introduction. L. ; N.Y., 2002.
21. *Turner M.* Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton, 1991.
22. *Tsur R.* How do the sound patterns know they are expressive: The poetic mode of speech-perception. Jerusalem, 1987.
23. *Tsur R.* Toward a theory of cognitive poetics. Amsterdam, 1992.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. *Coetzee J.M.* The Master of Petersburg. URL: <https://litlife.club/books/94072> (дата обращения: 01.02.2019).

Об авторе

Надежда Александровна Урусова – соиск., Российский государственный педагогический университета им. А.И. Герцена; тьютор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: urusova308@gmail.com

The author

Nadezhda A. Urusova, PhD Student, Herzen State Pedagogical University of Russia; English Teacher, HSE University (Saint-Petersburg), Russia.

E-mail: urusova308@gmail.com

Ю. С. Холманских

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЯЗЫКА
В ПОЭЗИИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

Представлено когнитивно-дискурсивное исследование способов создания образа языка в художественном тексте, включающее в себя семантический, концептуальный и интерпретационный анализ. Особое внимание уделяется как лингвистическим факторам, повлиявшим на создание метаязыковых высказываний, в частности словообразовательному потенциалу немецкого языка (неологизации), так и экстралингвистическому контексту, знание которого позволяет интерпретировать значения лексических единиц как когнитивных явлений. Описаны основные техники концептуализации, а именно номинация, предикация (выделение основных дефиниционных признаков концепта, актуализированных в высказывании) и образно-дескриптивные отображения (онтологические когнитивные метафоры). Как показало исследование, комплексное применение вышеназванных инструментов обогащает интерпретационное поле существующего концепта и может служить базой для возникновения нового. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из немецких текстов П. Целана, многие из которых не были ранее переведены на русский язык. Сделан вывод о том, что в авторском художественном образе языка преобладают прямая номинация, основанная на метафорическом отображении и языковой игре, неопределенная и субъективная предикация, а также интертекстуальные символические репрезентации.

The article represents a cognitive-discursive study of means to create an image of the language in a literary text. It involves different types of analysis such as semantic, conceptual, and interpretive. Special attention is paid to the linguistic factors that influence the creation of metalinguistic utterances, in particular, the word-formation potential of the German language (neologization). The article also stresses the importance of extralinguistic context, the knowledge of which enables to interpret the meanings of lexical units as cognitive phenomena. Among the basic techniques of conceptualization being described are nomination, predication (identifying the main definitional features of the concept, actualized in the utterance) and figurative-descriptive representations (such as ontological cognitive metaphors). The study has shown that the complex use of the above mentioned tools enriches the interpretation field of the existing concept and can serve as the basis for the emergence of a new one. The theoretical ideas are illustrated by examples from German texts by P. Celan, many of which have not been translated into Russian before. It is concluded that the following features prevail in the author's individual image of the language: direct nomination based on metaphorical representations and language play, descriptive and subjective predication, as well as intertextual symbolic representations.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, концептуализация, метаязыковое высказывание, неологизмы, П. Целан

Keywords: cognitive-discursive approach, conceptualization, metalanguage, neologisms, P. Celan

Лингвистический портрет языка: к постановке проблемы

Создание лингвистического портрета языка в рамках научной теории — одна из самых актуальных и сложных проблем филологии. Ученые, литераторы, философы конструируют образ языка изнутри самого языкового пространства, преодолевая множество противоречий: ведь он одновременно и живая среда человеческого существования, и объект изучения, и инструмент описания. Как отмечает Б.М. Гаспаров, язык «находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности» [5, с. 5]. В силу этого метаязыковое высказывание неизбежно носит автореферентный, рекурсивный характер и способно вовлечь познание в замкнутый круг лингвистических понятий, отсылающих одно к другому. Действительно, язык выступает как концептуальный конструкт, создаваемый в рамках исследовательской парадигмы и существующий в сфере абстракций. Можно ли сделать научный концепт более доступным человеческому восприятию, сократив расстояние между постоянно изменяющейся, живой тканью языка и статичной умозрительной схемой? Подобный опыт мы находим в «художественной филологии», в которой язык выступает «персонажем», имеющим собственный осязаемый образ [4].

Основная цель статьи — дать представление о том, какие лингвосомиотические инструменты визуализируют понятие «язык» в художественно-филологическом высказывании и каковы основные когнитивные схемы концептуализации этого явления. Анализ проведен на материале текстов Пауля Целана, одного из самых известных немецкоязычных поэтов-философов послевоенной Европы. Тексты П. Целана герметичны — их чтение требует подготовки и специального толкования, в частности поэзию Целана комментировали М. Бланшо, Г. Гадамер, Ж. Деррида, Э. Левинас, М. Хайдеггер, Э. Чоран и другие философы, филологи, культурологи. Многие исследователи отмечали сложность и многогранность метаязыковых описаний в поэзии Целана. Его язык «хотя на первый взгляд немецкий, — иностранный язык, даже для его носителей... предполагает сложное двойное движение... любви к своему родному языку и борьбы против убийц матери — создателей и носителей того же наречия» [22, р. 184]. Этот материал сложен и расширением парадигмы лингвистических средств отображения концепта: Целан использует словообразовательный потенциал немецкого языка, позволяющий формировать многоосновные лексические единицы, обладающие мотивированностью, выводимой из значений ее компонентов. Кроме того, сыграла свою роль полилингвальность поэта (румынский, иврит, французский, русский и т. д.). Тем не менее, несмотря на неизменный научный интерес к творчеству П. Целана, ранее не был представлен когнитивно-дискурсивный анализ, в ходе которого был бы сформирован целостный образ языка в интерпретации поэта. Важно отметить, что в пространстве авторского интертекста содержится множество метаязыковых высказываний, которые, будучи точно рассу-

паны в эссе и поэзии, связываются друг с другом и актуализируют единое интерпретационное поле концепта «язык». Необходимо определить взаимоотношения между этими смысловыми пучками, указав, какие факторы объединяют их.

Методологические предпосылки: когнитивно-дискурсивный анализ концепта «язык»

Методологической основой для статьи послужили работы исследователей как обыденного языкового сознания, так и метаязыка лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Е.Е. Бразговская, Б.М. Гаспаров, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.), объектом которых является метаязыковая рефлексия. Отметим, что, проводя концептуальный анализ в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы отталкиваемся от его цели, состоящей в поиске «того, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как когнитивного образования» [6, с. 85]. Важно последовательно описать не только дифференциальные смыслы, составляющие содержание концепта и проявляющиеся в тексте, но также способы их языковой репрезентации. Такого рода анализ нацелен на «выявление “глубинной” концептуальной структуры, определяющей употребление единицы», которая «коррелирует с внешней, собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от нее» [2, с. 144].

Концепт имеет полевою, ядерно-периферийную структуру, где ближе всего к ядру находятся элементы с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, а на периферии — более абстрактные признаки. Стоит заметить, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности», а лишь указывает «на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [8, с. 16]. В работе нас наиболее интересуют именно периферийные когнитивные слои, которые представляют индивидуальные интерпретации объекта размышлений, вытекающие из особенностей ментальности и культурного опыта личности, то есть «интерпретационное поле концепта» [8]. Они заслуживают особого внимания, поскольку отражают развитие концепта, формируют его отношения с другими элементами концептосферы. Как отмечал Ю.С. Степанов, в содержание концепта входит «все, что принадлежит строению понятия», а также все то, «что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки» [10, с. 43].

Базовые концепты могут описываться «на основе анализа дефиниции лексической единицы, представленной в словаре», с учетом ее контекстуального употребления [2, с. 145]. Вербализованное пространство концепта «язык» — одно из самых обширных, ибо он «обладает достаточной номинативной (семантической) плотностью», а также «высокой

степенью номинативной диффузности — большим количеством вторичных значений имени концепта» [1, с. 334]. Именно поэтому исследование концептуализации понятия «язык» может с разных точек зрения показать, как именно реализуются познавательные механизмы мышления, какие алгоритмы отображения мира могут быть задействованы человеком. Отталкиваясь от универсального предметного кода, человек объединяет готовые ментальные единицы (базовые концепты) в целые концептуальные картины (сложные многомерные конструкты). В рамках когнитивно-дискурсивного метода (Е. С. Кубрякова) при помощи различных видов анализа (семантический, концептуальный, интерпретационный) стало возможным выявить основные способы (схемы) авторской концептуализации понятия «язык» в дискурсе метаязыковой поэзии.

Как показало исследование, алгоритм отображения сложных ментальных объектов в поэтическом дискурсе включает в себя несколько процессов. Прежде всего это номинация и предикация референта. Предикация предполагает вписывание объекта в систему восприятия человеком реальности с точки зрения основных модальностей: аудиальной, визуальной или кинестетической. Кроме того, необходимо выявить индивидуально-стилистические техники репрезентации, в частности онтологические когнитивные (концептуальные) метафоры [21]. Онтологическая когнитивная метафора позволяет категоризовать понятие, определив его в терминах другого явления, более наглядного и легко воспринимаемого. Установив связь между знаком и его референтом, определив характер номинации, следует обратить внимание на контекстуализацию слова, позволяющую интерпретировать смыслы. Это «не только включение знака в сферу определенной ситуации, но и восприятие его в контексте грамматических, семантических и синтаксических правил используемой для описания объекта языковой системы» [3, с. 159].

Алгоритм отображения концепта: индивидуально-авторские техники визуализации

Рассмотрим, как именно используются когнитивные техники в текстах стихотворений Пауля Целана. Наиболее интересными с точки зрения метаязыкового описания являются стихотворения «Sprachgitter» из одноименного сборника [17, S. 167], «Unter der Flut» [16, S. 89], «Lichtenbergszwölf» [13, S. 87], «Und mit dem Buch aus Tarussa» [18]. Непосредственным предметом анализа послужила группа, включающая лексические единицы, связанные с семантическим полем концепта «язык». Как было сказано выше, П. Целан расширяет парадигму знаков с языковой семантикой, используя авторские неологизмы. Все они имеют элемент *Sprach* 'язык, речь': *Sprachwaage* — *языковые весы*, *Sprachtürme* — *языковые башни*, *Sprachnebel* — *языковой туман*, *Sprachgitter* — *языковая решетка, решетка речи*. По данным исследований, количество таких лексических единиц в текстах П. Целана составляет 46 [23]. Частотность говорит об особом значении концепта как текстопорож-

дающей доминанты его творчества. Отметим, что при наличии вариативных возможностей подбора знаков в семиотическую систему языковой личности (поэта) с достаточной повторяемостью включаются именно важные для него способы отображения мира.

Номинация референта — начальный этап его актуализации в тексте. В данном случае, хотя речь идет о прямой (первичной) номинации, тем не менее сама специфика словообразовательного потенциала немецкого языка позволяет нам получить визуально-образное представление об объекте. Он определяется не через конвенциональный знак, а через стилистически окрашенный неологизм, основанный на языковой игре. Это скорее номинация-дескрипция, содержащая отсылки к качествам референта. В немецком языке чаще всего один элемент сложного слова выступает определением к другому, поясняя его отличительные особенности. Например, слово *Sprachgitter* состоит из двух компонентов: *sprach* — прошедшее время от *sprechen* 'говорить' (при этом существительное *Sprache* можно трактовать и как язык, и как речь) и компонента *Gitter* 'решетка, сетка, ограда', то есть в целом некое препятствие. Известно, что в июне 1957 г. Пауль Целан получил открытку от издателя Гюнтера Неске, на которой была изображена переговорная решетка бывшего монастыря Св. Клариссы в Пфуллингене. В раннеготический период она служила единственной точкой соприкосновения монахинь с внешним миром: разговаривать с людьми за пределами монастыря они могли только через промежутки между железными балками, перекрывающими отверстие в стене [19]. А. Нестеров предполагает, что неологизм созвучен «общеупотребимому "*Sprechgitter*" — "переговорная решетка", решетка, что на свидании в тюрьме отделяет преступника от тех, кто пришел его навестить» [7]. Таким образом, можно говорить об аналогическом словообразовании, когда производное слово формируется на основе существующего лексического образца. Автор опирается на готовое внутреннее содержание производящей основы, которое используется в новой номинации, реконструируется схема его строения с повторением одного из компонентов. Подобный способ позволяет облегчить вхождение слова в существующее семантическое поле концепта.

Подобная номинация обнаруживает в понятии «язык» новые атрибуты. В частности, В. Видген выделяет несколько вариантов прочтения знака *Sprachgitter*: решетка / сетка — это язык или наоборот; решетка / сетка означает конец / начало языка; решетка / сетка захватывает / поглощает / уничтожает язык; решетка / сетка создает / генерирует язык (подобно кристаллической решетке); решетка / сетка передает / фильтрует язык; решетка / сетка инструментально воздействует на язык (отсекая его элементы или связывая их воедино) [23]. Возникает вопрос: на основании чего производится отбор характеристик объекта? Здесь можно обратиться к анализу инвариантного кода смыслопорождения у языковой личности, определяемого жизненным и культурным опытом. Переживший трагедию Холокоста и изгнание, Целан отмечал: «Я стою на другой пространственной и временной плоскости, чем мой чита-

тель. Он может понять меня только отдаленно, ему никак не удастся меня ухватить, он все время хватается только за прутья разделяющей нас решетки... Ни один человек не может быть "как" другой; и потому, вероятно, он должен изучать другого, пусть даже через решетку...» [7]. В целом знак Sprachgitter относится к образному компоненту концептуальной структуры понятия «язык», содержащему онтологические когнитивные метафоры: язык одновременно и связующее коммуникативное звено, и способ защититься от «чужого», элемент самоидентификации. Решетка не скрывает другого, а позволяет разглядеть его — понять, в то же время отделив от себя: «Был бы я как ты, был бы ты как я. Разве не стоим мы под одним пассатом? Мы чужие» [17, S. 167].

Приведем еще ряд примеров, когда автор наделяет язык атрибутами, соответствующими воспринимаемой им реальности: пространственными координатами, формой, способностью двигаться, личными качествами и др. Язык сияет, как луч, и легок, как ветер («Strahlenwind deiner Sprache») [14, p. 94]. Он богат, но потерян и отравлен («Reichtümer an verloren-vergällter Sprache») [14, p. 124]. Человека можно одним жестом изъять из языкового пространства: «was auch dich aus der Sprache fortnahm mit einer Geste...» [14, p. 120]. Чужаки могут играть в кости тем, что у поэта и его собеседника осталось от родного языка: «da würfelten... Fremde mit dem, was wir beide noch immer besitzen an Sprache» [14, p. 160]. Язык — спутник в странствиях, из него пекут пустынный хлеб: «Wir hier, wir, überfahrtsfroh, vor dem Zelt, wo du Wüstenbrot bukst aus midgewanderten Sprache» [14, p. 205]. Он среди звезд, наравне с землей, обедневший, открытый, родной: «Sprache, Sprache. Mit-Stern. Neben-Erde. Ärmer. Offen. Heimatlich» [15, S. 153]. Отметим, что многие свойства языка нельзя увидеть, они не верифицируемы. Дейктические категории пространства и времени остаются противоречивыми и неясными. Судя по характеру предикации, семантическое поле концепта «язык» тесно взаимосвязано с понятиями «отчуждение», «родина», «уничтожение», «пустота».

Базовые (простые) концепты могут иметь языковое отображение или полностью оставаться в пространстве мышления. В случае же их объединения «в пучки или концептуальные комплексы вероятность того, что в языке для них найдется точный коррелят, еще более уменьшается» [8, с. 14]. Особенно это касается содержания умозрительных, многокомпонентных или индивидуально-авторских концептов. Готовый знак не всегда способен отображать абсолютно все дефиниционные признаки. Именно для восполнения языковой лакуны и более точной языковой объективации мыслительного образа автор прибегает к формированию нового слова, выдвигающего на первый план ту или иную грань концепта. Например, знак Sprachnebel (*языковой туман, туман речи*) актуализирует такое свойство языка, как неспособность адекватно отобразить реальность и внутренний мир человека. Возможна лишь попытка преодолеть непрозрачность обыденных слов с помощью «смотровых туннелей, выдуваемых в тумане языка» («Sichttunnels in den Sprachnebel geblasen») [16, S. 89]. Как отмечает О. А. Седакова, «поэзия,

таким образом, если и служит языку, то именно тем, что ему сопротивляется, пытаясь именовать то, чего язык назвать не смог и, вероятно, не может — именно потому, что одним словарным словом это не именуется» [9].

Знак Sprachwaage (*языковые весы*) визуализирует такие свойства языка, как упорядоченность, саморегуляция и равновесие. Он состоит из двух элементов: Sprache 'язык, речь' и Waage 'весы, баланс'. В контексте стихотворения концепт «язык» тесно связан с концептами «изгнание» и «родина» — Sprachwaage, Wortwaage, Heimatwaage Exile (изгнание из баланса языка, слов, родины) [18]. Данная номинация представляет собой образно-дескриптивное отображение. Концептуальная метафора актуализирует язык как механизм, удерживающий личность в гармонии, основанной на чувстве принадлежности к социально-культурной общности.

Инструментом репрезентации концепта «язык» в стихотворениях Пауля Целана может служить отсылка к другим сложным семиотическим объектам. В частности, в номинации Sprachtürme (*башни языка / речи*) усматриваются интертекстуальные взаимодействия, построенные как символические. Вспоминается библейский образ Вавилонской башни, огромного сооружения, устремлявшегося в небо, актуализирующий мотив распада единого праязыка на множество наречий. Интертекстовые культурные референции говорят об интерпретациях и расщеплениях в языке, расслоении его структуры и способности к умножению смыслов. П. Целан пишет: «Ein Planetengruss an die Sprachtürme rings in der totzuschweigenden Zeichen-Zone» — «Планетарное приветствие языковым башням раздаётся в смертельном молчании зоны знаков» [13, S. 87]. «Планетарное приветствие» может быть обращено к текстам литературы и философии, называемым «языковыми башнями», а место, где они расположены, «зона знаков» — сам немецкий язык, молчаний о произошедшей трагедии. Механизмы концептуализации понятия «язык» обусловлены индивидуальным кодом смыслопорождения. Отмечается, что первоначально П. Целан дал стихотворению название «Воспоминание (о Г.)» («Erinnerung (an D.)», где под D подразумевается Deutschland — Германия), но затем решил полностью его опустить [12]. Человеческое сознание способно воспринимать и обрабатывать не только фрагменты актуальной реальности и личного прошлого опыта, но и пространства возможных миров, включенных в поле интертекста.

Выводы: образ языка в поэзии П. Целана и дальнейшие перспективы исследования

Попробуем подвести итоги и ответить на вопрос, поставленный нами во введении к статье: какой степени «полноты» можно достичь в процессе визуализации концепта «язык» средствами метаязыковой поэзии и, следовательно, какой образ языка мы получаем в авторской картине мира. Учитывая преобладание прямой номинации, основанной

на иносказательном метафорическом отображении, неопределенный и субъективный характер предикации, а также плотную интертекстуальность, можно сделать вывод о способе репрезентации концепта «язык» в дискурсе П. Целана. Невозможность в силу исторических и личных причин писать на родном немецком языке потребовала изобрести индивидуальный язык скорби по нему. П. Целан отмечал: «...какими бы живыми ни были языковые традиции, в силу самых зловещих событий в его памяти... [немецкая поэзия] больше не может говорить на языке, которого, кажется, от нее ожидают. Ее язык стал более трезвым, более фактическим. Он не доверяет “красоте”. Он пытается быть правдивым... это “более серый” язык, язык, который хочет найти свою музыкальность в “неблагозвучии”» [22, р. 182]. Как отмечает Б. Канташ, «человеческий язык для Целана не более чем метафорический шквал, хаотичная среда... язык нашей повседневной жизни неадекватное средство для передачи однозначной информации» [20, р. 4]. Однако попытка «определить язык через язык» делает описание в большей степени самореперентным. Говорящий остается в пространстве схематичных образов.

Кроме того, по наблюдениям исследователей, среди дефиниционных признаков концепта язык «этничность» представлена с наибольшей частотой [1, с. 336]. Действительно, в текстах П. Целана тоже актуализировано это свойство языка. Однако родина для поэта — не географическое пространство, а скорее культурный ландшафт, «местность, где жили книги и люди» [11, р. 548]. Особый взгляд на признак этничности можно объяснить наличием у поэта специфического представления о доме как о месте, куда он стремится вернуться: «Их родина — в мыслях о том, кто они, какие они, как они изгнаны» — «Im Gedanken, dass und was und wie sie vertrieben wurden, ist die eigentliche Heimat» [11, р. 546]. Испытывая отчужденность от языка (образ *языковой решетки*), П. Целан тем не менее осознает, что сама языковая личность — единственное мерило добра и зла, которое осталось у него после трагедии Холокоста (*языковые весы*). Говоря на языке своих текстов, он ощущает себя причастным к кругу единомышленников (*языковые башни* как тексты культуры).

Таким образом, исследуя номинативные процессы в тексте в рамках когнитивно-дискурсивного метода, мы получаем ключ к пониманию концепта как единицы мышления. Метод не только позволяет опираться на прямую языковую объективацию явлений реального мира, но и берет в расчет имплицитные смыслы, содержащиеся в глубине текстов и не имеющие словесного выражения. В поэтическом дискурсе П. Целана концепт «язык» актуализируется в различных онтологических плоскостях: как семиотическое, культурно-социальное и философское явление.

Суммируем факторы, повлиявшие на формирование интерпретационного поля концепта «язык». Во-первых, это интеллектуальный и чувственный опыт поэта, находившегося в эпицентре трагических событий истории. Также немаловажное значение имеет предметная (поэ-

тическая) деятельность П. Целана, в частности отказ пользоваться имеющимися языковыми средствами для репрезентации кардинально изменившегося мира. Создание новых слов, актуализирующих кванты знания об окружающей действительности, дает возможность закодировать новые смыслы, которыми прирастает концептуальное поле. Это также позволяет говорить о возможности возникновения новых концептов на основе уже существующих.

Список литературы

1. *Антология концептов* : в 2 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1.
2. *Белявская Е.Г.* Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 554. С. 140–146.
3. *Бразговская Е.Е.* Референция и отображение: (от философии языка к философии текста) : монография. Пермь, 2006.
4. *Бразговская Е.Е.* Язык как персонаж: художественная философия языка Чеслава Милоша // *Филолог* : [интернет-журнал]. 2009. Вып. 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_10 (дата обращения: 17.11.2020).
5. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
6. *Кубрякова Е.С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991. С. 85–91.
7. *Нестеров А.В.* Мосты Пауля Целана // *Омилия*: междунар. лит. клуб : [сайт]. URL: <https://omiliya.org/article/mosty-paulya-tselana-anton-nesterov.html> (дата обращения: 17.11.2020).
8. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // *Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии* : монография. Воронеж, 2002. С. 6–25.
9. *Седакова О.А.* О слове. Звук и смысл // *Ольга Седакова* : [персональный сайт]. URL: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/1081/search> (дата обращения: 17.11.2020).
10. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
11. *Wojanik P.* Paul Celan. On the Impossibility of Testimony: «Ort Meiner Eigenen Herkunft» // *Philosophy and Society*. 2018. Vol. 29, № 4. P. 471–646.
12. *Achenbach B.* Prosa zu Paul Celans Lichtenberg-Gedicht // *Lichtenberg-Jahrbuch*. 2007. S. 170–176. URL: <https://tuprints.ulb.tu-darmstadt.de/3230/13/Sammelmappe13.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).
13. *Celan P.* Atemwende. Berlin, 1967.
14. *Celan P.* Breathturn. Los Angeles, 1995.
15. *Celan P., Wiedemann B.* Die Gedichte: kommentierte Gesamtausgabe in einem Band. Berlin, 2003.
16. *Celan P.* Lichtzwang. Berlin, 1970.
17. *Celan P.* Gesammelte Werke : in 5 Bdn. Berlin, 1983. Bd. 1.
18. *Celan P.* Und mit dem Buch aus Tarussa // *Lyric-Line* : [сайт]. URL: <https://www.lyrikline.org/de/gedichte/und-mit-dem-buch-aus-tarussa-163> (дата обращения: 17.11.2020).
19. *Gunther M.* Interpretation: Sprachgitter // *Zivilschein*. URL: <https://zivilschein.wordpress.com/2014/09/15/interpretation-sprachgitter> (дата обращения: 17.11.2020).

20. *Kantas B.* The Illusion of Immediacy. Medial Aspects of Paul Celan's Poetry. URL: <http://real.mtak.hu/30660/> (дата обращения: 17.11.2020).

21. *Lakoff G.* The contemporary Theory of Metaphor / Metaphor and Thought. 2nd ed. Cambridge, 1993.

22. *Perloff M.* «Sound Scraps, Vision Scraps»: Paul Celan's Poetic Practice // Reading for Form / eds. S.J. Wolfson, M. Brown. Seattle, 2006. P. 177 – 202.

23. *Widgen W.* Enigmatic meaning construction in Paul Celan's poetry and some evolutionary and cognitive outlooks. URL: <http://www.fb10.unibremen.de/homepages/wildgen/pdf/EnigmaticmeaningconstructioninPaulCelanpoetry.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).

Об авторе

Юлия Сергеевна Холманских – канд. филол. наук, доц., Уральский государственный университет путей сообщения, Россия.

E-mail: lacraucity@yandex.ru

The author

Dr Yulia S. Kholmanskikh, Associate Professor, Ural State University of Railway Transport, Russia.

E-mail: lacraucity@yandex.ru

Е. А. Еремина

**«ОЧЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ» ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ:
ВОСПРИЯТИЕ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ
СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА
В СОСТАВЕ КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ**

83

Иностранцы, изучающие русский язык, испытывают большие трудности при восприятии художественной речи, обусловленные тем, что такая речь насыщена словесными образами. Еще большие трудности возникают у иностранцев, когда они сталкиваются со словесными образами в составе крылатых выражений. Данная статья освещает экспериментальный этап исследования, посвященного выявлению специфики обучения иностранцев восприятию словесных образов в составе крылатых выражений. Приведены результаты опроса, целью которого стало выявление степени трудности различных семантических компонентов словесного образа в составе крылатого выражения «очей очарованье» (А. С. Пушкин. «Осень») для восприятия иностранными студентами. Экспериментальные данные анализируются с семантической и лингводидактической точек зрения. Установлено, что наибольшее количество трудностей у иностранцев вызывают семантические компоненты двух уровней: 1) словесного образа как такового и 2) специфические характеристики precedentного текста. Особое внимание в обучении следует уделять функционированию словесного образа в качестве крылатого выражения в современной речи носителей русского языка. В качестве итога исследования сформулированы методические рекомендации преподавателям русского языка как иностранного, намечены пути работы со словесными образами, получившими статус precedentных.

Those foreigners who study the Russian language, experience great difficulties in the perception of literary speech. These difficulties are brought about by the verbal images which saturate the literary speech. Even greater difficulties arise when foreigners encounter verbal images as part of catchwords. The paper describes the experimental stage of the research focused on identifying the specifics of teaching foreigners to perceive verbal images as part of famous catch phrases. The article presents results of the survey, the purpose of which was to identify degree of difficulty of various semantic components of the verbal image in the catch phrase 'Enchantment for the eyes' (from poem 'Autumn' by Alexander Pushkin) for foreign students. The experimental data is analyzed from a semantic and linguo-didactic points of view. It is concluded that the greatest number of difficulties for foreigners is caused by semantic components of two levels: 1) the verbal image as such and 2) the specific characteristics of the precedent text. Particular attention in teaching is to be paid to functioning of the verbal image as a catchword in the modern speech of Russian language native speakers. As a result of the research, methodological

recommendations for teachers of Russian as a foreign language are given, ways of working with verbal images that received the status of precedent text are outlined.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, иноязычное образование, межкультурная коммуникация, тексты художественной литературы, словесный образ, крылатые выражения

Keywords: teaching Russian as a foreign language, language education, intercultural communication, Russian literature texts, verbal images, catch phrases

Введение

Словесный образ – признак художественности речи. В той или иной степени словесные образы присутствуют в различных сферах коммуникации и появляются тогда, когда возникает потребность в эстетическом и эмоциональном взаимодействии с собеседником: от художественной литературы (общение автора с читателями) до разговорной речи (свободное, неформальное общение).

Особенность семантики словесных образов заключается в их двуплановости. Согласно теории поэтических образов Н. В. Павлович [16], в словесном образе сопоставляются как минимум два плана: элемент 'X' (то, что сопоставляется) и элемент 'Y' (то, с чем сопоставляется). Например, в выражении *очей очарованье* (об осени) можно выделить элемент 'X' (то, что сопоставляется) *осень, который вербально не эксплицитирован, и элемент 'Y' (то, с чем сопоставляется) *очарованье*.

Понимание словесных образов вызывает у иностранных учащихся большие трудности, что не только подтверждено опытом преподавания, но и установлено экспериментально [8]. Поэтому при обучении межкультурному общению на русском языке необходимо специально уделять внимание развитию навыков и умений восприятия словесных образов в речи носителей языка.

Особое место среди словесных образов занимают такие, которые функционируют в составе крылатых выражений. Крылатые выражения относятся к лингвострановедческому пласту учебного материала на занятиях по русскому языку как иностранному; они знакомят иностранцев с ценностями русской культуры, с менталитетом народа, готовят студентов к участию в реальном общении с носителями русской культуры. В языкознании и лингводидактике подчеркивают следующие характерные особенности крылатых выражений: 1) широкую распространенность, общеупотребительность, 2) устойчивый характер, 3) образность, 4) наличие источника [4; 6; 10].

Большой удельный вес крылатых выражений в русском языке приходится на те из них, источниками которых являются литературные произведения, например: «Но наше северное лето, // Карикатура южных зим» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»). При этом наиболее рас-

пространены крылатые выражения из произведений А. С. Пушкина. Об этом можно судить по появлению, во-первых, особого термина «пушкинизм», означающего данное языковое явление, во-вторых, специальных словарей крылатых выражений Пушкина [13; 14; 20], в-третьих, специальных лингвистических исследований как самих единиц [15], так и способов их лексикографического описания [21].

В связи с этим целесообразным представляется обучать иностранцев стратегиям восприятия словесных образов в составе крылатых выражений, активно обращаясь к материалу пушкинизмов. Для эффективности такого обучения необходимо предварительно провести лингводидактический анализ словесных образов в составе крылатых выражений, выявить исходный уровень восприятия иностранцами данных языковых единиц и на основе полученных результатов разработать систему заданий для иностранных учащихся. Лингводидактический и семантический анализ пушкинизма «очей очарованье» представлен в публикации [7]. Настоящая статья посвящена выявлению уровня восприятия иностранцами компонентов словесного образа и, на основе полученных экспериментальных данных, формулированию методических рекомендаций. В дальнейшем планируется разработка конкретных учебных материалов с использованием результатов проведенного исследования.

Описание эксперимента, анализ результатов

Цель исследования, отраженного в настоящей статье, — выявить степень трудности основных семантических компонентов словесных образов в составе крылатых выражений для восприятия иностранцами, установить, на какие компоненты необходимо обращать особое внимание в практике обучения русскому языку как иностранному. Материалом исследования послужил словесный образ в составе крылатого выражения «очей очарованье» из стихотворения А. С. Пушкина «Осень». В эксперименте приняли участие 27 иностранных студентов 3-го курса бакалавриата факультета русского языка как иностранного РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), приехавшие на учебу из Китая, Южной Кореи, Вьетнама, Кипра и Турции.

Испытуемые читали на русском языке отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Осень»:

Унылая пора! *Очей очарованье!*
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

В целях соблюдения условий эксперимента название стихотворения не указывалось. Респонденты письменно в свободной форме объясняли свое понимание выделенного в тексте выражения «очей очарованье».

На предварительном этапе исследования — стадии выявления семантических компонентов [7] — словесный образ в составе крылатого выражения «очей очарованье» был проанализирован на трех уровнях: 1) как собственно словесный образ, 2) как часть системы словесных образов одного текста, 3) как крылатое выражение. Соответственно, были выделены три группы семантических компонентов данной языковой единицы. Описываемый в настоящей статье эксперимент был направлен на то, чтобы выяснить, какие компоненты и в какой степени понимают или не понимают иностранные студенты в условиях неподготовленного восприятия. Результаты исследования представим, придерживаясь описанной ранее классификации.

Семантические компоненты собственно словесного образа

Элемент 'X'.

Элемент 'X' (то, что сопоставляется) в словесном образе «очей очарованье» совпадает с ядерной семой крылатого выражения — «осень». Эта сема настолько яркая в современном значении крылатого выражения, что может вытеснять другие, становясь единственной, ср. дефиниции: «определение осени» [17]; «об осени вообще...» [5]. Следовательно, понимание этого элемента словесного образа и компонента значения крылатого выражения крайне важно для восприятия всего словесного образа, стихотворения в целом и крылатого выражения, функционирующего в современной речи носителей языка.

Однако элемент 'X' в рассматриваемом словесном образе лексически не выражен. Реципиент (читатель) понимает, что речь идет об осени, благодаря названию текста. Участникам эксперимента заголовок умышленно не предъявлялся, и для того чтобы понять, о чем идет речь, им нужно было использовать другую стратегию — опору на контекст (о стратегиях см.: [11, с. 92–93; 12, с. 90–113]). В строфе, предложенной испытуемым, есть описания осеннего пейзажа, с использованием слов в прямом значении («И редкий солнца луч, и первые морозы») и словесных образов («В багрец и в золото одетые леса», «И отдаленные седой зимы угрозы»).

В ходе эксперимента выяснилось, что только 27 % испытуемых смогли определить, что речь здесь идет об осени. Проверка уровня значимости по одновыборочному t-критерию показала, что это количество ниже нижнего порога, то есть не значимо и находится в пределах варьирования случайности. Следовательно, незначительное количество иностранцев смогло установить, что именно описывается в тексте, и, напротив, значимое число студентов (позволяющее судить о закономерности, а не о случайности ответов) не поняли, какое явление описывается с помощью выражения «очей очарованье». При этом 7 % студентов ошибочно посчитали, что речь идет о красивой девушке («Какая красивая девушка!» — ответили они).

Почти половина иностранцев — 46 % от общего числа респондентов, — опираясь на лексику «очи», предположили, что в этих строках описываются глаза («прекрасные глаза», «глаза, полные красоты»). По-видимому, они ошибочно посчитали, что в словосочетании вербализованы оба элемента, и приняли «очи» за элемент 'X'. Возможно также, что здесь нашла отражение трудность различения субъекта и объекта (вместо «осень очаровывает очи» — «*очи очаровывают»), обусловленная и внутриязыковыми особенностями. В русском языке чаще употребляется выражение «очарование чего-л.», где слово в форме родительного падеже обозначает реальный субъект действия, например *очарование любви, красоты* [19]. С этим связано и современное переосмысление крылатого выражения, ср. заголовок интернет-публикации: «Очей очарованье: завершился Чемпионат по наращиванию ресниц и моделированию бровей» [31].

Кроме того, 11 % иностранцев ошибочно интерпретировали слово «очи» как «очень» (по созвучию) и посчитали, что здесь речь идет о чем-то «очень очаровательном».

Поскольку, как показал эксперимент, большинство иностранцев испытывают трудности в определении элемента 'X' (того, что сопоставляется), то в ходе аудиторной работы над стихотворением «Осень» или строфой из него необходимо использовать специальные приемы, направленные на то, чтобы помочь учащимся осознать этот элемент.

Элемент 'Y'.

Элемент 'Y' (то, с чем сопоставляется) выражен инверсивным словосочетанием *очей очарованье*. В учебных целях его значение можно сформулировать как «волшебное воздействие на смотрящего» (первое значение слова *очарование* — «колдовство, волшебство» [19]).

Обе лексические единицы — и *очи*, и *очарование* — имеют в словарях пометы «устаревшее», «поэтическое», выходят за рамки обиходно-бытового языка, не включены в лексический минимум для первого или второго уровня (общее владение) [2; 3]. С другой же стороны, те иностранцы, которым знакомо слово *очарование*, скорее всего, встречали его не в значении «колдовство, волшебство», а в значении «о ком-, чем-либо пленительном, очаровательном» [19] — более распространенном в современной речи. По-видимому, этим обусловлен тот факт, что в ходе эксперимента лишь 4 % в своих ответах упомянули основное значение слова *очаровывать* и смогли определить его роль в словесном образе. Это количество не входит в зону значимости; следовательно, значимое (в данном случае подавляющее) большинство иностранцев не смогли определить элемент 'Y' словесного образа *очей очарованье*.

На основе сказанного можно сделать методический вывод о том, что в ходе чтения стихотворения А. С. Пушкина на уроке РКИ необходимо познакомить учащихся как с современным, так и с устаревшим значениями слова *очарование*, провести словообразовательный анализ слова, рассмотреть однокоренные слова *чары, очаровать, очарованный*. На этапе анализа словесных образов следует обратить внимание на то, что здесь *очарованье* играет роль элемента 'Y', а именно образно обозначает действие, выполняемое элементом 'X' — осенью.

Основоположник теории поэтических образов Н. В. Павлович предлагает представлять *парадигму образа* следующей формулой:

$$'X \rightarrow Y',$$

где 'X' — то, что сопоставляется, 'Y' — то, с чем сопоставляется, символ \rightarrow означает направление образного сопоставления. Конкретизируя малые и большие парадигмы, в которые входит словесный образ *очей очарованье*, представим его в следующем виде:

'Время года: Осень \rightarrow Действие: волшебное действие: очаровывает'.

88

Отметим, что в ходе эксперимента было выявлено большое количество ошибок, связанных с определением элементов 'X' и 'Y', но не установлением направления образного переноса. Как упоминалось выше, почти половина респондентов ошибочно приняли «очи» ('Y') за элемент 'X'. Однако, поскольку второй элемент был ими не установлен или установлен некорректно, этот тип ошибки нельзя считать ошибкой в определении направления образного сопоставления. Уточним, что в ходе экспериментальных исследований по восприятию иностранцами других словесных образов ошибки подобного рода также встречались [8].

Из больших «понятий» (элементов больших парадигм) в ответах испытуемых отразились «время» («красивая пора!») — 4% и «волшебство» («волшебные глаза») — 4%. Эти ответы не считаем правильными, поскольку в них неполно (в первом случае) или ошибочно (во втором) определен элемент 'X'. Также их число нельзя считать значимым из-за низкой частотности.

Поскольку, как показал эксперимент, определение собственно направления образного сопоставления не вызывает у иностранцев значительных трудностей, обучение этому навыку (определению направления образного сопоставления) можно совместить с обучением установлению элементов образа (см. выше).

Другие компоненты словесного образа

Для понимания словесного образа *очей очарованье* также важно установить объект «волшебного воздействия» осени — это человек, любующийся осенним пейзажем. Второй важный элемент — воздействие через зрение, *очи*.

Сема «человек» (объект волшебного действия осени) в различном лексическом воплощении («девушка», «я», «мой», «Пушкин») нашла отражение в 19% ответов иностранных студентов, что, однако, не составляет значимого числа и находится в зоне колебания случайности.

Сема «вид» (действие на объект через зрительное восприятие) отмечена в 69% ответов студентов, при этом важно, что почти во всех этих ответах она вербализована через слова *красота, красивый*. Оценка с помощью одновыборочного t-критерия показывает высокий уровень значимости такого количества ответов. Понять эту сему словесного образа оказалось нетрудной задачей для иностранцев.

При работе в аудитории с текстом отрывка стихотворения А. С. Пушкина «Осень» (строфа VII) преподавателю следует обратить внимание учащихся на то, что в описываемом пейзаже есть «невидимый участник» — наблюдатель, на которого воздействует осень. Как было отмечено выше, осень прямо не вербализована в тексте строфы, но и наблюдатель, восхищающийся осенней природой, также непосредственно не упомянут. Таким образом, пейзаж на самом деле — видимая часть ситуации, в которой субъект (осень) и объект (наблюдатель) замаскированы, а на первый план вынесено действие и инструмент этого действия — картины преобразования природы.

Контекстуальные компоненты словесного образа как части системы словесных образов одного текста

89

В контекстуальном плане важно, что словесный образ *очей очарованье* гармонирует с образами парадигмы 'Осень → Нечто положительное' и противостоит образам парадигмы 'Осень → Нечто отрицательное'.

Испытуемые, понявшие, что осень в данном отрывке описывается с положительной оценкой, использовали в своих ответах слова «красивый», «красота», «прекрасный», «восхитительный», «привлекательный». Таких ответов подавляющее число — 67 %. Иностранцы в большинстве своем поняли выражение *очей очарованье* как «нечто красивое на вид». Представляется, что этому способствовали два фактора. Первый фактор — контекст: словесный образ *очей очарованье* в тексте строфы связан с образами *прощальная краса (осени)*, *пышное природы увяданье*, соседствует со словами *приятна, люблю*. Второй фактор — системные связи слова *очарованье*: однокоренное слово *очаровательный* в современном русском языке имеет такие синонимы, как *прелестный, обаятельный, неотразимый* [1].

Понимание словесного образа *очей очарованье* как части системы образов текста, как показал эксперимент, не вызывает у иностранцев особых трудностей, поэтому задания на установление контекстных связей образов могут выполняться учащимися самостоятельно — в индивидуальной, парной или групповой форме работы.

Семантические компоненты крылатого выражения

Анализ современных текстов, включающих крылатое выражение *очей очарованье*, позволил выявить семантические компоненты, с опорой на которые происходит переосмысление словесного образа в процессе языковой игры [7]. Понимание этих компонентов также необходимо иностранцу, стремящемуся к успешной коммуникации с современными носителями русского языка и культуры. Сопоставим, какие из компонентов, актуальных для языковой игры, и в каком объеме были поняты иностранцами испытуемыми при восприятии строфы А. С. Пушкина.

«Осень». «Время года». «Природа».

Архисема «осень» актуализируется в большинстве контекстов, в которых используется крылатое выражение. Время года, «пора» в современной русской речи обыгрывается в заголовках статей, рассказывающих об осенней коллекции макияжа [33], показе дизайнерской одежды [28], музыкальном концерте [26], осеннем отдыхе [37]. Виды осенней природы описываются с помощью крылатого выражения Пушкина в названиях серии фотографий [22], конкурса пленэрных работ [25], выставки пейзажей художника [29], в рассказе о фотоконкурсе [35].

Как было отмечено выше, незначительное число иностранцев упомянули в своих ответах, что в стихотворении описывается именно осень. Добавим, что сема «время года» встретилась всего в 4 % ответов, а «природа» – в 8 %.

Интересно, что и для носителя языка, незнакомого со стихотворением А.С. Пушкина, сема «осень» также неочевидна. Так, один из школьников на вопрос «Что такое 'очей очарованье'?» ответил: «Очарованье – это, наверное, от слова «чары» – колдовство. При чем тут осень? Это же слово из мультфильмов» [27].

«Очи, глаза».

В современной речи нередко в центре внимания оказывается именно сема «очи, глаза»: например, в статьях, посвященных макияжу и косметологии [30], в названии студии наращивания ресниц [34].

Если в речи носителей языка выражение *очей очарованье* используется сознательно, нарочито в языковой игре с переносом значения «очи человека очарованы осенью» – «очаровательные (обаятельные) очи человека», то в восприятии иностранных студентов выдвигание на первый план компонента «глаза» ведет к ошибочному пониманию всего выражения. Почти половина иностранцев приняли выражение *очей очарованье* за описание глаз: «красивые глаза», «прекрасные глаза», «грустные глаза», «мои глаза, полные красоты» и т.д. Эта ошибка составляет 46 % от всех ответов и является статистически значимой, из чего следует, что многие иностранцы могут понять *очей очарованье* так же ошибочно, как и испытуемые. Вспомним, что компонент 'X' в данном словесном образе вербально не выражен, поэтому первая лексема и воспринимается как элемент 'X' (то, что сопоставляется). Поскольку эта ошибка является частой, статистически значимой, на занятии по РКИ необходимо ее предупреждать.

«Красота».

Сема «красота» в современном употреблении иногда вытесняет другие компоненты («осень», «природа»), и крылатое выражение *очей очарованье* может обозначать «нечто приятное на вид» и относиться, например, к весенней коллекции одежды [32], путешествиям [36], выставке кукол в свадебных нарядах [24].

Как мы уже отметили выше, большинству иностранцев понятно, что с помощью словесного образа *очей очарованье* описывается нечто красивое, поэтому понимание языковой игры, основанной на компоненте «красота», не должно вызвать у них особых трудностей.

Культурный вес.

В результате того, что словесный образ *очей очарованье* со временем стал крылатым выражением, он приобрел специфические компоненты значения, ассоциативно связывающие его с именем автора (последнее, в свою очередь, превращается в мифологему и становится основой для клише [18]), с литературой, поэзией и поэтичностью, с культурой и культурностью, образованностью, а также с образованием – учебой в школе. Нередко крылатое выражение служит названием литературных, музыкальных, культурных мероприятий, например встреч в литературно-музыкальной гостиной [23].

Подобные компоненты значения, обусловленные культурным весом словесного образа в составе крылатого выражения, не могут быть выведены на основе анализа текста-источника. Закономерно, что «аксиологических» ассоциаций, связанных с выражением *очей очарованье*, у иностранцев не возникает.

Результаты проведенного эксперимента коррелируют с результатами исследования, выполненного А.П. Ивановой и И.И. Толстухиной. В ходе опроса 93 % иностранных студентов назвали Пушкина самым известным русским поэтом, при этом оказалось, что 64 % первокурсников не читали его произведений. Среди известных цитат из Пушкина респонденты ни разу не упомянули «очей очарованье» [9].

Таким образом, на занятиях по русскому языку как иностранному следует, во-первых, больше внимания уделять работе с оригинальными текстами писателя, в том числе отрывками из его «программных» произведений; во-вторых, необходимо показывать учащимся, какую роль в современной культуре приобрели те или иные выражения А.С. Пушкина, ставшие крылатыми.

Заключение

Словесный образ в составе крылатого выражения можно охарактеризовать с трех точек зрения. Во-первых, словесный образ как таковой состоит минимум из двух элементов: 'X' (то, что сопоставляется) и 'Y' (то, с чем сопоставляется), а также входит в парадигму образов. Во-вторых, он играет свою роль в системе образов в тексте-источнике, где приобретает контекстуальные компоненты значения. В-третьих, функционируя в составе крылатого выражения, он получает культурную ценность, национально-культурную семантику и включается в группу фоновой лексики русского языка.

Проведенный эксперимент позволил выявить, какие характеристики словесных образов в составе крылатого выражения «очей очарованье» и в какой степени понимаются иностранцами без предварительной подготовки (без специальных упражнений или работы с преподавателем). Оказалось, что наиболее трудными для иностранцев при восприятии словесных образов в составе крылатого выражения являются элементы словесного образа как такового (элементы первой группы) – 'X' (то, что сопоставляется) и 'Y' (то, с чем сопоставляется). Значимых

трудностей в понимании внутритекстовых связей словесного образа на примере отрывка из стихотворения А. С. Пушкина «Осень» не выявлено.

Большинство характеристик третьей группы – компоненты и коннотации (кроме «аксиологических»), получившие развитие в современной речи, – основаны на заложенном автором семантическом потенциале, с этим связан тот факт, что некоторые иностранные студенты, воспринимая выражение в тексте-источнике, отмечают те же семантические компоненты, на которые опираются современные носители языка в ходе языковой игры.

Особое внимание при обучении иностранцев необходимо уделять тому культурному весу, который приобретает словесный образ в процессе функционирования в составе крылатого выражения. Этот аспект не может быть логически выведен в результате анализа текста, для его изучения необходимо привлекать дополнительные материалы, демонстрирующие использование крылатого выражения в современной речи носителей языка.

В перспективе планируется разработка системы заданий и упражнений, направленных на обучение иностранцев восприятию словесных образов в составе крылатых выражений, с учетом результатов описанного в статье исследования.

Список литературы

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., стер. М., 2010.
2. *Андрюшина Н. П., Афанасьева И. Н., Битехина Г. А. и др.* Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. СПб., 2011.
3. *Андрюшина Н. П., Афанасьева И. Н., Битехина Г. А. и др.* Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. СПб., 2011.
4. *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1988.
5. *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: около 5000 единиц : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2 : Н–Я. Магнитогорск ; Greifswald, 2009.
6. *Дядечко Л. П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев, 2002.
7. *Еремينا Е. А.* Словесный образ в составе крылатого выражения: описание семантических компонентов в целях преподавания русского языка иностранцам // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 124–133.
8. *Еремينا Е. А.* Типы ошибок иностранных студентов в восприятии русских словесных образов времен года // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. №171. С. 222–226.
9. *Иванова А. П., Толстухина И. И.* Как знают А. С. Пушкина студенты-иностранцы? // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории : сб. науч. ст. участников XVI междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 215–222.

10. Картеченкова Ю. Г. Крылатые выражения русского языка в речи иностранных студентов как фактор культурного общения // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. №1. С. 75–77.
11. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке. СПб., 2015.
12. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы: монография. М., 2018.
13. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
14. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 2005.
15. Никитина Т. Г. Крылатые выражения А. С. Пушкина в интернет-коммуникации и словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №6 (84). Ч. 1. С. 125–128.
16. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.
17. Петрова М. В. Словарь крылатых выражений: более 2000 крылатых выражений. М., 2011.
18. Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // Художественная культура. 2018. №4 (26). С. 128–161.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 16 т. / гл. ред. чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев. Т. 8. М. ; Л., 1959.
20. Шкляревский И. Крылатые слова и афоризмы А. С. Пушкина. М., 1999.
21. Шулежкова С. Г. Пушкинские крылатые единицы как объект авторской лексикографии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9, № 2. С. 565–581.

Список источников

22. Айриян Н. Очей очарование: Осень в Южной Осетии // Sputnik. 29.11.2018. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/photo/20181129/7625038/Yuzhnaya-Osetiya-zima-blizko.html> (дата обращения: 01.08.2020).
23. В доме ветеранов прошла литературно-музыкальная гостиная «Очей очарование» – встреча с исполнителями авторских стихов и песен // КГБУ «Комсомольский-на-Амуре специальный дом ветеранов». 26.10.2018. URL: <https://mszn27.ru/node/48350> (дата обращения: 01.08.2020).
24. Выставка кукол в свадебных нарядах «Свадебная пора! Очей очарование!» // Петербургский музей кукол. 28.02.2018. URL: <https://museumdolls.ru/vystavka-svadebnaja-pora-ochey-ocharovane/> (дата обращения: 01.08.2020).
25. Завершился конкурс пленэрных работ «Очей очарование...» // Горноуральский городской округ : [официальный сайт]. 28.09.2018. URL: <https://grgo.ru/media/news/20379/> (дата обращения: 01.08.2020).
26. Концерт «Очей очарование» // Храм святой великомученицы Екатерины в Риме. 23.11.2014. URL: <http://stcaterina.com/kontsert-ochey-ocharovane/> (дата обращения: 01.08.2020).
27. Кочетыгова Т. Ученики гимназии №42 рассказывают, что такое «очей очарование» // Вечерний Барнаул. 13.10.2014. URL: <http://info-vb.ru/spec/ucheniki-gimnazii-42-rasskazyvayut-cto-takoe-ochey-ocharovane> (дата обращения: 17.08.2017).
28. Осенняя пора, очей очарование: показ Alena Akhmadullina в Музее Москвы // Posta Magazine. 02.04.2019. URL: <http://posta-magazine.ru/style/alena-akhmadullina-fall-2019> (дата обращения: 01.08.2020).
29. Открытие выставки «Очей очарование» в центре культуры // Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. 15.09.2017. URL: <https://www.altstu.ru/structure/unit/ck/news/13503/> (дата обращения: 01.08.2020).

30. *Очей очарование*: 10 лучших осенних новинок для макияжа глаз и бровей // Beautyhack. 03.09.2018. URL: <https://beautyhack.ru/krasota/makiyazh/ochey-ocharovane-10-luchshih-osennih-novinok-dlya-makiyazha-glaz-3> (дата обращения: 01.08.2020).

31. *Очей очарование*: завершился Чемпионат по наращиванию ресниц и моделированию бровей // Портал красоты Intensa. Pro. 16.11.2016. URL: <https://intensa.pro/statya/ochei-ocharovane-zavershilsia-chempionat-po-narashchi-vaniiu-resnits-i-modelirovaniu-brovei-baltic-beauty-cup/> (дата обращения: 01.08.2020).

32. *Очей очарование*: коллекция Resort 2018 от Luisa Beccaria. URL: <https://burdastyle.ru/stati/ochey-ocharovane-kollektsiya-resort-2018-ot-luisa-beccaria/> (дата обращения: 01.08.2020).

33. *Очей очарование*: осенняя коллекция макияжа Dior Fall Look 2017 // Elle. URL: <https://www.elle.ru/krasota/novosty/ochey-ocharovane-osennyaya-kollektsiya-makiyazha-dior-fall-look-2017> (дата обращения: 01.08.2020).

34. *Очей Очарование*: студия наращивания ресниц. URL: <https://2gis.ru/moscow/firm/70000001032388634> (дата обращения: 01.08.2020).

35. *Прокудина А.* *Очей очарование*: итоги фотоконкурса «Теплая осень на Сибдепо» // Сибдепо: Журнал о жизни в Кузбассе. 2017. URL: <https://sibdepo.ru/reading/ochey-ocharovane-itogi-fotokonkursa-tyoplaya-osen-na-sibdepo.html> (дата обращения: 01.08.2020).

36. *Чефалу*: «Очей очарование» // Наши прогулки по городам и весям... URL: <http://www.nashi-progulki.ru/ru/list/article.php?id=3555> (дата обращения: 01.08.2020).

37. *Nafisam.* Осенняя пора! Очей очарование! Отзыв о Екатерининском дворце и парке // Tripadvisor. 07.11.2018. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g811323-d301025-r631758930-Catherine_Palace_and_Park-Pushkin_Pushkinsky_District_St_Petersburg_Northwestern_.html (дата обращения: 01.08.2020).

Об авторе

Елена Анатольевна Еремина – канд. пед. наук, доц., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: ereminaea@herzen.spb.ru

The author

Dr Elena A. Eremina, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: ereminaea@herzen.spb.ru

И. А. Шаповал

**УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
В АСПЕКТАХ КОНЦЕПТА ГРАМОТНОСТИ**

95

Представлены результаты междисциплинарного анализа, категориального синтеза и обобщения опыта реализации учебно-профессионального дискурса в высшем профессиональном образовании. Этот дискурс рассматривается как открытая система, процесс самоорганизации которой направлен на обеспечение образования в течение всей жизни и прямо связан с формированием компетенций грамотности, отраженных ФГОС 3++. Описаны составляющие дискурса в его социо- и прагмалингвистическом аспектах и проблемы учебно-научной коммуникации студентов, в том числе при использовании для целей дискурса информационно-коммуникационных технологий. Определены мета-предметные, языковые, операциональные, критические, культурные измерения компетенций грамотности как показатели становления учебно-дискурсивного Я студента. Указаны необходимые условия организации и реализации практик дискурса.

The article presents the results of an interdisciplinary analysis, categorical synthesis and generalization of experience in the implementation of academic and professional discourse in higher professional education. This discourse is presented as an open system, the process of self-organization of which is aimed at providing life-long education and is directly related to the formation of literacy competencies reflected in Federal State Educational Standards 3++. The article describes the components of discourse in its socio – and pragma-linguistic aspects and the problems of academic and scientific communication of students including the ones which arise when information and communication technologies are used for the purposes of the discourse. Meta-subject, linguistic, operational, critical, and cultural dimensions of literacy competencies are defined as indicators of the formation of the student's academic and discursive Self. The research also specifies necessary conditions for the organization and implementation of the discourse practices.

Ключевые слова: дискурс, социолингвистика, прагмалингвистика, учебно-профессиональный дискурс, учебно-дискурсивное Я, грамотность, компетенции

Keywords: discourse, sociolinguistics, pragmalinguistics, academic and professional discourse, academic-discursive Self, literacy, competence

Введение

Информатизация социальной жизни и ориентация на концепцию образования в течение всей жизни актуализируют задачи модернизации способа передачи знаний, структурирование которого, по мне-

нию антропологов (в частности, М. Мид), в гораздо большей степени, чем содержание самих знаний, определяет то, как люди учатся думать, воспринимают и используют результаты образования — компетенции грамотности. Способность и готовность человека непрерывно и активно осваивать и применять новую информацию лежит в основе универсальной метапредметной компетенции грамотности. Индексом развития человечества (ООН), чертой здоровой нации (ВОЗ) и институциональной обязанностью университетов признается достижение высоких результатов в отношении академических, функциональных и глобальных компетенций грамотности [15].

Прямую связь с концептом грамотности в ФГОС 3++ обеспечивают универсальные компетенции в системном и критическом мышлении, коммуникациях и межкультурном взаимодействии, командной работе и лидерстве. Их конкретизация в отношении способностей студента использовать средства языка для достижения профессиональных целей, выстраивать стратегии межличностного и межкультурного устного и письменного общения, работать в команде и т. д. отражает сущностные характеристики учебно-профессионального дискурса в высшей школе (далее — УПД).

Важнейшая функция УПД как процесса контролируемого вербально опосредованного взаимодействия субъектов общей деятельности — передавать субъекту образования знания, обусловленные контекстом определенных комплексов норм, стереотипов мышления и поведения, и формировать у него представления о предметах и людях, их свойствах и отношениях, событиях и действиях как о некоем фрагменте мира, или ситуации [1].

Специфику жанров, регистров, коммуникативных стратегий и тактик в различных учебных ситуациях УПД определяют прежде всего его социо- и прагмалингвистические аспекты. При этом значимую роль в успешности обучающихся в высшей школе играет существенный разрыв между школьным учебным дискурсом и УПД вуза, а также между требованиями к компетенциям грамотности. Существующее между ними противоречие актуализирует цель нашей работы: анализ роли социо- и прагмалингвистических аспектов учебно-профессионального дискурса в моделировании программ дисциплин высшего профессионального образования.

В качестве методов исследования мы использовали междисциплинарный анализ, категориальный синтез, обобщение опыта.

Взаимосвязи учебно-профессионального дискурса и компетентностей грамотности

Феномен дискурса (от греч. *Διαξοδος* — путь, изложение, рассказ; лат. *discoursus* — беседа, аргумент, разговор) многозначен и имеет свои философский и лингвистический аспекты. В классической философии дискурс трактовался как развертывание мышления — последовательный переход от одного дискретного шага (понятия или суждения) к

другому — и противопоставлялся интуитивному схватыванию целого до его анализа. Французский постмодернизм и семиотика, определив дискурс как характеристику особой ментальности, выраженной в тексте, связанном, целостном и погруженном в социальные контексты, генерировали постулат дискурсивного анализа: изучая язык, можно изучить человека и окружающую его действительность.

Дискурс конструируется, с одной стороны, в определенном смысловом поле, с другой — в особой языковой среде для передачи определенных смыслов в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах. Сложность системы дискурса отражается в относительной самостоятельности его составляющих:

1) как монологически развиваемая языково-речевая конструкция *дискурс — текст* или «присваиваемая говорящим» *речь* (Э. Бенвенист);

2) как последовательность совершаемых в языке коммуникативных актов — разговор, диалог, письменные тексты, содержащие взаимные отсылки и посвященные общей тематике, и множественные тексты, объединенные темой, но предназначенные для разных целей;

3) как активность дискурса соотносится с «языком в языке» — особой композицией специфической лексики, семантики, синтаксиса, прагматики и паралингвистического сопровождения. Дискурс может быть речевым и письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие.

Т. А. ван Дейк [1], анализируя дискурс как единство языковой формы, значения и действия, выделяет два его ракурса. В узком смысле дискурс — это текст или диалогическая структура, заверченный или продолжающийся письменный или речевой продукт коммуникативного действия, интерпретируемый реципиентами. Широкий смысл дискурса отражает коммуникативное событие, происходящее между коммуникантами в процессе их взаимодействия и в определенном контексте (временном, пространственном и пр.).

В отечественной науке дискурс как объект исследования представлен с разных сторон [2–4]. Будучи сложным коммуникативным явлением, дискурс (речевое действие) соединяет в себе связный текст и экстралингвистические, прагматические и другие факторы, влияющие на его производство и восприятие. Текст, понимаемый как абстрактная грамматическая структура произнесенного, связан с формальными языковыми знаниями и компетентностью, поэтому для создания и понимания дискурса коммуниканты должны владеть синтаксисом и семантикой языка, на котором он создан.

Структурно-семантическими характеристиками заверщенного дискурса как комплексной коммуникативной единицы являются связность, цельность, полнота и автосемантия — разрешенность внутри текста всех вопросов референции. Крупные фрагменты дискурса должны также иметь тематическое, референциальное, событийное, временное, пространственное и другое единство, а их границы — помечаться более длинными паузами в устном дискурсе или графическим выделением в письменном.

Определение типа дискурса (бытовой, научный, политический и т.д.) исходит из специфики конструкции его релевантных признаков: целей общения, его типичных обстоятельств и степени формальности, коммуникативных функций участников, соотношения устного и письменного каналов общения и его жанров. Учитывая включение в современный учебный процесс информационно-коммуникационных технологий, мы определяем учебно-профессиональный дискурс как продукт синтеза 1) процесса учебно-профессионального общения его участников, 2) арсенала текстов, обеспечивающих это общение, и 3) средств и способов передачи информации, включая технические и технологические.

«Традиционные» умения и навыки речевых практик УПД, сохраняя свою ценность, дополняются компетенциями работы и коммуникации его участников в электронной среде, что определяет ряд его изменений [5; 6]:

- приоритеты студентов и преподавателей в выборе средств доступа к текстовой информации смещены в сторону компьютеров и смартфонов, и применение систем ИТ и мессенджеров позволяет находиться в асинхронном режиме общения и интерпретировать сообщения в зависимости от контекста;
- электронные тексты имеют иные в сравнении с бумажными носителями структуру и форматы: преобладают гипертексты, прецедентные и не сплошные тексты, компоновка в которых вербального языка и визуальных изображений варьирует на уровне макроструктур;
- необходимость интегрировать учебную информацию из разных предметных областей и источников подразумевает работу с большими объемами информации, что дерегулирует и делает общедоступными источники знания, пути к нему и хронологию усвоения его фрагментов.

Опыт показывает, что учебно-научная коммуникация большинства первокурсников вуза малоуспешна: как адресаты текстов они не могут достаточно быстро и правильно отражать и адекватно интерпретировать коммуникативные цели и замыслы авторов, как адресанты — строить точное, лаконичное и понятное адресату сообщение. Эта ситуация свидетельствует о недостаточной академической грамотности студента, подразумевающей способность эффективно осуществлять межкультурную академическую коммуникацию на базе профессионально ориентированных текстов.

Очевидно, что корни проблемы грамотности студентов — в грамотности вчерашних школьников. По результатам Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA-2018, российских учащихся характеризуют 1) трудности работы с информацией в электронной среде (ее сортировки по релевантности, уточнения информационного запроса, оценки качества, достоверности и надежности источников и самой информации); 2) недостаточно сформированные мыслительные операции анализа, обобщения, оценки и метапредметные когнитивные и речевые компетенции грамотно-

сти (в выявлении и анализе противоречий, строгости и точности мышления); 3) дефициты самостоятельности мысли и инициативы в выборе своей позиции [5; 7].

С приходом в вуз описанные проблемы проявляются в ограниченном или неуверенном владении приемами поиска информации, ее селекции, интерпретации, критической оценки и т.д. — то есть в непродуктивности УПД студента, что и показал опыт дистанционного обучения в связи с эпидемией COVID-19.

Уточним составляющие конструкта грамотности, выступающие ориентирами для УПД как коммуникации в учебном процессе вуза [6; 9]:

- культурное измерение академической грамотности оценивает понимание дискурса коммуникации конкретных групп или предметной сферы и умение пользоваться им на нужном языке (научном или прикладном);
- функциональная грамотность отражает способность студента включаться, максимально быстро адаптироваться и успешно функционировать в социокультурной среде вуза;
- глобальные компетенции, включающие представления о межкультурных взаимодействиях, деятельностную и коммуникативную направленность личности, выступают в качестве многомерной цели обучения и УПД на протяжении всей жизни.

Итак, необходимость организованного формирования УПД и развития у студентов компетенций грамотности очевидна: во взаимодействии они выступают необходимым условием успешного овладения любыми дисциплинами и самопроектируемого обучения.

Опираясь на схемы анализа дискурса [9–11], систематизируем наши представления о социо- и прагмалингвистическом аспектах УПД.

Социолингвистические характеристики учебно-профессионального дискурса

В социолингвистическом плане УПД выступает формой общения преподавателей и студентов как представителей различных социальных групп и носителей статусно-ролевых характеристик в рамках определенной коммуникативной сферы [10] и в определенном социокультурном контексте.

Как указывал М. Фуко, в социально-философском анализе дискурс многозначен: это и своеобразный инструмент познания (совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений об объекте), и то, благодаря чему мы становимся собой, и предмет борьбы за власть [12]. Любой человек проектирует, осознает, прогнозирует возможности, процесс и результат своих высказываний и текстов, но говорящий обладает властью говорить. Однако, несмотря на то что человек — субъект дискурса, не он создает дискурс, а дискурс создает его, и в совокупности дискурса субъект может «рассеиваться» и «прерываться».

Статусная ориентированность УПД делает его прототипный порядок институциональным: участники интересуют друг друга в качестве прежде всего представителей разных социальных групп, коммуницирующих в границах института профессионального образования.

Предметные признаки УПД соотносятся с содержанием, целями, задачами и спецификой речевых практик конкретных дисциплин. Содержание и форму дискурса детерминируют когниции его субъектов; при этом в обмене высказываниями адресат и адресант постоянно меняются ролями, оставаясь при этом внутри своих социальных и ритуальных ролей и установок. Тем самым в дискурсе происходит двусторонний ряд речевых событий, обратная связь позволяет декодировать информацию, расширяя или сужая ее, а смена кода общения может вызывать определенные трудности.

Институциональные признаки УПД отражаются в его базовых функциях: перформативной (учебно-профессиональная практика), нормативной (нормы и ценности овладения УПД), презентационной (выражение типовых интенций и ожиданий от овладения профессией), парольной (поддержание границы между студентами и преподавателями как агентами дискурса).

Профильные признаки связаны в социолингвистическом аспекте с получаемой профессией: это профессионально маркированный язык науки и практики, учебно-маркированный когнитивный инструментарий (само содержание и условия работы с текстами), критерии оценки качества деятельности студента в работе с предметным содержанием и индикаторы учебно-профессиональной самопрезентации.

Предсказуемость, ситуативная нормированность и клишированность УПД и трафаретность его речи определяются сценариями взаимодействия участников УПД [2]. Достаточно жесткий контроль референций в рамках определенных ожиданий обуславливается ролевыми стереотипами: как должен говорить преподаватель? какая речь не вызывает доверия? владеет выступающий темой? Принцип «ничего личного» рождает отстраненность речи, призванную обозначать границы УПД, однако в реальности они часто нарушаются из-за неспособности его участников отказаться от живого общения, и они переходят к другому типу дискурса.

Поскольку УПД реализуется в системе ценностей, значимостей, смыслов образовательной среды, постольку он должен выступать для студента условием и способом обретения новых смыслов, самопонимания и понимания других [13]. В противном случае и формируемый в УПД профессиональный дискурс редуцируется [14]: представления о целях и результатах своей работы будут сведены к сугубо предметно-методической области, мотивация к сотрудничеству и взаимодействию будет низкой, профессиональное речевое поведение — трафаретным, ригидным и слабо ориентированным на адресата.

Прагмалингвистические параметры учебно-профессионального дискурса

В прагмалингвистическом аспекте УПД предстает как интеракции его агентов с точки зрения их позиций (роли, статусы и т.д.), свойств (пол, возраст и т.д.), отношений (превосходство, авторитет и т.д.), функций (отец, судья и т.д.) и конвенциональных установлений (правила, принципы, ценности) [1].

Рассмотрим основные параметры прагматики УПД исходя из его понимания как продукта синтеза общения его субъектов, арсенала необходимых текстов и способов передачи информации в процессе коммуникации. Этими параметрами являются субъекты, ценности, цели, хронотоп, тексты, жанры, дискурсивные формулы и стратегии УПД.

Субъектами УПД выступают все его участники – студенты, преподаватели, сотрудники администрации вуза, способные выполнять различные операции с текстами: порождать, передавать, воспринимать, интерпретировать тексты. Те же операции способны выполнять программно-технические средства ИВС (а также перекодировать тексты), поэтому они могут дополнить список участников УПД [6].

Субъекты УПД, вступая в социально-ролевые отношения, образуют его базовые пары: «преподаватель – студент» и «студент – студент», или «специалист – неспециалист» и затем, по мере овладения УПД, «специалист – специалист». Субдискурсы этих пар агентов реализуют фреймовые модели информации или способы представления стереотипных ситуаций согласно сценариям УПД. Соответственно возникают различные «тональности» регистра дискурса [11]: это может быть серьезность, ритуальность, стремление к общему языку или, напротив, несерьезность, обиходность, «разрывы» дискурса, изменения его дистанции, прямое или косвенное выражение интенций и т. д.

Ценности УПД можно представить в трех взаимосвязанных и взаимозависимых категориях:

1. Учебно-профессиональные ценности: а) ответственное стремление субъектов УПД к профессиональному росту; б) ценности научного дискурса: признание познаваемости мира, необходимости умножать знания и доказывать их объективность, уважение к фактам и т. д.; в) перспективность решаемых в ходе учебного процесса задач.

2. Учебно-дискурсивные ценности: а) открытость подсистем УПД, критическое и уважительное отношение к ним и их развитие и совершенствование; б) адекватная самооценка своих дискурсивных умений и признание необходимости устранения их недостатков.

3. Коммуникативно-этические ценности: а) индивидуальность и уникальность каждого из субъектов УПД, их равноправие в постановке целей и выборе путей их достижения; б) коллегиальный подход к решению задач по достижению поставленных целей и к использованию результатов.

Цели субъектов УПД, несмотря на подразумеваемую общность целей, различны. Если цели УПД студента заключаются в активном развитии и использовании речевых практик (их тактик, техник, приемов) для овладения УПД и профессией, то целями преподавателя могут выступать:

а) проектирование коммуникации в активных и интерактивных практиках академического, квазипрофессионального и учебно-профессионального типа;

б) передача студентам необходимого объема общих и профессиональных знаний и формирование у них набора профессиональных навыков и умений;

в) совершенствование текстовой базы УПД и своих умений в поиске, отборе и оформлении новой информации, ее включение в учебный процесс.

Хронотоп УПД — это пространственно-временные характеристики его процесса: время, место и обстановка, включая «виртуальный хронотоп УПД». Хронотоп определяет качество атмосферы дискурса, наличие факторов помех, возможность самостоятельного выбора режима выполнения заданий и его изменений (в том числе настроек, конфигурации и комплектации ПК) [6].

Время УПД ограничивается расписанием учебных плановых, факультативных самостоятельных занятий. В пространстве УПД выделяются физическая (аудитория как прототипное место УПД, компьютерный класс, библиотека, домашние условия) и электронная среда (почта, мессенджеры, глобальная сеть Интернет с обеспечивающими их техническими средствами и технологиями работы с информацией). Наконец, обстановку УПД составляют формат занятий (групповой или индивидуальный, формальный или неформальный) и возможность использования для коммуникации ИТ-средств.

Тексты УПД научно и/или профессионально маркированы и выполняют функции содержательного наполнения когнитивного инструментария дисциплины, способа хранения и передачи информации и средства коммуникации. В системе текстов, используемых в УПД, чаще всего выделяют:

- научные тексты (статьи, монографии), функцией которых является сообщение объективной информации о предмете, фактах, явлениях профессиональной действительности;
- учебные тексты (учебники, учебные пособия, словари, справочная литература, сборники заданий, методические рекомендации и т.п.), призванные систематизировать материалы учебного назначения, представлять объективные знания для их распределения в процессе учебной деятельности и выстраивания собственных знаний, возможных трактовок понятий и т. д.

Открытость как обязательная характеристика системы текстов УПД дает возможность преподавателю расширять и обновлять ее без нарушения ее целостности, студенту — право выбирать из системы тексты по изучаемому курсу и дополнять их информацией из энциклопедий, журналов, Интернета и т. д. Различные форматы текстов соответствуют разным типам и видам профессионального знания и разным дискурсивным жанрам и стратегиям.

Жанры УПД реализуются в формах доклада или сообщения на семинаре, их аналитической оценки, решения репродуктивных и творческих задач, кейсов, ролевых игр и т. д. Форматы дискурса — лекция, семинар, практические занятия и т. д. — различаются статусно-ролевыми характеристиками и степенью самовыражения участников, коммуникативными дистанциями, регистрами общения, жанрами используемых текстов и совокупностями клишированных языковых средств. Формами дискурса являются и подготовка студентами публикаций, участие в выставках, конференциях.

Дискурсивные стратегии УПД согласуются с его ценностями, обозначенными выше, и распределяются на два класса.

1. Стратегии работы с текстами представляют собой совокупность приемов / операций актуализации и обработки информации. Самостоятельными, но взаимосвязанными в УПД являются стратегии: а) рецептивные и продуктивные; б) контактные (коммуникативные тактики активного рефлексивного слушания звучащего текста и риторики, подготовки и презентации выступления) и дистантные (стратегияльное чтение и академическое письмо) речевые практики.

Все названные стратегии ориентируются на системы норм, правил, способов и приемов получения, переработки, создания и хранения информации. Воспринимая, рефлексивная, оценивая и создавая тексты, студенты анализируют, синтезируют и отражают свои знания о мире и об УПД: его нормах, интенциях, целях, установках, ролях и других экстралингвистических факторах.

2. Педагогические стратегии [6] реализуются преподавателем в соответствии с ценностями УПД, отражают разные этапы процесса обучения и имеют свои функции:

- организующая стратегия – поиск общего языка, разрешение конфликтов, организация совместных действий;
- объясняющая – информирование обучающихся;
- фасилитирующая – создание условий для развития учебно-дискурсивного Я студента путем поддержки и коррекции его действий;
- стратегия контроля – получение объективной информации о состоянии у студентов компетенций грамотности и ФГОС, а в качестве обратной связи – проверка их готовности к получению новой информации и ее понимания в ходе занятий;
- стратегия оценивания реализует право и обязанность преподавателя как представителя «норм общества» оценивать в рамках некоей шкалы события, обстоятельства и достижения студента. Здесь допустимы смещение акцентов оценки на характеристику результатов в контексте их перспектив и инверсия ролей: студенты обсуждают и оценивают действия и результаты действий других студентов или преподавателя как руководителя / участника общего проекта.

В реализации названных стратегий широко используются дискурсивные формулы УПД: клишированные высказывания, направленные на привлечение внимания участников дискурса, побуждение их к действию или его прекращению, призыв к сотрудничеству, воздействие на мировоззрение, завоевание авторитета и т. д.

Выводы

Итак, в измерениях компетенций грамотности процессы последовательного усвоения, репродуцирования и продуцирования студентом профессиональных знаний и процессы развития и конституирования им своего учебно-дискурсивного Я должны быть взаимосвязаны:

- в метапредметных компетенциях это выдвижение гипотез, формулирование тезисов и аргументов, логическая организация идей и способов доказательства и т. д. на основе получаемой информации;
- в языковых — использование релевантных синтаксических структур и лексики;
- в операциональных — владение методами, инструментами и технологиями восприятия, интерпретации и создания текстов;
- в критических — активное воспроизведение и трансформации дискурсивных практик, оценка и рефлексивное переосмысления своих ресурсов их реализации;
- в культурных — организация контакта и решение коммуникативных задач согласно изменениям ситуаций УПД, участие в работе группы при обсуждении поставленной задачи (определении целей и правил, распределении ролей, формулировании содержания сообщения и общей позиции), ведение диалога (поиск общего языка, выдвижение аргументов и контраргументов и т. д.).

Организация и реализация педагогом высшей школы практик УПД предполагают учет его социо- и прагматингвистических аспектов и важных условий его реализации. Во-первых, при моделировании ситуаций разновекторного дискурсивного взаимодействия необходимо помнить о различиях в опыте, позициях и социально-личностном контексте практик УПД для их субъектов. Во-вторых, мотивы, цели и действия УПД должны студентом осознаваться и интериоризироваться. Наконец, все дискурсивные практики должны сопровождаться контролем и рефлексией их процесса и успешности, самооценкой и поиском способов самосовершенствования.

Все стратегии УПД в работе с текстами и компетенции грамотности представляют собой открытую систему, процесс самоорганизации которой направлен не на достижение равновесия, но на протяженное во времени непрерывное развитие и обеспечение образования в течение всей жизни. Именно незавершенность в каждый конкретный момент состояния системы делает ее доступной для проектирования, конструирования и управления и обеспечивает постоянную готовность сегодняшнего студента высшей школы к переработке новых знаний об изменениях мира и самого себя, своей деятельности и коммуникаций.

Список литературы

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
2. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 23–33.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
4. Михалева О. Л. Дискурс как объект исследования : лекция. Иркутск. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material13> (дата обращения: 11.11.2020).
5. Коваль Т. В., Дюкова С. Е. Глобальные компетенции — новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 112–123.

6. Руженцева Т.С. Учебно-профессиональный и профессиональный дискурс специалиста по информационным технологиям как основной механизм передачи информации // Экономика, статистика и информатика. 2012. № 2. С. 184 – 192.

7. Основные подходы к оценке читательской грамотности // Центр оценки качества образования. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_rl.html (дата обращения: 11.11.2020).

8. Шаповал И.А. Русский язык в профессиональной деятельности дефектолога: моделирование содержания учебной дисциплины // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электрон. науч. журн. 2020. № 3 (35). С. 243 – 255. doi: 10.32516/2303-9922.2020.35.18.

9. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград, 2009.

10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

11. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей: лингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 96 – 106.

12. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159 – 262.

13. Матьяш О.И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб., 2011.

14. Пецух О.П. Формирование гуманистического дискурса учителя-логопеда в дополнительном профессиональном образовании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2014.

15. *Literacy in 3D: An Integrated Perspective in Theory and Practice* / ed. by V. Green, C. Beavis. Camberwell, Victoria, 2012.

Об авторе

Ирина Анатольевна Шаповал – д-р пед. наук, проф., Оренбургский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: irinashapoval@yandex.ru

The author

Prof. Irina A. Shapoval, Orenburg state pedagogical university, Russia.

E-mail: irinashapoval@yandex.ru

О. В. Колотова

**ЭСКАПИЗМ: НЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ПУТИ
ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ**

106

Протест против устаревших образцов взросления и невозможность отстоять новаторский образ-Я – традиционное противоречие в самоопределении личности подростка. Трудности самоопределения в пространстве реальных отношений все чаще предопределяют эскапизм или поиски подрастающим поколением себя и ценности образа-Я в виртуальном бытии. Статья освещает, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасной деформацией их образа-Я и приводит к утрате его адекватности. Цель исследования – выявить варианты неконструктивных путей подросткового эскапизма. Теоретической основой исследования стала трансформационная модель протестной активности личности (субъектно-бытийный подход), рассматривающая эскапизм в качестве одной из форм протеста, как специфический процесс самоопределения личности. С помощью прикладного метода регрессионного анализа – парциальной модерирующей медиации – были изучены два наиболее вероятных неконструктивных пути подросткового эскапизма. Данные пути имеют сходства в механизме протекания: блокирование диалога подростка со своим Я, защитное поведение и стагнация личностного самоопределения. Различия заключаются в условиях действия механизма и в результатах личностного самоопределения. Если подростки отказываются от новаторского образа-Я в виртуальных пространствах, то они формируют позитивную ценность Я, однако сам образ остается детским. Если подростки отстаивают новаторский образ-Я, наблюдается «раскол» в оценке образа-Я: Я-реальное кардинально отличается от Я-идеального. Для подрастающего поколения эскапизм может представлять угрозу в том случае, когда поиск ценности Я в виртуальных пространствах не подкреплен субъектными ресурсами.

The protest against outdated patterns of self-image and the inability to defend modern patterns self-image becomes traditional contradiction in teenager's self-determination. Difficulties of self-determination in the real relationship define teenager's escapism and search for the value of self-image in a virtual existence. This study highlights the mechanisms and conditions under which escapism becomes dangerous for adolescents, distorts their self-image, and contributes to the loss of its adequacy. The purpose of the study is to identify options for non-constructive ways of adolescent escapism. The theoretical basis of the research is a transformational model of protest activity of the individual (subject-being approach), in which escapism is one of the forms of protest. The authors study two most likely non-constructive ways of adolescent escapism while applying the partial moderated mediation methodology. Two ways of non-constructive escapism have differences and similarities. The similarities are in the mechanism of their occurrence: psychological defenses and stagnation of personal self-determination. The differences are in the conditions of the mechanism and in the results of personal self-determination. If teenagers reject the modern self-image in virtual spaces, they form a positive value of the Self, but the self-image is childish. If teenagers advocate a modern self-

image, then there is a "split" in the assessment of the self-image: the real Self is radically different from the ideal Self. Escapism can be dangerous for teenagers if the searching for the value of the Self in virtual spaces is not supported by subjective resources.

Ключевые слова: эскапизм, самоопределение личности, протестная активность личности, образ-Я, самооценка подростка, психологическая защита, регрессия, модерирующая медиация

Keywords: escapism, personal self-determination of, protest activity of personality, self-image, adolescent self-evaluation, psychological defense, regression, moderated mediation

Введение

Современные реалии личностного самоопределения подрастающего поколения характеризуются трудностями выбора субъектом между эталонами, к которым необходимо стремиться: к устоявшимся или к новым, постоянно изменяющимися, неопределенным. В частности, одним из актуальных направлений данной проблемы является то, что подрастающее поколение сталкивается с неприятной неожиданностью, когда традиционные образцы самоопределения обесцениваются, перестают быть эффективными, но при этом остаются социально одобряемыми, зачастую активно и безосновательно навязываются окружением. Т. Тойвонен, В. Норасаккункит и Ю. Учида определяют подобное явление как «маргинальное личностное состояние молодежи»: наблюдается отказ как от конформизма, так и от конструктивного протеста [20, р. 8].

Необратимое отклонение личности от традиций, сочетающееся с невозможностью отстоять независимость, адекватно выразить свой протест, с большой вероятностью проявляется в примитивном бегстве личности из системы социальных отношений и отказе от самоопределения в них. В свете развития информационных технологий подобное бегство начало принимать форму *эскапизма*. З.И. Рябикина, характеризуя бытие современного человека, отмечает, что повсеместная виртуализация предоставляет субъекту неограниченные возможности для создания любых эталонов, образов, которые могут быть ограничены лишь фантазией [10].

Одним из способов преодоления описанного противоречия, как отмечают исследователи, является протестная активность личности — процесс, направленный на «деконструкцию микро- и макросоциума сообразно особенностям личностного самоопределения», ориентированный на ценностные основания личностной бытийности [4, с. 78]. Для эффективной деконструкции социума необходим субъектный потенциал личностных ресурсов. Эскапизм стал одной из форм протестной активности личности, исследована множественность его сценариев [4]. «Модусы» эскапизма зависят от специфики субъектного пути решения личностью «двойного конфликта» эскапизма (внутрилич-

ностного и межличностного), базового противоречия «между представлением о правильности собственного способа существования и его отрицательной оценкой со стороны общества» [Там же, с. 88].

Специфика «двойного конфликта» как источника эскапизма была уточнена для подросткового этапа онтогенеза [7]. В частности, эскапизм как форма протестной активности личности *зарождается деструктивным, драматичным процессом* личностного самоопределения. «Внутренний конфликт» включает в себя, с одной стороны, сочетание позитивного самовосприятия подростка как независимого, мятежного, самодостаточного, прогрессивного человека и негативного восприятия других, имеющих старомодные, косные и неприятные образы. С другой стороны, ощущение подростком обиды, чувства несправедливости и ущемления его прав представляет собой реализацию данного вектора, мотивационную готовность к эскапизму. «Внешний конфликт» характеризуется двусторонним разрывом отношений подростка с референтным окружением. Вопрос о том, к какому же образу приведут эскапистские поиски образа-Я, прежде всего касается выбора подростком-эскапистом пути истинной или ложной субъектности, а также является направлением дальнейшей научной разработки феномена подросткового эскапизма.

Конструктивный путь личностного самоопределения подростка-эскаписта в виртуальных пространствах предполагает поиск ценности Я, подкрепленный субъектными ресурсами: наличием внутреннего локуса контроля как ответственности за качество самоопределения, трезвой оценкой собственных возможностей и эмоциональной стабильностью, признанием собственных недостатков, просоциальным копингом [8]. В таких условиях подросток-эскапист имеет все шансы успешно сформировать адекватный образ-Я, каким бы оригинальным или новаторским он ни был.

В последние годы *проблема неконструктивных форм эскапизма*, его причин и следствий становится все более актуальной в отечественных и зарубежных исследованиях. Неконструктивная форма эскапизма преимущественно характеризуется как неудачная компенсация стрессовых событий, связанных с низким субъективным уровнем качества жизни и ее комфорта, эмоциональной неудовлетворенностью личности происходящим [1; 6; 11; 13; 18]. В настоящее время остаются открытыми вопросы о том, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасным.

Целью нашего исследования стало выявление вариантов неконструктивных путей подросткового эскапизма.

Поскольку эскапизм является формой протестной активности личности, подросток-эскапист стремится к самоопределению в виртуальных пространствах, то есть к *обретению ценности* конструируемого новаторского образа-Я, отвергнутого реальным референтным окружением. Следовательно, неконструктивность эскапистского процесса заключается в отсутствии активного создания ценностного основания образа-Я, объектной позиции подростка [4].

Методы исследования

В статье представлена часть результатов исследования формы протестной активности личности «эскапизм», проводимого автором в течение последних трех лет. В исследовании приняли участие 227 учеников гимназий г. Краснодара. Возраст респондентов 12–16 лет ($M_e = 14$), из них 49 % – девушки, 51 % – юноши.

Респондентам были предложены следующие психодиагностические методики: опросник «Протестная активность личности», шкала «Эскапизм» (А.Ш. Гусейнов); тест 16PF Р. Кеттелла, шкала «Q₁ – открытость новому опыту» (адаптация А.Г. Шмелевым и др.); опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте, адаптация Л.И. Вассерманом и др.); методика исследования самооценки личности С.А. Будасси.

Для наиболее эффективного исследования того, в каких условиях и посредством каких механизмов уход подростков в виртуальные пространства становится опасной деформацией их образа-Я и ведет к утрате его адекватности, был использован прикладной вид регрессионного анализа – модерируемая медиация [15]. Расчеты производились с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics v26.0, программное обеспечение PROCESS v3.5 (А.Ф. Хейс). Поскольку метод модерируемой медиации является каузальным, представляется важным охарактеризовать и обосновать роли эмпирических критериев (шкал методик) относительно друг друга для предотвращения эффектов *post hoc*¹.

Независимой переменной выступила шкала «Эскапизм» (X), позволяющая оценить выраженность эскапистской формы протестной активности личности, специфического процесса ее самоопределения – формирование личностью конструируемого образа-Я в различных виртуальных пространствах [4].

Как уже отмечалось ранее, протестная активность личности направлена на формирование ценностно-смыслового позиционирования. Поэтому в качестве зависимой переменной, наиболее важного результата процесса самоопределения подростка-эскаписта, была определена шкала «Самооценка» (Y). А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко относят представление личности о себе, оценку субъектом своих возможностей к содержательным результативным характеристикам самоопределения субъекта [5]. Согласно Л.В. Бороздиной, самооценка «отражает присутствие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он в результате обладает», характеризует результаты «ценностной экспертизы» представлений человека о себе [3, с. 61]. О.Н. Молчанова отмечает, что самооценка зависит «от удовлетворения некоторых стандартов или параметров ценностей» [9, с. 86].

¹ От лат. *Post hoc, ergo propter hoc*, что в дословном переводе означает «После этого, значит, по причине этого». Речь идет о логической ошибке, когда последовательность случайных событий неверно трактуется как причинно-следственная связь.

Было установлено, что значимым фактором в формировании неконструктивного эскапизма и его *ценностным стандартом* является «открытость новому опыту» (от англ. *openness to change*) [7]. М. Веккьоне с соавторами выявили также, что для подросткового возраста характерно снижение ценности устоявшихся эталонов самоопределения, наблюдается тяга к радикальным изменениям образа-Я [21]. В связи с этим в качестве переменной-условия (модератора) была использована шкала Q₁ (W). Модератор определяет то, *в каких условиях* проявляются причинно-следственные связи. В данном исследовании оценивалось, на каких уровнях шкалы Q₁ наблюдаются наиболее значимые, выраженные закономерности.

Механизмом неконструктивного эскапистского процесса самоопределения личности мы предполагаем ее защитное поведение — то, *каким образом* происходит преодоление личностью «двойного конфликта» эскапизма. Как отмечает Е.Б. Старовойтенко, психологические защиты блокируют процесс познания и раскрытия Я, характеризуют низкое качество «диалога человека с собой о Я-неизвестном» [12, с. 43]. Поэтому в качестве переменных-медиаторов, отражающих механизм влияния независимой переменной «Эскапизм» (X) на зависимую переменную «Самооценка» (Y), были использованы шкалы методики «Индекс жизненного стиля» (M).

Результаты исследования

Переменные X (независимая переменная, шкала «Эскапизм»), Y (зависимая переменная, шкала «Самооценка»), W (переменная-модератор, шкала «Q1 — открытость новому опыту») и M (переменная-медиатор «Психологические защиты») были включены в модель модулируемой медиации. На рисунке 1 представлена концептуальная схема модели, получившей наибольшую статистическую значимость.

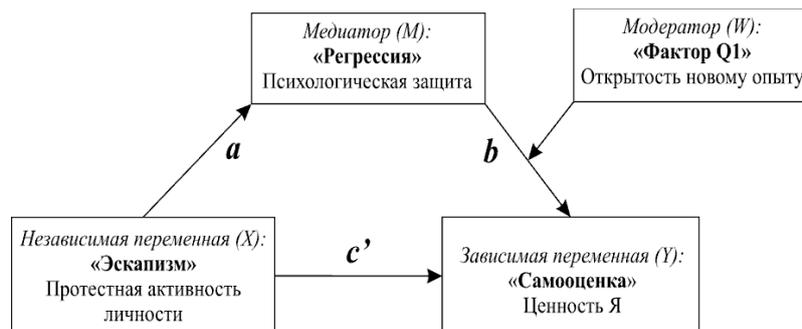

Рис. 1. Концептуальная схема модели модулируемой медиации

Примечание: стрелками отображены регрессионные зависимости, или «пути». Прямой путь c' — от независимой переменной (X) к зависимой переменной (Y). Непрямой путь представлен двумя путями: путь a — от независимой переменной (X) к медиатору (M), или левая сторона модели; путь b — от медиатора (M) к зависимой переменной (Y), или правая сторона модели. Путь b управляется модератором (W), что показано стрелкой.

А.Ф. Хейс для интерпретации результатов модели модулируемой медиации рекомендует опираться не на ее разбор по отдельным «путям», а на анализ индекса модулированной медиации, индексов непрямого условного влияния на различных уровнях модератора, а также на показатели критерия Джонсона – Неймана, анализ простых наклонов (от англ. *simpleslopes analysis*), которые с высокой точностью позволяют охарактеризовать модель в целом [15, р. 8]. Для достижения этого обратимся к рассмотрению данных, представленных в таблице.

Нестандартизированные коэффициенты (со стандартными ошибками) для модели моделированной медиации, метод наименьших квадратов (second stage moderated mediation model)

	Независимые переменные	Зависимые переменные:		
		М: Регрессия	Y: Самооценка	
1.	<i>Intercept: Св. член</i>		30,293 (5,8)	-0,201 (0,248)
2.	X: Эскапизм	<i>a</i> →	1,703 (0,3)	<i>c'</i> → -0,010 (0,001)
3.	M: Регрессия			<i>b</i> ₁ → 0,011 (0,003)
4.	W: Фактор Q ₁			<i>b</i> ₂ → 0,123 (0,036)
5.	M*W:			<i>b</i> ₃ → -0,002 (0,001)
6.	Общий ожидаемый размер эффекта:	R ² = 0,174 ; F(225)= 47,378 ; p<0,0001		R ² = 0,086 ; F(222)= 5,233 ; p<0,001
7.	Критерии взаимодействия			(M*W) R ² -chg= 0,05 ; F(222)= 12,677 ; p< 0,001 (X*M) F(221)= 0,671 ; p< 0,414
8.	Индекс прямого влияния:		<i>Индекс</i>	<i>LLCI</i>
	Индексы непрямого условного влияния на разных уровнях модератора «W»:		-0,010	-0,018
9.	Q ₁ =4,64 балла (консерватизм)		0,005	0,0002
10.	Q ₁ =6,33 балла (либеральность)		-0,001	-0,004
11.	Q ₁ =8,03 балла (радикализм)		-0,006	-0,011
12.	Индекс модулированной медиации		-0,003	-0,005

Примечание: полужирным шрифтом выделены статистически значимые показатели. Путь *b* представлен тремя путями: *b*₁ – от медиатора (M) к зависимой переменной, *b*₂ – от модератора (W) к зависимой переменной, *b*₃ – от переменной-интеракции (M*W) к зависимой переменной. Данные переменные необходимы для расчета индексов непрямого условного влияния. Процентиль доверительных интервалов бутстреп-анализа основан на 5000 бутстреп-выборках.

В строках 1–5 таблицы представлены значения всех путей модели (нестандартизированные коэффициенты со стандартными ошибками), которые необходимы для расчета индексов модели. Согласно показателям общего ожидаемого размера эффекта в строке 6, полученная модель является статистически значимой как в левой (путь *a*), так и в правой (пути *b*) сторонах на уровне p<0,001. В строке 7 отражены показате-

ли значимости взаимодействия $M*W$ ($R^2\text{-chg}=0,05$; $F(222)=12,677$; $p<0,001$), а также взаимодействия $X*M$. Последний показатель $X*M$ должен быть не значим, в противном случае будет ставиться под сомнение обоснованность вывода о существовании непрямого пути [16]. В рассматриваемой модели критерий взаимодействия $X*M$ не значим ($F(221)=0,671$; $p<0,414$).

В строках 8–12 находятся искомые показатели индексов модели модулируемой медиации. Индекс прямого пути (строка 8) является неинформативным в интерпретации непрямого влияния и далее не будет рассматриваться [15]. Наиболее важный показатель оценки модели – индекс модулированной медиации (строка 12), в частности значения его верхнего и нижнего порогов доверительных интервалов бутстреп ($LLCI=-0,005$ и $ULCI=-0,001^2$). Отсутствие значения «ноль» между данными порогами свидетельствует о том, что модель статистически значима, существует механизм влияния $X\rightarrow Y$ для специфических категорий респондентов [15].

Индексы непрямого условного влияния значимы на двух уровнях модератора (строки 9 и 11): для испытуемых с низким уровнем Q_1 – 4,64 балла (консерватизм) и высоким уровнем Q_1 – 8,03 балла (радикализм, новаторство), о чем свидетельствует отсутствие значения «ноль» между показателями доверительных интервалов $LLCI$ и $ULCI$. Для более детального исследования величин непрямого условного влияния обратимся к рисунку 2.

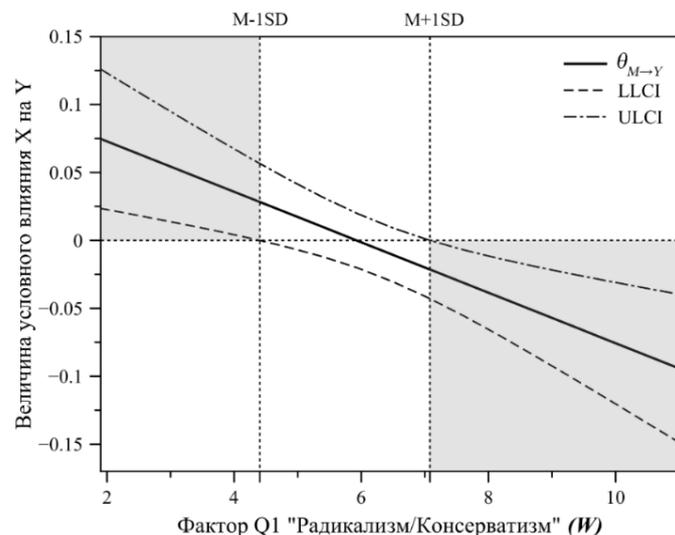

Рис. 2. Условное влияние психологической защиты «Регрессия» (M) на «Самооценку» (Y) как функция модератора «Фактор Q_1 » «Открытость новому опыту» (W)

Примечание: цветом выделены зоны значимости. Интервал $M\pm 1SD$ характеризует пороговые значения модератора (W).

² LLCI – low level confidence interval, ULCI – high level confidence interval.

На оси Y отражены величины условного влияния медиатора (M) на различных уровнях модератора (W), а на оси X – значения самого модератора (W) или баллы шкалы Q₁. Существуют две «зоны», в которых доверительные интервалы не включают значение «ноль» (на рис. 2 выделены серым цветом), о чем свидетельствуют значения критерия Джонсона – Неймана: для 14 % респондентов-подростков с низким уровнем Q₁=4,64 балла (консерватизм) характерно влияние психологической защиты «Регрессия» на увеличение показателей «Самооценка»; 24 % респондентов-подростков с высоким уровнем Q₁=8,03 балла (радикализм, новаторство) свойственно, наоборот, снижение показателей «Самооценки» под влиянием психологической защиты «Регрессия».

И наконец, необходимо установить меру увеличения или снижения показателей зависимой переменной «Самооценка» и соотнести ее с нормативными значениями (анализ простых наклонов).

Важно отметить, что согласно левой части модели ($a=1,703$; $t(225)=6,88$, $p<0,0001$) независимая переменная «Эскапизм» (X) значительно актуализирует психологическую защиту «Регрессия» (M). Согласно показателям, представленным в строке 2 таблицы, уравнение пути а выглядит следующим образом: $Y_x=1,703 \cdot X+30,293$, где Y – шкала психологической защиты «Регрессия», X – шкала «Эскапизм». Выраженные показатели защитного поведения ($Y \approx 75$ баллов и более по шкале «Регрессия») определяются высоким уровнем эскапизма ($X=26,3$ балла и более при нормативных значениях по шкале «Эскапизм» 12–21 балл). В исследуемой выборке ($n=227$) высокие значения эскапизма (26 баллов и более) характерны для 46 респондентов, что составляет около 20 % от всей выборки. Поскольку полученные данные по шкале «Эскапизм» распределены нормально (гипотеза о нормальном распределении проверялась с помощью критерия Колмогорова – Смирнова с поправкой Лиллиефорса $\lambda=0,051$, $p=0,200$, $df=227$), можно заключить, что бегство от реальности характерно для каждого пятого подростка. Исходя из описанных показателей будет производиться интерпретация рисунка 3.

Актуализация психологической защиты «Регрессия» ($C=84$ балла и более) у подростков, отказавшихся от радикализма как ценностного стандарта самоопределения ($Q_1=4,64$ балла и менее) приводит к формированию у них положительной самооценки ($r=0,38$ и более). У подростков, поддерживающих ценностный стандарт новаторства, радикализма ($Q_1=8,03$ балла и более), усиление выраженности психологической защиты «Регрессия» определяет значительное снижение самооценки вплоть до отсутствия какой-либо дифференциации между образцами Я-реальное и Я-идеальное ($r=0,27$ и менее).

Рис. 3. Визуальное представление условного влияния психологической защиты «Регрессия» (М) на «Самооценку» (Y) среди испытуемых с низким ($W=4,64$), средним ($W=6,33$) и высоким ($W=8,03$) уровнем выраженности фактора Q_1 «Открытость новому опыту»

Примечание: интервал $M \pm 1SD$ по оси X отражает нормативные значения шкалы «Регрессия»; линия «Нижний порог адекватной положительной самооценки» разделяет шкалу Y на две части, нижняя из которых характеризует несформированную самооценку, верхняя — сформированную положительную самооценку.

Обсуждение результатов

С помощью прикладного метода регрессионного анализа — модерированной медиации — было выявлено два наиболее вероятных неконструктивных пути личностного самоопределения эскаписта.

В обоих случаях подросток-эскапист для обретения ценности образа-Я использует психологическую защиту «Регрессия». Согласно В.Л. Блиновой, О.Г. Лопуховой и Е.О. Шишовой, для личности, тяготеющей к «Регрессии», характерно сочетание выраженной потребности в саморазвитии с отсутствием внутренних ресурсов для самосовершенствования, что ведет к «пассивно-оборонительному поведению» [2, с. 1569]. Следовательно, подросток-эскапист регрессирует к неактуальным паттернам оценки образа-Я ради сохранения его ценности с позиции детского восприятия. Различие выявленных неконструктивных путей заключается в специфике проявления условия — ценностного стандарта «открытость новому опыту», «новаторство».

Путь 1: подросток-эскапист отстаивает новаторскую позицию в обретении ценности Я. Данный путь приводит подростка-эскаписта к недифференцированной ценности образа-Я (реальное Я кардинально отличается от идеального Я). Полученные данные в настоящем исследовании сообразны результатам исследований зарубежных психологов. В частности, К. Фуллвуд, Б.М. Джеймс, Ч.-Х. Чен-Уилсон описывают регулярное экспериментирование подростков-эскапистов со своей «онлайн-самопрезентацией»: для них свойственно неясное и непоследовательное Я, они склонны представлять несколько версий себя в интернете, компьютерных играх; не могут выработать устойчивое понимание своего Я, их реальное-Я значительно отличается от идеального-Я, которое максимально нагружает фактор эскапизма в эксплораторном факторном анализе [14]. А.К. Гарсия Мурилло и Д. Х. Пуэрта-Кортес отмечают, что чрезмерная включенность подростков в социальные сети (на примере Facebook) связана с низкой самооценкой, неспособностью личности достичь желаемых целей в популярности и общении, неустойчивым образом-Я [17]. Б. Шпорчич и Р. Главак-Ткалич также связывают эскапизм с мерами «ясности» образа-Я: бегство от реального мира для достижения чувства уверенности в образе-Я нестабильно, поскольку происходит отождествление личности с игровым персонажем или аватаром [19]. Наблюдающаяся отстраненность от реальности отражается в отстраненности от реального образа-Я, способность к «саморазличению» начинает утрачиваться.

Путь 2: подросток-эскапист отказывается от ценностного стандарта «новаторство» и формирует положительную оценку образа-Я. Утрата ценностного стандарта «новаторство» характеризует отказ от свободомыслия, возврат восприятия к детским формам, подчинение традиционным эталонам и выработку высокой ценности образа-Я. Поскольку изначально желаемый новаторский образ-Я подростком не достигнут, сформированная позитивная ценность Я является искаженной, так как она выработана в результате защиты от угрозы дестабилизации самовосприятия.

Описанные варианты неконструктивных путей личностного самоопределения подростков-эскапистов характерны как для юношей, так и для девушек. Также не выявлено значимых различий в протекании представленных путей для респондентов младшего и старшего подросткового возраста. Представляется перспективным дальнейшее изучение эскапизма подростков с позиции половых и возрастных особенностей.

Заключение

В подростковом возрасте эскапизм зарождается как примитивное бегство личности из реального пространства социальных отношений, является деструктивным феноменом. Уход в виртуальные пространства воспринимается подростками как перспективная социальная лаборатория для утверждения и обретения ценности радикального образа-Я. Однако в условиях дефицита субъектных ресурсов эскапист склонен

либо к формированию недифференцированного образа-Я, его «расколу» на отвергаемое Я-реальное и желаемое радикальное Я-идеальное, либо к выработке положительного, но социально-одобряемого, детского, отличающегося от того, который им изначально отстаивался. Неконструктивные пути эскапизма в личностном самоопределении подростка приводят к стагнации, регрессу личностного развития, становясь предпосылкой к формированию аддиктивного поведения, а субъектного способа бытия.

Список литературы

116

1. Балыков Д. В. Эскапизм как психологический феномен // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2019. №1 (85). С. 17–18.
2. Блинова В. Л., Лопухова О. Г., Шишова Е. О. Особенности психологических защит при разном уровне готовности личности к саморазвитию // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1569.
3. Бороздина Л. В. Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2011. №1. С. 54–65.
4. Гусейнов А. Ш., Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю., Шиповская В. В. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, №4. С. 78–96.
5. Журавлев А. Л., Курпейченко А. Б. Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна : сб. науч. ст. М., 2011. С. 216–233.
6. Кибальник А. В., Федосова И. В. Социальный эскапизм в молодежной среде // Казанский педагогический журнал. 2020. №2. С. 221–229.
7. Колотова О. В. Вклад враждебности и референтности в зарождение подросткового эскапизма как процесса самоопределения личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №12. С. 101–110.
8. Колотова О. В. Подростковый эскапизм: факторы и механизмы успешного процесса самоопределения личности // Наука: комплексные проблемы. 2020. №2 (16). С. 103–108.
9. Молчанова О. Н. Проблемы самооценки индивидуальной личности // Мир психологии. 2011. №1 (65). С. 82–95.
10. Рябикина З. И. Личность как субъект бытия в условиях нарастающих изменений реальности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития : сб. науч. ст. М., 2017. С. 807–815.
11. Рябов В. Б. Эскапизм и субъективное качество жизни // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, №1. С. 44–65.
12. Старовойтенко Е. Б. Я-неизвестное в отношениях личности к себе и к другому // Мир психологии. 2018. №3 (95). С. 35–49.
13. Теславская О. И., Кардапольцева А. А., Беловол Е. В., Савченко Т. Н. Эскапизм как предмет исследования в современной научной психологии // Психологический журнал. 2017. №6 (38). С. 53–65.
14. Fullwood C., James B. M., Chen-Wilson C.-H. Self-concept clarity and online self-presentation in adolescents // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2016. Vol. 19, №12. P. 716–720.
15. Hayes A. F. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: Quantification, inference, and interpretation // Communication Monographs. 2018. Vol. 85. №1. P. 4–40.

16. Hayes A.F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis : a Regression-Based Approach. N.Y., 2018.

17. Murillo A. C. G., Puerta-Cortés D. X. Relación entre el uso adictivo de Facebook y el autoconcepto en estudiantes colombianos // Revista Virtual Universidad Católica del Norte. 2020. №59. P. 27 – 44.

18. Rogalski J.P., Roscoe E.M., Fredericks D.W., Mezhoudi N. Negative reinforcer magnitude manipulations for treating escape-maintained problem behavior // Journal of Applied Behavior Analysis. 2020. Vol. 53(3). P. 1514 – 1530.

19. Šporčić B., Glavak-Tkalić R. The relationship between online gaming motivation, self-concept clarity and tendency toward problematic gaming // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2018. Vol. 12, №1.

20. Toivonen T., Norasakkunkit V., Uchida Y. Unable to conform, unwilling to rebel? Youth, culture, and motivation in globalizing Japan // Frontiers in psychology. 2011. Vol. 2 (207).

21. Vecchione M., Schwartz S.H., Alessandri G. et al. Stability and change of basic personal values in early adolescence: A 8-year longitudinal study // Journal of Research in Personality. 2016. Vol. 63. P. 111 – 122.

Об авторе

Колотова Ольга Валерьевна – ведущ. спец. высшей категории, Краевой методический центр, Краснодар, Россия.

E-mail: olga.lavrichenko@mail.ru

The author

Olga V. Kolotova, senior expert of the highest category, Regional methodical center, Krasnodar, Russia.

E-mail: olga.lavrichenko@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее и внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2021

Серия

Филология, педагогика, психология

№ 1

Редактор *Д. А. Малеваная-Митарджян*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 30.04.2021 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. (1-й завод 49 экз.). Цена свободная. Заказ 46
Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6